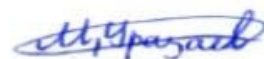

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ»

На правах рукописи

Урзаев Марат Дамирович

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭБРИЕТИВНОЙ
ЛЕКСИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И
НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)**

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная
лингвистика

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук, профессор
Шафиков Сагит Гайлиевич

Уфа – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ	13
1.1. Теоретические аспекты лингвистической типологии	13
1.1.1 История развития типологической лингвистики	13
1.1.2 Общие понятия лингвистической типологии.....	21
1.1.3 Теоретические аспекты лексической типологии	24
1.2. Межъязыковые сходства и различия в лексиконе	28
1.2.1 Языковые универсалии в лексиконе	28
1.2.2 Языковые уникалии в лексиконе.....	33
1.2.3 Ментальные структуры как объяснение универсалий и уникалий	37
1.2.4 Картина мира как репрезентация универсальных и уникальных черт в языках	41
1.3. Системное изучение лексики методом семантического поля	44
1.3.1 Полевая теория в языкознании	44
1.3.2 Семантическое поле как системно-структурное языковое образование	47
1.3.3 Комбинаторная семантика как методика описания значения.....	50
1.3.4 Основные единицы компонентного анализа.....	52
Выводы к главе I.....	54
ГЛАВА II. ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭБРИЕТИВНОЙ ЛЕКСИКИ	57
2.1. Структура эквивалентного семантического поля в анализируемых языках	57
2.1.1 Цель, метаязык и объект эмпирического исследования	57
2.1.2 Типизация семантического поля «алкогольное опьянение»	60
2.1.3 Выделение дифференциальных сем в семантическом поле «алкогольное опьянение»	65

2.2. Семный анализ эвриетивной лексики в русском, английском и немецком языках	69
2.2.1 Семный анализ адъективных номинаций	69
2.2.2 Семный анализ процессуальных номинаций	70
2.2.3 Семный анализ субстантивных номинаций	75
2.3. Значимостные характеристики эвриетивной лексики в языках сравнения	83
2.3.1. Понятие значимости как аспекта лексической системы языка	83
2.3.2 Анализ значимостей в сравниваемых языках	85
Выводы к главе II	93
ГЛАВА III. МОТИВИРОВАННОСТЬ И ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ЭВРИЕТИВНОЙ ЛЕКСИКИ.....	97
3.1. Аспекты мотивированности и внутренней формы лексикона	97
3.1.1 Понятия внутренней формы и мотивированности	97
3.1.2 Аспекты мотивации и мотивировки.....	99
3.1.3 Типология внутренней формы мотивированных номинаций	101
3.1.4 Внутренняя форма номинации как результат семантического переноса.....	105
3.2. Анализ мотивированности и внутренней формы эвриетивной лексики в языках сравнения.....	107
3.2.1 Деривационный анализ структурно мотивированных моноксемных номинаций в сравниваемых языках	107
3.2.2 Анализ степени мотивированности моноксемных номинаций в языках сравнения.....	113
3.2.3 Анализ структуры внутренней формы эвриетивной лексики в языках сравнения	121
3.2.4 Анализ моделей внутренней формы эвриетивных номинаций.....	125
3.2.5 Анализ моделей семантического переноса в языках сравнения	130
Выводы к главе III.....	139

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	142
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	147
ПРИЛОЖЕНИЕ	171

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, между языками существуют как сходства, так и различия. В сопоставительном исследовании общие черты между языками можно – с определенными оговорками – называть универсалиями, а межъязыковые различия – уникалиями. Наличие универсалий в языке объясняется существованием некоторых главных (первичных) структур человеческого сознания, которые получают выражение в языке. Наличие уникалий объясняется обычно внешними факторами, связанными со средой обитания, а также национально-культурными различиями. Универсалии и уникалии изучает лингвистическая типология как связующее звено между наукой о языках и наукой о языке. При этом в ходе изучения универсалий типология сближается с общим языкознанием, а в ходе изучения уникалий – с частным языкознанием.

Общие и индивидуальные черты языков достаточно глубоко изучены на фонологическом, морфологическом и синтаксическом уровнях языковой структуры, в то время как подобные достижения на лексическом уровне всё ещё остаются скромными. Тем не менее именно лексический уровень языка, связанный со всеми другими его уровнями, отражает и наиболее фундаментальные черты, и частные признаки языковой структуры.

Целью лексической типологии является сравнение эквивалентных лексических единиц разных языков по их значимым характеристикам для установления универсалий и уникалий (на лексическом уровне) по выделенным признакам.

Лингвокогнитивная парадигма современного языкознания создаёт основу для становления общей концепции лексической типологии. Такие актуальные тенденции лингвистического когнитивизма, как отказ от узко коммуникативистского взгляда на язык, признание роли эмпирического и

социокультурного опыта в формировании познавательных способностей, использование новейших технологий и приборов для изучения взаимосвязи языка и мышления, ориентация на межкультурный анализ и определение места языка в когнитивной теории формируют теоретические основы для дальнейшей выработки принципов и критериев типологического описания лексико-семантических систем языков мира.

Описанное выше можно в полной мере отнести к эбриетивной лексике (от лат. *ebrietas* «опьянение, хмель»; ср. этимологический дублет в английском языке: *inebriate*). Со времён изобретения первых спиртных напитков в 6 тысячелетии до нашей эры алкогольное опьянение представляет собой неотъемлемую часть и источник самых радостных и самых грустных моментов в жизни человека. Последствия употребления алкоголя, положительные или отрицательные, во многом отражаются в богатом эбриетивном лексиконе в отношении как отдельных слов, так и фразеологизмов во многих человеческих языках. Так, Русский Словарь Алкогонимов за авторством А.Ю. Кожевникова содержит 2 500 лексем, фразем и паремий, связанных с употреблением спиртного, а *Definitive Drinker's Dictionary* П. Диксона включает 2 964 синонимов к слову *drunk* «пьяный» в английском языке. Следовательно, алкогольное опьянение есть явление многомерное, многоликое и широко распространённое как в социальном, так и в языковом пространстве. В этом смысле эбриетивная лексика представляет собой социальную, культурную и языковую универсалию в силу высокой степени коммуникативной значимости. Соответствующий концепт («алкогольное опьянение») может рассматриваться также в рамках более широкой категории, такой как «употребление спиртного», «питие», «застолье» и т.п. [см., например, Чирич 2004, Глушкова 2009, Долгова 2009, Антонова 2012], либо в рамках более узкой категории – «патологическое состояние» [см., например, Павлова 2009]. Всё вышесказанное поднимает интерес к исследованию

соответствующей лексики, в частности, в межъязыковом плане. Межъязыковой ракурс позволяет, по выражению В.Г. Гака, «увидеть физиономию одного языка в зеркале другого» [Гак 2018: 176], ведь универсалия не исключает существования идиоэтнических и языковых особенностей, связанных со своеобразием функционирования определенного явления в культуре.

Всё вышеозначенное определяет **актуальность и содержание данного исследования.**

Цель исследования состоит в выявлении изоморфных и алломорфных характеристик эбриетивной лексики в эквивалентных языковых структурах, объединённых общим внеязыковым концептом «алкогольное опьянение» в русском, английском и немецком языках.

Материал исследования включает процессуальные, субстантивные и адъективные номинации, связанные с концептом «алкогольное опьянение» в русском, английском и немецком языках, выделенные из цифрового словаря-справочника синонимов русского языка В.Н. Тришина, цифрового тезауруса английского языка WordHippo и онлайн-тезауруса немецкого языка OpenThesaurus. Для проверки толкований и редукции номинаций использовались Большой Толковый Словарь под редакцией С.А. Кузнецова, Longman Dictionary of Contemporary English и Duden - Deutsches Universalwörterbuch.

Для достижения поставленной цели ставятся следующие **задачи** исследования:

- определение границ и структуры семантического поля «алкогольное опьянение» в языках сравнения;
- установление интегральных и дифференциальных сем, представленных семантическими компонентами в значениях номинаций, выражающих концепт «алкогольное опьянение»;

- определение значимостей анализируемых единиц, то есть особенностей функционирования эвриетивной лексики в системе языка;
- анализ структур внутренней формы соответствующих номинаций, а также установление моделей семантического переноса, лежащих в основе номинации;
- проведение сопоставительно-типологического анализа на каждом этапе исследования с целью установления универсалий и уникалий в лексико-семантических системах языков сравнения.

Предметом данного исследования служат языковые значения эвриетивной лексики.

Объект исследования включает группу номинаций, связанных с концептом «алкогольное опьянение» в русском, английском и немецком языках, различных по семантике и внутренней форме, по моделям семантического переноса, а также по системным связям и закономерностям употребления.

Теоретической базой настоящего исследования являются научные труды *по лингвистической типологии* (А.Ю. Айхенвальд, В.Д. Аракин, Г. Граффи, П. Рамат, Б.А. Успенский, В.Н. Ярцева и др.); *по лексической типологии* (М.Н. Копчевская-Тамм, Н.Б. Мечковская, Л. Кёртвейешши, Д.А. Рыжова, Ч.Дж. Филмор, С.Г. Шафикив и др.); *по теории универсалий* (А. Вежбицкая, Э. Бендикс, К. Годдард, П. Зимунд, Э.А. Моравчик, С.Г. Шафикив и др.); *по когнитивной теории* (Ю.Д. Апресян, С.В. Киселева, Т.М. Матвеева, З.Д. Попова, С. Пинкер, О.А. Турбина и др.); *по теории лингвистической относительности* (М. Аллард-Кропп, Е.А. Морозкина, Ч. Прадип, Э. Сепир, А.Ф. Роголѐв и др.); *по теории семантического поля и методу темного анализа* (Л.М. Васильев, К. Виллемс, Д. Герартс, О.Е. Потапова, И.А. Стернин, С.М. Тиллоева, Т.П. Ломтев, С.Г. Шафикив и др.); *по проблемам мотивированности и*

внутренней формы (М. Джонсон, Ф. Соссюр, Т.А. Сидорова, Дж. Лакофф, Р.З. Мурясов, А. Памис, К. Пантер, С.Г. Шафиков и др.).

Теоретическая значимость заключается в том, что материалы данной работы вносят вклад в построение семантической типологии лексических систем благодаря: 1) осмыслению материала, накопленного в лингвистической типологии, позволяющего объединить подходы к системному изучению лексической семантики в языках; 2) выведению кандидатов в языковые универсалии.

Практическая значимость заключается в возможности использования результатов исследования в курсах лекции по лексикологии и типологии русского, английского, немецкого языков, а также при составлении словарных статей, связанных с толкованием слов и фразеологизмов, выражающих концепт «алкогольное опьянение».

Методы исследования определяются исследовательскими задачами. Основными из них являются следующие: описательный метод, сопоставительный (типологический) метод, метод оппозиций, метод компонентного анализа, полевой метод, метод количественного анализа и деривационный анализ.

Новизна работы состоит: 1) в комплексном сопоставительном исследовании семантического поля «алкогольное опьянение» на материале трёх языков разного строя; 2) в интеграции методов семного анализа, теории семантического поля и прототипического подхода при сопоставительном исследовании; 3) в интегративном изучении структуры внутренней формы и способов отражения концепта «алкогольное опьянение», представленных в метафорических и метонимических моделях как основных типов семантического переноса.

Цель и задачи исследования коррелируют с проверкой **общей гипотезы исследования**, которая конкретизируется частными гипотезами:

1) содержание номинации представляет собой комплекс признаков, включающих, во-первых, семантические (диагностические и типические) признаки, во-вторых, мотивирующие признаки внутренней формы номинации;

2) распределение сходных и несходных семантических признаков в языках-репрезентантах семантического поля «алкогольное опьянение» зависит от степени их удаления от эталонного поля;

3) мотивировка лексических единиц, репрезентирующих семантическое поле «алкогольное опьянение», зависит от распределения мотивирующих признаков внутренней формы;

4) полная структура внутренней формы обеспечивает ей наибольшую информативную силу, указывая на содержание наименования наиболее ясным образом.

Проведённый анализ позволяет **вынести на защиту следующие положения:**

1) структура эталонного семантического поля «алкогольное опьянение» имеет иерархический характер; в денотативных значениях номинаций, объединённых в данное семантическое поле, актуализируются инвариантные содержательные единицы, представленные вариантными единицами;

2) семная структура номинаций концепта «алкогольное опьянение» показывает примерно преобладание сходных смыслов в языках сравнения, что, вероятно, можно связать с универсальными формами мышления, которые являются общими для всех людей благодаря единому устройству человеческого мозга;

3) структура внутренней формы мотивированной номинации может репрезентироваться определённым типом комбинации двух мотивирующих компонентов – идентификатора и модификатора; идентификатор служит родовым маркером, указывающим на

семантическое поле «алкогольное опьянение», модификатор служит видовым маркером, указывающим на дополнительные (уточняющие) признаки, связывающие конкретную номинацию с данной семантической темой;

4) в структурах внутренней формы межъязыковое различие заметно доминирует над сходством, что соответствует известному тезису о том, что семантически языки различаются не глубоко, а наиболее глубокие различия относятся к внутренней форме номинации, то есть к способу лексикализации означаемого;

5) ментальные образы алкогольного опьянения, образуемые в результате семантического переноса исходной номинации, обнаруживают высокую степень сходства между языками сравнения.

Настоящее диссертационное исследование соответствует следующим пунктам научной специальности **5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика:**

13. Теоретические проблемы лексикологии и лексикографии;

15. Контрастивная лингвистика и лингвистическая типология. Методы сопоставительного и типологического изучения языков. Типологические классификации;

16. Типологически ориентированное описание языков.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования были опубликованы в виде статей в ведущих российских научных журналах (8 статей), из них 4 статьи – в рецензируемых изданиях, включённых в реестр ВАК Министерства науки и высшего образования РФ: «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (Москва 2021, 2022), «Современный ученый» (Белгород 2022), «Успехи гуманитарных наук» (Махачкала 2022).

Композиция работы, которая состоит из введения, трёх глав, заключения и списка использованной литературы и приложения, определяется поставленными в ней задачами.

Во введении ставятся цель и задачи исследования, обосновывается актуальность, новизна, теоретическая и практическая значимость работы, определяются методы исследования, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе («Типологические исследования в современной лингвистике») проводится краткий обзор теоретических источников по основным вопросам, связанным с типологическим языкознанием, лексической типологией, когнитивной теорией, лингвистикой универсалий, теорией лингвистической относительности и методами лексико-типологического исследования.

Во второй главе («Парадигматический анализ эвриетивной лексики») проводится анализ компонентной семантики и значимости наименований концепта «алкогольное опьянение» на основе сравнения семантических структур в языках-репрезентантах и языке-эталоне.

В третьей главе («Мотивированность и внутренняя форма эвриетивной лексики») лексический материал анализируется с точки зрения общих и специфических структур внутренней формы, а также моделей переноса значения.

В заключении подводятся итоги исследования.

Список использованной литературы включает 204 наименования теоретических источников на русском и иностранных языках.

Приложение содержит полные списки номинаций концепта «алкогольное опьянение» (115 в русском языке, 100 в английском языке, 107 в немецком языке), а также результаты анализа в табличной форме (6 таблиц).

ГЛАВА I. ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

1.1. Теоретические аспекты лингвистической типологии

1.1.1 История развития типологической лингвистики

Предпосылки использования метода межъязыкового сравнения существовали задолго до образования лингвистической науки. Типологическое языкознание как раздел лингвистики начинает выкристаллизовываться только в XIX веке, однако на глубинном уровне типологический метод сопутствует лингвистике на всех этапах её эволюции. Следовательно, историю развития лингвистической типологии, как и историю самого языкознания, можно разбить на следующие периоды: *донаучный период*, *классический период* и *современный период* [Шафиков 2018: 34].

Донаучный период. Уже в учениях древнегреческих философов, таких как Платон (427-347 до н.э.) и Аристотель (384-322 до н.э.), содержатся рассуждения о языковых категориях, в частности о категориях числа и рода. Однако межъязыковые сходства (“*universali linguarum*”) и межъязыковые различия (“*differentia linguarum*”) еще не находились в центре внимания этих учений [Ramat 2010: 15]: древнеримские грамматисты просто пытались адаптировать традиционные категории древнегреческой грамматики к латыни (см. Дионисий Фракийский, Аполлоний Дискол).

Ситуация меняется в Средние века в связи с попытками описать «варварские» языки в соответствии с латинской грамматикой [Wilson 2003: 413]. Примером здесь может служить древнеисландский текст XII века «Первый грамматический трактат» (“*Fyrsta málfræðiritgerðin*”, 1125-1175

гг.), при составлении которого языковеды столкнулись с рядом трудностей, в частности с транскрипцией древнеисландского языка на латинский алфавит [Волконская 2015: 79-80], а также с описанием грамматики окситанского языка «Провансальский Донат» (“Donatz proensals”, 1240 г.) с помощью категорий латинской грамматики [Wilson 2012: 3]. Это были одни из первых работ, в которых имплицитно была поставлена проблема существования значительных различий между языковыми системами.

Итальянский средневековый литератор Данте Алигьери (1265-1321) классифицировал романские идиомы по использованию слова «да», выделив идиомы групп «йоль», «ок» и «си» [Гончарова 2016: 41], что можно назвать одной из первых классификаций родственных языков.

В XVII веке в связи с укоренением философского учения Аристотеля в университетах Европы среди просвещённого сообщества начинают выдвигаться идеи создания универсальной логической грамматики. Во второй половине XVII века вышла в свет «Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля» (“Grammaire generale et raisonnée de Port-Royal”, 1660 г.) за авторством логика-философа Антуана Арно (1612-1694) и грамматиста-полиглота Клода Лансло (1615-1695). В этом труде, созданном на основе грамматики греческого, латинского, древнееврейского и французского языков, анализируются языки нового времени, такие как итальянский, испанский, английский и немецкий. Цель этой первой логико-типологической грамматики состояла в установлении «рациональных основ, общих для всех языков, и главных различий, которые в них встречаются» [Жеребило 2010: 40]. В данном труде показана сопоставимость языков разного строя и происхождения, что весьма актуально для современной языковой типологии.

Классический период. Трудно определить дату рождения лингвистической типологии как отдельной ветви теории языка. Скорее

всего, первым ученым, который задался типологическими вопросами, был шотландский философ Адам Смит (1723-1790). В сочинении «Размышления о происхождении и различии духовного склада исконных и смешанных языков» (“Considerations Concerning the First Formation of Languages and the Different Genius of Original and Compound Languages”, 1759 г.) он обсуждал проблемы перехода от синтетического строя к аналитическому в европейских языках [Ramat 2010: 18-19]. Однако ещё раньше к проблеме классификации порядка слов в языках обращался аббат Габриэль Жирар (1677-1748) в своей работе «Истинные принципы французского языка» (“Les Vrais principes de la langue françoise, ou la Parole réduite en méthode”, 1747 г.). В этой работе священнослужитель предложил тройное деление языков, выделив три типа: *аналогические*, *транспозитивные* и *смешанные*. Позже эту классификацию дорабатывали другие французские филологи – Николя Бози (1717-1789) и Анри Вейль (1818-1909) [Германова 2020].

Первая слоговая классификация языков была предложена главным хранителем дрезденской библиотеки, немецким филологом Иоганном Кристофом Аделунгом (1732-1806) в его основном труде «Митридат, или Общее языкознание» (“Mithridates, oder allgemeine Sprachenkunde”, 1806 г.). Учёный выделял два типа языков: *моносиллабические языки* (“einsyllbige Sprachen”) и *полисиллабические языки* (“mehrsyllbige Sprachen”) [Волошина 2014: 323].

Первая морфологическая классификация языков обязана своему появлению немецким лингвистам. Фридрих Шлегель (1822-1825) в работе «О языке и мудрости индийцев» (“Über die Sprache und Weisheit der Indier”, 1808 г.) выделил два типа языков (*аффиксирующие* и *флективные*), и эту классификацию позже доработал его брат – Август Шлегель (1767-1845). Последний добавил к данной классификации *аморфные* языки. Также Ф. Шлегель дал полную характеристику основным способам выражения

грамматических значений, таким как: 1) *аналитический*, который заключается в использовании служебных слов, словопорядка и интонации; 2) *синтетический*, который заключается в использовании аффиксации, внутренней флексии, редупликации, ударения и супплетивизма. Таким образом, братья Шлегели создали самую узнаваемую ветвь лингвистической типологии.

Вильгельм фон Гумбольдт (1767-1835) добавил к морфологической классификации братьев Шлегелей *инкорпорирующий тип* языков, а также сформулировал идею об отсутствии в природе «чистого» типа языка, поскольку каждому естественному языку присущи феномены аффиксации, изоляции, флексии и инкорпорации, но в разных пропорциях [Куслий, Вострикова 2020]. В дальнейшем Хейман Штейнталь (1823-1899), ученик В. Гумбольдта, способствовал популяризации его морфологической классификации, а также исследовал синтаксические связи между языковыми единицами в свете лингвистической типологии.

Франц Мистели (1841-1903) продолжает исследования морфологической классификации языков, дополняя её новыми критериями, например, он разделил изолирующий тип языков на *корнеизолирующие языки* (мандарин, вьетнамский, дунганский) и *основоизолирующие языки* (яванский, индонезийский) [Аракин 2010: 35].

Франц Бопп (1791-1867) разработал классификацию индоевропейских корней, где выделял два типа корней: *знаменательные* (именные и глагольные) и *служебные* (местоименные) [Кузнецова 2021: 18].

Стоит отметить психо-типологическую концепцию Франца Никлауса Финка (1867-1910), которая предполагает разделение языков в зависимости от параметров темперамента носителей языков по следующим признакам: *уровень чувственности, уровень воображения и уровень возбудимости* [Демьяненко 2006: 192].

Первым российским трудом, где было использовано типологическое сравнение, можно считатьopus «О сходстве санскритского языка с русским» (1811 г.) за авторством Федора Павловича (Фридриха) Аделунга (1768-1843), племянника И.К. Аделунга. Федор Иванович Буслаев (1818-1897) в своих работах сравнивал русский язык с немецким, готским, санскритом и латынью, где указывал на чёткие межъязыковые фонетические соответствия. Исследования по морфологической классификации языков содержатся в работах Филиппа Фёдоровича Фортунатова (1848-1914); историческую теорию в разрезе синтаксической типологии разработал Александр Афанасьевич Потебня (1835-1891).

Ганс Георг фон дер Габеленц (1840-1893), вероятно, первым употребил термин «типология» во втором издании своей книги «Языкознание» (“Die Sprachwissenschaft”, 1901 г.) [Gabelentz 2016: 510]. До него эту ветвь лингвистики обычно называлась *морфологической классификацией языков*. Он чётко различал генеалогическую и типологическую классификации языков, которые разрабатывались одновременно в течение XIX века, в известной мере переплетаясь друг с другом. Также Г.Г. Габеленц ясно заявлял, что ни один язык не является более или менее «совершенным» по сравнению с другим. Тем самым он отказался от «оценочной» классификации языков, типичной в то время для многих языковедов. В данном ключе его можно назвать предтечей гипотезы языковой относительности Сепира-Уорфа. В своих работах Г.Г. Габеленц занимался морфологической классификацией языков и межъязыковым сравнением по порядку слов [McElvenny 2019: 8].

Таким образом, основное внимание в типологических изысканиях в классический период уделялось поиску новых типологических явлений и способов классификации языков. При этом основные направления исследования этой ветви теории языка были не столько таксономическими,

сколько глоттогоническими, что можно объяснить господством в XIX веке сравнительно-исторического метода.

Современный период. Полный переход в XX веке к структурализму побуждает усиленное развитие типологического языкознания. Типология переживает два периода активного развития – в начале и в конце, при спаде интереса в середине века. Если в XIX веке типология ограничивается сферами выделения и классификации морфологических признаков и типов порядка слов, то на заре XX века зарождаются разделы типологии, нацеленные на другие уровни и подуровни языка. Позже возникает идея создания целостной многоуровневой типологии.

Структуралисты приносят в типологию новые, математически строгие методы унифицированного анализа языков, которые дают исчерпывающе чёткое описание языковых явлений [Алпатов 2005: 88]. В границах структурализма зарождаются типологии языковых подсистем. Например, в работах представителей Пражского лингвистического кружка появляются такие направления как *фонологическая типология* Николая Сергеевича Трубецкого (1890-1938) и *характерология* Владимира Скалички (1909-1991) и Вилема Матезиуса (1882-1945).

Принципиально новую модель типологии представляет собой *ступенчатая* типология Эдварда Сепира (1884-1939). Он считал, что языки нельзя классифицировать по какому-то одному признаку. Поэтому Э. Сепир выделяет лингвистические признаки на основе трёх критериев: *тип выраженных понятий, техника выражения отношений и степень синтеза в грамматике* [Попова 2016: 45].

Новая модель *синтаксической типологии* была предложена Люсьеном Теньером (1893-1954). Главными параметрами для своей типологии учёный считал два типа синтаксической связи: *вертикальную* (объединяет управляемый и управляющий члены предложения) и

горизонтальную (объединяет соподчиненные компоненты) [Graffi 2010: 46].

Продолжалась также интенсивная разработка общей и частной *формальной типологии*. Например, Роман Осипович Якобсон (1896-1982) занимался развитием *фонологической типологии*; *типология типов предложения* была предложена Тадеушем Милевским (1906-1966); Эдвард Станкевич (1920-2013) предложил *типологию акцентных моделей*.

В современной отечественной науке также разрабатывались проблемы формальной типологии (В.М. Солнцев, А.Е. Кибрик, М.И. Лекомцева, Т.М. Николаева, О.Г. Ревзина, Ю.В. Рождественский, С.М. Толстая, Б.А. Успенский, В.Н. Ярцева и др.) [Абдрахманова 2014]. В работах Соломона Давыдовича Кацнельсона (1907-1985) затрагивались проблемы *контенсивной типологии*, которая направлена на сопоставительный анализ содержания языковых форм. Иван Иванович Мещанинов (1883 - 1967) выдвинул стадиально-синтаксическую теорию развития языка, в которой описал типы отношений между словами в предложении (согласование, управление, примыкание и инкорпорация). В Ленинградской (Петербургской) типологической школе под руководством Александра Алексеевича Холодовича (1906-1977) велись исследования по описанию типологических характеристик глаголов (А.К. Оглоблин, В.С. Храковский, С.Е. Яхонтов и др.).

Вероятно, в своей самой современной форме лингвистическая типология зародилась благодаря новаторским трудам Джозефа Гринберга (1915-2001). В частности, в его статье «Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов» (“Some Universals of Grammar with Particular Reference to the Order of Meaningful Elements”, 1963 г.) утверждается, что определённый общий порядок слов в языках ведёт к ряду имплицативных межъязыковых универсалий [Velupillai 2012: 25]. В отличие от предыдущих

типологических исследований, в трудах Дж. Гринберга редко приводились обобщения относительно структуры того или иного языка в целом. Вместо целостных классификаций, он рассматривал отдельные структурные типы и изучал их взаимные межъязыковые отношения [Graffi 2010: 47].

Сильнейшим толчком для появления *лексической типологии* послужила знаменитая монография «Основные цветовые термины: их универсальность и эволюция» (“Basic Color Terms: Their Universality and Evolution”, 1969 г.) о типологии цветообозначений, написанная антропологом Brentom Берлином и лингвистом Полом Кэем. В данной монографии была предложена строгая методика сопоставления значений лексических единиц [Данчевская 2018: 307]. На материале 98 языков была выведена универсальная последовательность возникновения цветовых категорий в языках, широко применяемая до сих пор в типологических исследованиях [Евтушевская 2015].

Становление теоретических основ лексической типологии в отечественной традиции связывается с трудами С.Г. Шафикова, Л.М. Васильева, Б.Ю. Городецкого, М.И. Толстого, А.Е. Супрун, В.Г. Крюка, Е.В. Рахилиной и др.

В последующем лингвистическая типология стремится охватить содержание всех языковых явлений, сближаясь с когнитивными исследованиями. Вскоре интерес к данной области лингвистики возрос ещё более, и за последние полвека типология достигла существенных результатов: разработаны различные методы сбора и анализа материала, описан целый ряд новых лингвистических типов на различных языковых уровнях и т.д. [Рыжова 2020].

1.1.2 Общие понятия лингвистической типологии

Типология как область теории языка носит всеобъемлющий характер. Под типологическим методом в теории языка понимается строгое научное описание языковых систем путём их декомпозиции и группировки по обобщённым и идеализированным моделям (типам), а затем последующее описание и сопоставление данных систем. Поэтому позволительно говорить об эмпирических и теоретических аспектах лингвистической типологии. Эмпирический аспект предполагает: 1) количественную обработку и обобщение экспериментальных данных; 2) фиксацию сходств и различий; 3) систематизацию и интерпретацию полученной информации. Теоретический аспект предполагает описание и толкование информации, то есть служит средством объяснения объекта и создания типологической теории. Отсюда следует, что современная лингвистическая типология является объяснительной дисциплиной, а не таксономической, как в прошлом.

Иногда типологию рассматривают в качестве члена триады: *сравнительно-историческое языкознание, ареальная лингвистика и лингвистическая типология* [Daniel 2010: 51], поскольку в основе каждой дисциплины лежит межъязыковое сравнение. Но если сравнительно-историческое языкознание и ареальная лингвистика ищут сходства, мотивированные общим происхождением и общей географической близостью, то для лингвистической типологии мотивация вышеназванными факторами не имеет значения. И как отмечает Л. Кёртвейешши, типологическая лингвистика стремится к систематизации и сходств, и различий в сопоставляемых языках «вне зависимости от родства или ареальной близости» [Körtvélyessy 2017: 9-10].

Цель лингвистической типологии состоит в системном изучении межъязыкового варьирования в языках. Перед лингвистической

типологией стоит ряд взаимосвязанных задач: 1) системное описание лингвистических структур, представляющих в естественных языках широкий спектр основных концептов (категорий), связанных с человеком и его средой обитания; 2) установление межъязыковых обобщений (универсалий), которые встречаются во всех или большинстве языков, а также корреляции между ними [Aikhenvald, Dixon 2017: 29]; 3) установление индивидуальных межъязыковых различий (уникалий), отражающих особенности каждого отдельного языка сравнения; 4) изучение плана содержания языковых структур и их связей с внеязыковой реальностью, то есть «внутренней формы языка» в концепции В. Гумбольдта [Мурясов 2009: 1162].

Таким образом, главной задачей лингвистической типологии служит изучение варьирования языковых структур и их типология вкупе с объяснением того, какие типы являются универсальными / уникальными, и почему [Monakhov 2020].

Как отмечает С.Г. Шафиков, любое сравнение – это, по сути, сопоставление одной величины с другой, взятой за единицу. А всякое сопоставление языков предполагает сравнение с *языком-инвариантом* [Шафиков 2014: 12]. Этот язык используется в качестве некоего ориентира для измерения сходств и различий между двумя или более языками. Этот язык-инвариант может быть естественным языком, который выступает неким *эталон* для сопоставления. Однако естественный язык не всегда удовлетворяет необходимым для этого критериям. Поэтому необходимо построить *язык-эталон*, то есть цельную универсальную модель описания системы языка, покрывающую все аспекты объектов анализа и передающую их языковую структуру в качестве краткой формулы ядерного описания [Успенский 1969: 65]. Как отмечает А.Л. Зеленецкий, «подобным образом типологическое сравнение, осуществляемое на базе некоторого языка-эталона, позволяет получить достаточно нетривиальное

знание о фундаментальных особенностях организации языковых систем» [Зеленецкий 2010: 30].

Для описания языка-объекта необходим некий терминологический аппарат, включающий в свой состав общенаучную лексику и номенклатурные знаки, то есть *метаязык* [Сидельников, Марченко 2014: 25]. В лингвистической типологии метаязык зависит от её направления, так, к примеру, метаязык количественной типологии будет состоять из таких параметров, как *индекс, степень синтеза, суффиксация, аффиксация* и т. д. Как утверждает С.Г. Шафиков, «в противоположность языку-эталону, который создается в зависимости от заданных языков, метаязык автономен от данных конкретных языков и содержит множество эталонов в зависимости от рассматриваемого признака» [Шафиков 2020: 440]. Общее между метаязыком и языком-эталонным состоит в принципе инвариантности, отличие же заключается в том, что метаязык не зависит от конкретных языков, тогда как эталон строится именно в зависимости от данных, а не иных языков, определяя расстояние между идеальным (эталонным) типом и его языковой реализацией. Это позволяет установить, какой удельный вес имеет та или иная категория в конкретном языке и каким способом эта категория выражается в языке.

Другим основным понятием, лежащим в основе типологических исследований, является «тип» / «языковой тип». С исторической точки зрения это понятие коррелирует с понятием «строй языка», однако в современной научной парадигме языковой тип определяется как частный признак языковой системы. Т.П. Ломтев трактует данное понятие как набор признаков, общих для некоторого подмножества общего множества языков [Ломтев 1965: 41]. В.Н. Ярцева даёт более широкое объяснение, определяя языковой тип как определённую форму организации понятийного содержания языка, которая представляет «иерархический комплекс семантико-грамматических характеристик, связанных

импликационным отношением» [Ярцева 1985: 9-10]. В данном контексте вместо понятия «языковой тип» правильнее говорить о «типе в языке», который представляет собой отдельный лингвистический признак в системе языка [Шафиков 2018: 78]. Можно говорить о типах деривационных моделей, о типах пропозициональных структур, о типах соединения морфем, о типах сем и т.д. Разные языковые системы представляют собой наборы частично совпадающих признаков, и именно эти признаки, а не конкретный язык или языки, являются материалом сравнительно-типологического анализа [Базелл 1972: 16].

1.1.3 Теоретические аспекты лексической типологии

Данная работа выполнена в рамках сравнительно молодого направления типологического языкознания под названием *лексическая типология*. Это направление представляет ту область лингвистической типологии, в рамках которой сопоставляются лексико-семантические системы различных языков [Zalizniak 2018: 770], то есть системному исследованию подвергается лексический инвентарь языка [Koptjevskaja-Tamm et al. 2016: 435], который сравнивается с другими языками.

Таким образом, основной задачей лексической типологии можно считать выявление межъязыковых сходств и различий в лексике [Шафиков 2018: 65]. Описание эквивалентных лексических систем достигается через посредство единого эталона, что позволяет сравнивать результаты [Конопелько 2019: 41]. Подобно квантитативной типологии Дж. Гринберга, описывающей удельный вес языковых черт (типов в языке) в различных языках, лексическая типология стремится описать инвентарь универсальных и уникальных значений через способы их вербализации в естественных человеческих языках.

До сравнительно недавнего времени в теории языка господствовало мнение о том, что межъязыковое сопоставление лексических единиц невозможно в принципе [Gast, Koptjevskaja-Tamm 2018: 43]. Главной причиной тому служила организация лексических смыслов в системе языка. В отличие от ряда грамматических смыслов, который выступает в качестве «ограниченного множества», лексические смыслы представляют собой «неограниченное множество» [Hanks 2013: 29]. Инвентарь лексических смыслов не только намного объёмнее, чем инвентарь грамматических смыслов, но к тому же ещё неограничен, ведь новые смыслы и, соответственно, новые лексические единицы появляются каждый день [Janusheva, Jurukovska 2015: 99], а старые лексические единицы приобретают новые смыслы, что заметно затрудняет их изучение [Maciejewski 2020: 188-189]. Поэтому считалось, что более организованная, системная и стабильная грамматика противостоит лексикону как ассистемному и нестабильному образованию. Однако, как замечают С. Стивенсон и П. Мерло, лексические единицы являются средоточием фундаментальной семантики, а также комбинаторных свойств языка, поскольку, именно лексические единицы преобразуются в более крупные смысловые единицы – фразы, предложения и тексты, которые являются основой человеческой речи в целом [Stevenson, Merlo 2022: 8]. Поэтому лексикон не следует исключать из типологических исследований, а аргумент об ассистемности лексикона, по сути, означает лишь, что отношения внутри лексической системы языка до такой степени сложны, что для их изучения необходимы особые методы анализа.

Другая проблема лексической типологии состояла в том, что семантический объём слов, выражающих сходное понятие, в разных языках совпадает не всегда [Тиллоева 2016: 146]. А.В. Книга связывает данное явление с национальной спецификой в семантике лексических единиц [Книга 2015: 22]. Специфичность лексических единиц проявляется

и в принадлежности их к различным стилистическим пластам, а также в их этимологии и функционировании [Юсупов, Нуреева 2014: 136]. Однако У. Вайнрайх считает, что «несопоставимость отдельных лексических единиц вовсе не означает несопоставимость лексических систем, поэтому предлагается использовать компонентное (семное) описание языковых значений в лексико-типологических исследованиях для установления границ межъязыкового варьирования в пределах определённого эталона» [Weinreich 2010: 216].

На современном этапе языкознания проблема изучения лексических систем решается сближением лексико-типологических исследований с когнитивной лингвистикой [Тиллоева 2016: 7]. Перспективу использования когнитивного подхода для лексической типологии определяют работы американского лингвиста Ч.Дж. Филлмора, с идеями которого созвучна также концепция Э. Рош о прототипном методе. Исследуя функциональный аппарат лексической семантики в процессах коммуникации через призму когнитивной лингвистики, Ч.Дж. Филлмор пытается установить типовые конструкции, которые структурируют языковое сознание и ассоциируются с определёнными языковыми единицами [Филлмор 1983: 66]. Параметрами типологизации лексикона (хотя сам Ч.Дж. Филлмор не называет свою систему типологией) служат, в частности, следующие показатели: 1) *степень аналитичности* (доля немотивированных наименований в лексиконе); 2) *таксономическая глубина* (доля видовых и родовых наименований); 3) *модели расширения значения* (типы полисемии); 4) *сферы синонимического варьирования* (типы полилексии); 5) *соотношение между грамматическими и лексическими характеристиками* (доля лингвистических и экстралингвистических признаков); 6) *области номенклатурного дробления*; 7) *модели лексикализации*; 8) *дистрибутивная связность содержания* (типология фразеологических единиц) [Там же].

С учетом вышесказанного, можно полагать, что исследования в русле современной лексической типологии должны проводиться исходя из следующих узловых моментов: 1) лексический инвентарь языка; 2) лексико-семантические группы с общим значением; 3) стилистическая дифференциация в лексике; 4) продуктивность разных средств пополнения лексикона [Мечковская 2020: 95].

На сегодняшний день разработано множество подходов к лексической типологии [Уразаев 2020]; ср. следующие подходы:

1. *Экспериментальный (психолингвистический) подход*, который используется Институтом психолингвистики имени Макса Планка (А. Мажид, Л. Дж. Спид, М. А. Клаассен, С. Левинсон и др.) [Paperno, Ruzhova 2019], для сравнения лексиконов посредством психического восприятия носителями разных языков с использованием *экстралингвистических стимулов* (цвета, вкуса, запаха, видео- или аудиоматериалов, визуальных изображений и т.п.).

2. *Фреймовый подход*, на который опирается Московская типологическая группа (MLexT) (А. В. Рахилина, В. М. Брицын, В. А. Круглякова, Т. А. Майсак, В. А. Плунгян, Д. А. Рыжова, Т. И. Резникова и др.), для сравнения лексиконов с помощью *фреймов* как наборов прототипических ситуаций, переплетающихся по смыслу [Georgakopoulos 2020: 191-192]. Предполагается, что каждое семантическое поле характеризуется своим набором фреймов, а разные наименования покрывают различные их комбинации [Rakhilina 2014]. Параметры группировки фреймов в рамках одного наименования изображаются графически в виде семантических карт [Рыжова 2020: 23].

3. *Макротипологический подход* Воронежской лексико-типологической группы во главе с В. Т. Титовым и А. А. Кретовым [Кретов, Череча 2020], используемый для определения «удельного веса» каждого слова в словаре по системообразующим параметрам: *функциональному*

(длине), *эпидигматическому* (числу значений), *синтагматическому* (числу фразеосочетаний) и *парадигматическому* (числу синонимов).

4. *Комбинированный лексико-типологический подход* Уфимской семантической школы (С.Г. Шафиков, Л.М. Васильев, И.В. Варуха, И.А. Костина, А.В. Павлова, Р.М. Саттарова, Э.Ф. Сафина, О.А. Цепунова и др.), который синтезирует теорию и методику исследования семантического поля с комбинаторной семантикой и теорией прототипов, для выявления особенностей 1) *структуры семантического поля* каждого языка-репрезентанта с помощью *дигностических* и *типических* компонентов значения; 2) *функциональной характеристики* лексического поля каждого языка сравнения (стилевая, территориальная, эмотивная и т.д. значимость); 3) *внутренней формы* соответствующих лексических единиц, что предполагает проведение *деривационного анализа*, *анализа мотивированности* и ее типов.

1.2. Межъязыковые сходства и различия в лексиконе

1.2.1 Языковые универсалии в лексиконе

Вопрос о языковых универсалиях, поставленный Дж. Гринбергом более полувека назад, не потерял своей актуальности для типологии и по сей день [Ячин, Кохан 2019]. Если лингвистическая типология изучает сходства и различия в языках с целью их классификации по определенным параметрам, то типология универсалий стремится обнаружить общие черты, присущие всем языкам мира вне зависимости от значимости этих черт.

В идеале, по словам П. Зимунда, *языковые универсалии* суть категории, закономерности и структурные свойства, характеризующие

устойчивостью, неотъемлемостью и идентичностью функций для всех возможных языков и языковых типов [Siemund 2011: 2].

Согласно Э.А. Моравчик, языковые универсалии могут различаться по степени модальности и сложности структуры. По модальности выделяется оппозиция *абсолютных универсалий* (которые имеют место быть во всех языках) и *статистических универсалий* (которые существуют в большинстве языков). По сложности структуры выделяется оппозиция *простых универсалий* (неограниченных какими-либо условиями) и *сложных универсалий* (ограниченных условием или рядом условий, также называемых *импликативными универсалиями*) [Moravcsik 2010: 67]. Эти универсалии могут быть представлены в виде таблицы (см. таблица №1).

Таблица №1

Типология универсалий

Параметры	Типы	Схема/ Пример
Простые универсалии	Абсолютные универсалии	Схема: во всех языках есть Y. Пример: во всех языках есть взрывные согласные.
	Статистические универсалии	Схема: в большинстве языков есть Y. Пример: в большинстве языков есть носовые согласные.
Сложные универсалии	Абсолютные универсалии	Схема: если во всех языках есть X, то есть и Y. Пример: если во всех языках есть /m/, то есть и /n/.
	Статистические универсалии	Схема: если в большинстве языков есть X, то есть и Y. Пример: если в большинстве языков есть /p/, то есть и /t/.

Необходимо указать также на выделение *экстенсивного* и *интенсивного* методов поиска универсалий в лексическом инвентаре языков [Шафиков 2016: 82].

Суть *экстенсивного метода* состоит в выявлении универсальных лексических категорий во всех открытых для анализа языках, то есть в установлении так называемого «алфавита человеческого мышления» (“Lingua Mentalis”) [Wierzbicka 2022]. Работа в данном направлении ведётся с помощью разработанного Анной Вежбицкой и Клиффом

Годдардом подхода под названием «Естественный семантический метаязык» (“Natural Semantic Metalanguage”), который заключается в поиске *семантических примитивов*, то есть смыслов, которые нельзя разложить на более простые смыслы [Goddard, Wierzbicka 2014: 83-84] и в этом смысле можно считать *семантическими универсалиями* [Барляева 2015: 114], поскольку определенные семантические свойства единиц естественного языка встречается во всех мировых языках [Incurvati, Sbardolin 2022: 2]. Семантические универсалии позволяют лучше понять семантическую систему языка (инвентарь значений, которые в ней представлены) [Там же].

Критерии универсальности заключаются в том, что семантические примитивы: 1) не могут быть перефразированы; 2) представлены во всех естественных языках; 3) подчинены определённым правилам комбинаторики (какие-то комбинации возможны, а какие-то нет) [Cavanagh et al. 2019: 2-3].

В настоящее время выведено 65 семантических примитивов, список которых А. Вежбицкая признала исчерпывающим [Wierzbicka 2021: 930], в частности, *субстантивы* (я, ты, люди, тело), *реляционные субстантивы* (род-вид, часть), *детерминативы* (этот, тот же, другой), *квантификаторы* (один, два, все, много), *жизнь и смерть* (жить, умереть), *принадлежность* (твое, моё), *оценочное значение* (хороший, плохой), *предикаты ментальных состояний* (знать, хотеть), *предикаты действия* (делать, случаться), *deskрипторы* (большой, маленький), *речь* (говорить, правда, слово), *расположение / существование / спецификация* (быть где-то, быть (есть), быть кем-то), *время* (до, после, долго, когда-то), *место* (над, под, далеко, близко), *логические концепты* (может быть, если, потому что), *усиление* (очень, больше), *подобие* (как~так) и др. [Gladkova, Larina 2018: 502].

Интенсивный метод исходит из допущения о существовании вероятностных (статистических) универсалий на основе исследования ограниченного числа языков. Подобные универсальные категории тождественны в конкретных языках сравнения, и поэтому считается возможным прогнозировать наличие данных категорий в других языках. Сложность этого метода не позволяет провести детальный анализ обширных семантических категорий в большом количестве языков, поэтому приходится ограничивать либо количество языков в выборке, либо уровень детализации их анализа.

Представленный выше подход к лексической типологии Уфимской семантической школы позволяет выстроить следующую типологию лексико-семантических универсалий [Шафиков 2020: 441-442]:

1. *Универсалии семантического поля* отражают общий для данного семантического поля инвентарь сем, образующих смыслы в языках сравнения. Например, в английском языке семантическое поле «алкогольное опьянение» представлено смыслами наименований типа *drunk, to drink, drunkard, tipsy, alcoholic, pissed as a newt* и т.д. По существу, семантическое поле «алкогольное опьянение» должно иметь место в любом языке, поскольку соответствующий психофизический феномен носит универсальный характер, ведь психоактивное действие спиртного имеет универсальное влияние на представителей разных лингвокультур.

2. *Полисемантические универсалии* отражают смысловые связи между семемами (системами значений) полисемантов (многозначных наименований), содержащих идентичные прямые и переносные значения в языках сравнения. Например, наименования концепта «алкогольное опьянение» в русском, английском и немецком языках: Р.Я. *пьяный* «находящийся под воздействием выпитого спиртного» ↔ «находящийся в состоянии восторга, упоения чем-л.»; А.Я. *drunk* “unable to control your behaviour, speech etc because you have drunk too much alcohol” ↔ “overcome

or dominated by a strong feeling or emotion”; Н.Я. *trunken* “sich durch die Wirkung alkoholischer Getränke in einem Rauschzustand befindend; berauscht, betrunken” ↔ “in einem übersteigerten ekstatischen Zustand oder einen entsprechenden Gemütszustand erkennen lassend”.

3. *Фразеосемантические универсалии* отражают изоморфные типы семантических связей между смыслами монолексемного наименования (лексической единицы) и полилексемного наименования (фразеологической единицы), в состав которой входит данное монолексемное наименование. Например, полилексемные наименования с общим компонентом-соматизмом в английском, испанском и французском языках: «пойти + <куда> + голова» (ударить в голову - о спиртном) – А.Я. *to go to one's head*; И.Я. *subirse a la cabeza*; Ф.Я. *monter a la tête*; «беречь + <как> + глаз (зрачок глаза)» (деликатно относиться): А.Я. *to cherish as the pupil of one's eye*; И.Я. *cuidar como la niña de los ojos*; Ф.Я. *garder comme la prunelle de ses yeux* и т.д. [Шафиков 2018: 161].

4. *Категориально-семантические (межчастеречные) универсалии* отражают изоморфные смысловые связи между разнополевыми семемами, имеющими противоположные частеречные (категориальные) семы. В частности, наименования концепта «алкогольное опьянение» в русском, английском и немецком языках: Р.Я. *пьяный* ↔ *пьяница*; А.Я. *drunk* ↔ *drunkard*; Н.Я. *saufen* ↔ *Saufbold*.

5. *Универсалии внутренней формы* отражают категории мотивированности и внутренней формы мотивированных наименований. Например, наименования деятеля: Р.Я. *учитель* (*учить* + суффикс *-тель*); А.Я. *teacher* (*teach* «учить» + суффикс *-er*); Н.Я. *Lehrer* (*lehren* «учить» + суффикс *-er*) и т.д.

1.2.2 Языковые уникалии в лексиконе

Помимо языковых сходств, в фокусе изучения лингвистической типологии находятся также и языковые различия. Ещё В. Гумбольдтом была высказана идея о том, что различия в языках соотносятся с культурными различиями [Гумбольдт 2000: 303]. Такие различия вызывают эффект лингвистического релятивизма, сформулированного в рамках гипотезы лингвистической относительности Сепира-Уорфа. Гипотеза утверждает оказываемое языком существенное влияние на восприятие и другие когнитивные процессы, следствием чего является частичная или полная несоизмеримость моделей мышления и картин мира в разноязычных социокультурных сообществах [Морозкина, Чжу 2022: 124].

Пройдя сложный путь от радикального утверждения до полного развенчания в конце XX – начале XXI вв. языковой релятивизм снова оказывается в фокусе исследовательского внимания вследствие конвергенции тенденций в антропологии, психологии и языкознании [Fine, Jaeger 2011]. Для релятивизма новой волны характерно разнообразие теоретических позиций и широкое понимание лингвистической относительности, что позволяет определить его как продуктивный когнитивно-антропологический проект, связанный с перспективами посткогнитивизма и кросс-культурной психологии [Бородай 2013: 18-19]. Вопросы, поднятые этой гипотезой, относятся не только к области лингвистики, но также имеют отношение к психологии, этнологии, антропологии, социологии, философии и естественным наукам [Hussein 2012: 642]. Получается, что конкретный язык делает существование объективного мира сомнительным, а научное знание, которое можно получить, неизбежно будет субъективным. Вопрос о том, полностью ли язык, на котором говорит определённая группа индивидов, определяет её

отношение к действительности [Kihlstrom, Park 2018: 8], или же эта группа просто находится под влиянием присущего ей мировоззрения, остаётся предметом жарких дискуссий [Gelman, Roberts 2017].

В своём исследовании языков коренных американцев С. Пинкер иллюстрирует данную гипотезу, показывая, что различия в языках «заставляют» носителей смотреть на различные измерения мира под влиянием различных грамматических свойств этих языков [Pinker 2007: 386]. Например, носители английского языка очень «бережно» относятся к своей системе образования времён, что вызывает их повышенный интерес к относительности времени к событию, которое описывается в речевом акте, а также к необходимости определения характера отношения между моментом речи и деталями этого события. Зато в языке коренных американцев винту способ образования глаголов не имеет решающего значения для понимания последовательности событий во времени; здесь более важную роль играет «источник знания» из которого получены передаваемые события. Этот язык богат разнообразными словесными морфологическими суффиксами, указывающими на «источник знания» об определённых событиях [Matthewson 2017: 144-145].

Естественно, и в лексиконе каждого языка существует множество уникалий, например, племя шона из Зимбабве и юга Замбии имеет около 200 различных способов выражения глагола «идти» в своём языке: *mbwetwer* «ходьба при встряхивании ягодицами», *chakwair* «идти по грязи», *donzv* «ходить с опорой», *panh* «проходить долгий путь», *rauk* «шагать большими шагами» и т.д. [Toevski 2018: 89].

Учитывая существование языковых уникалий, можно ставить вопрос о возможности влияния межъязыковых различий на образ мышления говорящих. Как известно, различаются две формы гипотезы лингвистической относительности, крайняя и умеренная [Абдурахманова 2015: 10]. *Крайняя форма* гипотезы утверждает, что язык – это не только

средство общения, но и когнитивный инструмент, который формирует и определяет мыслительные процессы. Данная форма предполагает, что язык влияет на то, как люди думают и воспринимают мир, иначе говоря, разные языки ведут к разным способам мышления [Allard-Kropp 2020]. *Умеренная форма* гипотезы утверждает, что язык в некоторой степени влияет на мыслительные процессы, но не определяет их. Это предполагает, что разные языки приводят к несколько разным принципам восприятия мира, но мышление определяется языком лишь отчасти [Bignozzi 2021]. В противном случае было бы невозможно переводить с языка на язык, то есть достигать взаимопонимания между культурами.

Откровенные расхождения в концептуализации мира различными языками интерпретируются следующими причинами: а) расхождения природных условий обитания носителей языков; б) различие темпов научного прогресса в различных культурных общностях; в) различия в формах общения; г) различия в категоризации мира через мышление [Шафиков 2018: 6].

Первый тип уникалий обусловлен разницей в природном окружении носителей языка. К примеру, лексикон коренного американского племени тева, которое проживало на склоне Скалистых Гор и занималось сельским хозяйством, имеет заметные отличия от лексикона коренных американцев племени нутка – урождённых обитателей побережья Тихого океана. Вследствие интереса обитателей в своей среде обитания, словарь языка нутка, в отличие от словаря языка тева наполнен «морскими словами» [Там же].

Второй тип уникалий детерминируется познанием незримых для прямого наблюдения явлений, их свойств и отношений между собой, которое проявляется через две антагонистичные тенденции в лексической системе языка: *специализацию* и *генерализацию*. Примером специализации может служить отсутствие в языке аборигенов-тасманийцев единого

наименования дерева, что объясняется отсутствием понимания того, что все деревья – это, по сути, разновидности дерева как такового. Примером генерализации может служить отсутствие чисел в языке южноамериканского племени пирахан, что можно объяснить плохим уровнем счёта в данной культуре [Hespos 2004: 927-928].

Третий тип уникалий детерминруется разницей в этнокультурных особенностях, что выражается, например, в артефактах. К примеру, в амхарском языке есть слово *agelgil* «кожаная корзина для переноски готовой еды»; поэтому концепты корзины в эфиопской и европейских культурах совершенно разные (европейская корзина обычно сплетена из гибких ветвей дерева) [Gasser 2022: 53].

Четвёртый тип уникалий детерминруется лишь спецификой категоризации мышления без всякой связи с окружающей средой, то есть с прогрессом познания объективного мира, а также культурными и национальными моделями языкового сообщества. Например, английский язык и язык ндонга (или ошиндонга, язык банту, на котором говорят в Намибии и некоторых частях Анголы) различаются структурой категоризации цветовых обозначений. В языке ндонга нет лексической единицы для обозначения оранжевого цвета [Pilling, Davies 2004]. Английское цветообозначение *orange* «оранжевый» носители языка ндонга видят, как *oshitiligane* «красный» или как *oshishunga* «жёлтый». Таким же образом, коренное племя Южной Америки макуши в отличие от других племён, живущих в той же области, различают лесной массив по форме рельефа, почвы, деревьев и даже истории вмешательства человека [Johnson, Hunn 2010: 135].

Следовательно, чем больше различия в культурах носителей различных языков, тем больше проявляются языковые уникалии. Тем не менее языки и культуры всё же имеют глубинное сходство, потому что

люди в основном одинаковы [Rabiah 2018: 10] благодаря одинаковому строению органов чувств и мозга.

1.2.3 Ментальные структуры как объяснение универсалий и уникалий

Выработка объективных критериев типологизации лексико-семантических систем языков мира связана с рядом проблем когнитивизма, таких как соотношение универсализма и релятивизма как общих методологических подходов к осмыслению связи языка и мышления. Основной целью когнитивных исследований является рассмотрение естественного языка в качестве средства и результата познания мира на основе универсальных понятий, созданных из исходных когнитивных структур человеческого мышления [Gambarova 2021: 1413-1414]. Эти когнитивные структуры постулирует необходимость рассмотрения не только мышления через призму языка, но и, прежде всего, языка сквозь призму мышления, поскольку именно рекурсивность мышления порождает необходимость использования языковой рекурсии [Corballis 2011: 151].

Обращение к идее существования языковых универсалий и уникалий в пределах современной когнитивной парадигмы соотносится с глубокими теоретическими проблемами, в частности: 1) с определением места языка в когнитивной структуре человеческого мышления; 2) с изучением сложной системы взаимосвязей довербальных когнитивных способностей с языком [Piantadosi, Gibson 2014: 3-4].

Лингвисты и когнитивисты практически единодушны во мнении, что носители всех разных языков (всё человечество) являются обладателями так называемого *единого фундаментального когнитивного аппарата*,

функции которого обусловлены универсальными параметрами внеязыковой действительности и универсальными же параметрами восприятия данной действительности, а также уникальными параметрами внеязыковой действительности, в которых находятся люди в определённый момент [Александров, Андреева 2014: 28-29].

Сторонники когнитивной лингвистики видят язык как концептуально структурированный набор универсальных языковых единиц и когнитивных процессов свойственных всему человеческому виду [Paradis 2012: 3356-3357]. Основными из этих когнитивных процессов являются *концептуализация* и *категоризация*.

Концептуализация предполагает анализ входящей информации, мысленную оценку объектов и феноменов внеязыковой реальности, осмысление представлений о мире в виде концептов. В динамике это и процесс, и результат когнитивной обработки информации [Ланге-Соболева 2021: 28]. Категоризация предполагает процесс упорядочения различных явлений (предметов, событий, действий, процессов, качеств, отношений и т. д.) в разные группы по определённым типам сходств [Абишева 2013: 21]. Данный процесс лежит в основе всей познавательной деятельности человека.

Мышление оперирует собственно результатами этих процессов, то есть ментальными структурами под названием «концепт» и «категория».

Концепт представляет собой содержательное ментальное образование, которое является базовой операционной единицей мыслительного кода человека и отражает опыт, знания, результат человеческой деятельности и процессы познания мира [Сафина 2012: 8]. Это наивные и ориентированные на обычного человека (обывателя) представления о мире, которые зависят от среды и культуры того общества, к которому он принадлежит [Песина, Юрченко 2014: 312]. Как указывает О.А. Турбина, «концепты формируются в процессе

речемыслительной (когнитивной) деятельности носителей того или иного языка, но формируются в отличие от понятий по преимуществу естественным путем, т. е. тем же путем, каким рождаются слова» [Турбина 2013: 63].

Концепт состоит из компонентов (концептуальных признаков), то есть отдельных признаков объективной и субъективной действительности, манифестируемых с помощью языка и дифференцированно отраженных в его содержании [Маслова 2016: 42]. Отсюда следует, что концепт репрезентируется в языке значением языковой единицы.

Однако содержание концепта гораздо объёмнее, чем значение отдельной языковой единицы, которое может передать лишь его отдельные характеристики. Если значение передаётся через одно наименование (иногда несколько), то для передачи сложной структуры концепта обязателен анализ значений целого ряда наименований, так как концепт вербализируется в языке через сложную взаимосвязь значений, которая называется *семантическим полем* [Шафиков 2017: 764].

Усложнение когнитивных структур осуществляется по направлению от концептов к категориям.

Категория представляет собой искусственно создаваемую систему мыслительных образов, содержание которой формируется из понятийных, образных и оценочных компонентов индивидуума или группы людей, объединённых общей тематикой, которую можно сознательно конструировать [Kiseleva et al. 2020: 121]. Эта форма человеческого мышления позволяет людям обобщать и классифицировать свой опыт и знания. Чем выше по шкале «абстрактное» ↔ «конкретное», тем явственнее происходит процесс перехода концептов в категории [Шафиков 2007: 3].

Таким образом, важнейшей функцией человеческого сознания является разделение мира на категории, ведь в этом лежит главный

принцип всей познавательной деятельности человека. Как указывает Т.М. Матвеева, «в большинстве случаев категоризация производится автоматически и бессознательно, осознание происходит только в проблемных ситуациях» [Матвеева 2005: 6].

Когнитивные категории связаны с концептуально определёнными прототипами, которые имеют решающее значение для формирования смыслов [Абишева 2013: 28]. В человеческом сознании вокруг прототипов группируются все другие элементы, входящие в данную категорию [Матвеева 2005: 8]. Поэтому, внутренняя структура категории весьма сложна в связи с тем, что включает в себя большое количество элементов, проявляющих разную степень экспликации данных типичных признаков.

Базовые концепты и категории разных языковых групп имеют много универсального в структуре, несмотря на географические и культурные различия. Например, во многих языках самыми основными цветообозначениями являются «чёрный», «белый», «красный», «зелёный», «жёлтый» и «синий», что имплицитно свидетельствует о существовании универсального принципа, лежащего в семантике цветообозначений, который независим от языка или культуры [Соколова 2016: 12-13]. Другие исследования показывают, что основные эмотивы, такие, как «гнев», «страх» и «радость», имеют одинаковую структуру во всех языках [Jackson et al. 2019: 1521]. Все это свидетельствует об общности представлений людей о мире вокруг и о своём месте в этом мире, что объясняется, в конечном счете, общечеловеческим когнитивным аппаратом.

Таким образом, наибольшей объяснительной силой обладает когнитивная гипотеза существования языковых универсалий.

Согласно когнитивисту С. Пинкеру, язык является продуктом естественной эволюционной склонности человеческого разума к организации и интерпретации информации [Pinker 2003: 36]. Поэтому концептуальные признаки, концепты и категории, встречающиеся во всех

языках, то есть универсалии, являются результатом склонности человеческого разума именно к концептуализации и категоризации информации определённым образом. Именно в рамках данной теории, современная лексическая типология исследует вопросы концептуализации и категоризации лексикона в определённых областях (смерть, части тела, движение и т.д.), а также универсальность или уникальность категорий и концептов в естественных языках [Письменная 2016]. Когнитивный подход в лингвистической типологии направлен на установление: 1) содержательных универсалий и универсальных форм воздействия человеческого мышления на язык, связанных с восприятием, обработкой и воспроизведением информации; 2) универсальных параметров человеческой когниции, а также средств варьирования данных параметров в определённых языках.

1.2.4 Картина мира как репрезентация универсальных и уникальных черт в языках

Язык, культура и сознание взаимосвязаны друг с другом в высокой степени [Rodrigues, Ravasco 2020: 2219]. Считается, что их соотношение определяется картиной мира человека [Сагитдинова 2017: 36-37]. Само понятие «картина мира» является калькой с немецкого *Weltanschauung* «идеология, мировоззрение» (термин И. Канта) или *Weltsicht* «мировидение» (термин В. Гумбольдта). Соответствующее понятие означает сложную когнитивную структуру или систему убеждений/ориентации, которая структурирует восприятие мира обществом или индивидом [Pradeep 2013: 1].

В универсальных и уникальных чертах мировых языков отражаются вещи, свойства и отношения реального мира в виде *концептуальной (когнитивной) модели (картины) мира* [Шафиков 2017: 57].

Такая модель включает в себя универсальные для всех культур концепты, такие как представления о причинности, пространстве и времени, а также понятия, более типичные для определённой культуры. К этим понятиям можно отнести идеи, религии, ценности, язык, понимание социальных и политических норм, а также различные способы интерпретации мира [Милашевская 2017].

Когнитивная модель мира постоянно развивается по мере того, как люди и культуры «разрабатывают» новые способы понимания и интерпретации мира. Знания помогают процессу формирования мировосприятия человека, а также процессу интерпретации им определённых событий и ситуации [Бердникова 2010].

Однако когнитивная модель мира есть лишь абстракция реальности, которая отражает понимание и восприятие мира говорящим [Власова 2012: 63], обеспечивая основу для мышления, но не представляет этот мир всеобъемлющим образом. В противном случае нельзя было бы объяснить такие понятия, как «дракон», «вампир», «дьявол», которые существуют в виде признаков других объектов реальности, однако в самой реальности данных объектов не существует. Невозможно, как указывает С.Г. Шафиков, уловить сложность связей картины мира с реальностью лишь в одной модели [Шафиков 2017: 62].

Следует отличать концептуальную картину мира, которая характеризует *категориальный уровень* сознания, от языковой картины мира, которая представляет *семантический уровень* [Варуха 2012: 9]. Категориальный уровень сознания связан с организацией идей и понятий в человеческом сознании, в то время как семантический уровень связан с использованием языка для передачи и интерпретации этих идей и понятий.

На категориальном уровне мир рассматривается как набор абстрактных сущностей или объектов, которые взаимодействуют на основе определённых правил и принципов [Ratliff, Newcombe 2008: 143-144]. Этот

уровень соприкасается с человеческим пониманием структуры и организации мира [Роголёв 2012: 138-139]. На семантическом уровне мир рассматривается через язык, используемый для передачи смыслов. Этот феномен включает в себя использование форм образного языка (метафор, метонимий) для передачи идей и чувств, а также использование определённых языковых единиц для представления определённых понятий [Christie, Gentner 2012].

С точки зрения взаимодействия этих двух уровней сознания категориальный уровень обеспечивает основу для понимания мира, а семантический уровень обеспечивает средства интерпретации и коммуникации. Таким образом, языковая и концептуальная картины мира переплетаются и развиваются совместно, хотя и не совпадают, но при этом обе влияют друг на друга.

Ю.Д. Апресян объясняет связь картины мира с существованием универсалий и уникалий в различных языках через следующие постулаты: 1) выражаемые в языке смыслы создают определённую единую логико-понятийную систему, своего рода коллективную философию, которая навязывается языком всем носителям, иными словами, в каждом языке отражена определённая картина понимания мира; 2) свойственные языку параметры концептуализации и категоризации действительности отчасти универсальны и отчасти лингвистически специфичны, вот почему разные народы видят действительность по-разному; 3) концептуальная картина мира (как результат концептуализации и категоризации) «наивна» и субъективна, в отличие от научной картины мира, однако несмотря на это не примитивна [Апресян 1995: 38-39].

Отсюда следует, что взаимопонимание людей как внутри одной лингвокультуры, так и между различными лингвокультурами, является объективным фактом, который можно объяснить лишь существованием общечеловеческой логико-понятийной системы. Через механизмы этой

системы формируются различные когнитивные модели. Данная общая логико-понятийная система основана на том, что существует общий для всего человечества набор концептов, которые связаны друг с другом и вместе образуют своего рода универсальный язык. Этот универсальный язык является основой всего общения и взаимопонимания внутри языкового коллектива и между разными языковыми культурами.

1.3. Системное изучение лексики методом семантического поля

1.3.1 Полевая теория в языкознании

Первые попытки по установлению системной организации лексики относятся к XVIII веку, когда в теории В. Гумбольдта о «внутренней форме языка» проявился взгляд на язык в качестве системно-целостного образования.

В это же время французские лексикографы Дени Дидро и Жан-Лерон д'Аламбер в своей работе «Энциклопедия, или толковый словарь наук, искусств и ремёсел» (“Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers”, 1751 г.) отмечают, что изучение системного характера организации слов в языке должно быть одной из основных задач лексикологии [Лисенкова 2015: 12].

Позднее, уже в XIX веке Михаил Михайлович Покровский высказал мнение о существовании объективных семантических связей между словами. Языковед считал, что слова и их значения не изолированы друг от друга, а сочетаются в разные смысловые группы, иногда незаметно для человеческого сознания, при этом базой для соединения в подобные группы слов является смысловое сходство или прямая противоположность значений [Покровский 2006: 21-22]. Подобные семантические связи между словами Ф. Соссюр называл парадигматическими отношениями, а

Н.В. Крушевский – ассоциациями по сходству и смежности [Слива 2016: 102-103].

В научной лингвистике идея о системности лексического инвентаря языка получила развитие в первой половине XX века в связи с появлением работ структуралистов и возрождением интереса к учению В. Гумбольдта. Особенно плодотворны в этой области стали работы немецких лингвистов; так наибольшую популярность имели полевые теории [Бутакова 2013]. Ядром теории языкового поля стали родо-видовые отношения в системе языка [Gao, Xu 2013: 2030].

Сам термин «смысловое поле» был введён Гюнтером Ипсенем, что привело к понятию «семантическое поле», а сама теория поля и критерии структурного описания лексикона получили обоснование в трудах Вальтера Порцига и Йоста Трира [Хашимов 2015].

Попытка построения теории языкового поля через исследование синтагматико-семантических связей в лексиконе была сделана В. Порцигом. Лингвист ввёл понятие синтагматического поля и изучал системные связи в данных полях, обратив внимание на особый тип семантических отношений между словами. В. Порциг пришёл к выводу, что сочетаемость слов в синтагмы в значительной степени зависит от того, к каким частям речи данные слова относятся. Так, связь объектов с процессами отражается в сочетаемости существительных с глаголами, например, «пить» предполагает «напиток», «косить» – «трава» и т.д., а связь объектов с признаками проявляются в сочетаемости прилагательных с существительными, например, «карие» предполагают «глаза», а «беспробудный» предполагает «пьяница» и т.д.

В основе теории поля Й. Трира лежит понимание лексикона как системы, структура которой образована парадигматическими связями. В значительной степени концепция поля Трира построена под влиянием гештальт-психологии, которая утверждает, что каждый объект нужно

рассматривать лишь как часть одной большой системы [Schmid 2012]. По его мнению, не взаимоотношения предметов и явлений внеязыковой реальности определяют структуру и характер лексикона, а сам язык «строит» действительность, создавая реальный мир [Тиллоева 2016: 29]. Языковед ввёл два смежных понятия – *понятийное поле* (“Begriffsfeld”) и *лексическое поле* (“Wortfeld”). Сумма понятийных и лексических полей образует *языковые поля* (“Sprachliche Felder”).

В дальнейшем теория поля нашла своё продолжение и развитие в работах немецких типологов У. Вайнрайха и С. Ульмана, посвящённых семантическим универсалиям и исследованиям по сравнительному языкознанию.

В современном языкознании сложилось общее определение понятия поля как совокупности языковых единиц (в подавляющем числе случаев лексических), связанных смысловой общностью. И.А. Стернин сформулировал следующие положения полевой организации языка:

- 1) языковое поле – это совокупность языковых единиц, образующих межсистемные связи;
- 2) элементы поля связаны едиными функциями и семантикой;
- 3) элементы поля могут быть однородными и разнородными;
- 4) поле состоит из субполей (не менее двух);
- 5) поле организовано вертикально через структуру субполей и горизонтально – через их взаимоотношения;
- 6) структура поля образована ядром и периферией;
- 7) ядро объединяется вокруг ключевой единицы;
- 8) элементы поля распределены между ядром и периферией;
- 9) граница между ядром и периферией всегда размыта;
- 10) элементы могут быть ядром одного поля и периферией другого поля;
- 11) закон полевой организации языка заключается в том, что семантически близкие поля пересекаются, образуя при этом зоны дискретности [Стернин 2015: 30-31].

Л.М. Васильев даёт классификацию пяти типов полей: 1) простые моностеречные поля, обусловленные парадигматическими связями

(лексико-грамматические разряды, лексико-семантические группы и синонимические / антонимические ряды); 2) комплексные поличастеречные поля, обусловленные парадигматическими и синтагматическими связями, а также вхождением в словообразовательные гнёзда и т.п.; 3) функционально-семантические поля (группировки лексических и грамматических элементов); 4) синтаксические (синтагматические) поля; 5) семантико-синтаксические поля, в том числе модели типа «лицо – действие – объект», по валентностям предиката [Васильев 2015].

Отсюда следует, что каждое поле представляет собой систему, объединённую единой семантической категорией (субкатегорией/концептом) и связанную с различными формальными средствами её выражения [Vabali 2022: 166].

В данном исследовании лексикон выступает как базовый уровень, через который вербализируются концепты (категории) в виде определенных групп смыслов, рассматриваемых как семантические поля.

1.3.2 Семантическое поле как системно-структурное языковое образование

Как указывает С.Г. Шафиков, «семантическое поле представляет собой объективную языковую структуру, единицы которой связаны парадигматическими отношениями и выражаются единицами лексического и фразеологического уровня» [Шафиков 1999: 22]. Построение такого поля осуществляется через принцип семантической идентификации (принцип Ш. Балли), иными словами, наименования объединяются вокруг семантико-логического идентификатора на основе общих семантических признаков.

Ю.В. Массальская выделяет следующие признаки семантического поля: 1) семантическое поле реально, то есть интуитивно понятно носителю языка; 2) единицы семантического поля связаны определёнными семантическими отношениями; 3) сумму всех семантических полей образует семантическую систему языка [Массальская 2016: 122].

Как отмечает Ф. Биачи, семантические поля определены внеязыковой реальностью и работой человеческого разума [Biachi 2012: 43].

Реальность семантического поля подтверждается функциями мнемонических процессов памяти. Припоминая забытое слово, человек обычно прибегает к процессу, который включает в себя размышление о словах или идеях, связанных с забытым словом, и попытку вспомнить его с помощью этих слов или идей. Например, если человек пытается вспомнить слово *стул*, он может подумать о таких словах, как *мебель, сиденье, диван* или *ножки*, в надежде, что одно из этих слов поможет ему вспомнить забытое слово. В этом отражается объективная связь семантических полей с материальной действительностью, через которую отражено предметное, понятийное или функциональное сходство элементов в составе этих полей [Каспрук 2018].

Языковая реальность семантического поля детерминирована особенностями самого языка как системно-структурного образования. Практически каждая единица лексикона языка характеризуется не только значением, связанным с внеязыковой реальностью, но и значимостью, которая определяется внутрисистемными связями с другими единицами лексического инвентаря языка. Отсюда следует, что существование семантического поля как структурной подсистемы языка «определено пересечением сигнификативных и коннотативных значимостей его элементов, а также иерархией значений, определяющих положение одного поля относительно другого в системе языка» [Шафиков 1999: 23].

Например, английские лексические единицы *eat* и *consume* могут взаимно заменяться благодаря общему денотативному значению, но глагол *eat* относится к стилистически нейтральной лексике, в отличие от формального глагола *consume*.

В результате последовательного разбиения общего лексического множества на подмножества выделяются лексико-семантические группы разного уровня и объёма [Ibrahimov 2018: 318], которые находятся между собой в парадигматических и иерархических отношениях. Можно выделить четыре основных типа парадигматических связей: *тождество* (синонимическая связь), *включение* (гипонимическая связь), *пересечение* (совместимость) и *дизъюнкция* (несовместимость) [Шафииков 2017: 148].

Таким образом, семантическое поле представляет собой систему взаимосвязанных и взаимозависимых единиц, отношения между которыми вскрываются исследованием характеризующих их противопоставлений. Так как концепты в сознании человека представляют не дискретные категории, а некие «нечёткие множества», то нередко можно найти слова, которые попадают более чем в одно семантическое поле. Именно поэтому анализ системных отношений внутри семантического поля представляет собой сложную задачу, требующую рассмотрения ряда вопросов, связанных с анализом омонимии, полисемии, синонимии, гипонимии, что является следствием сложной системы отношений, лежащих в основе языка.

При лексико-типологическом анализе средств вербализации внеязыкового концепта в качестве языка-эталона используется эталонное семантическое поле, по лекалам которого сопоставляются эквивалентные семантические поля.

В.Н. Денисенко отмечает, что одним из центральных условий адекватного анализа семантического поля является всесторонний учёт его типологических характеристик, которые позволяют определить его

категориальные свойства [Денисенко 2011: 23], то есть связи и отношения между лексическими единицами с учётом их места в системе [Тиллоева 2017: 17]; 3) изучение формы организации плана содержания лексических единиц и её связи с внеязыковой реальностью.

1.3.3 Комбинаторная семантика как методика описания значения

Комбинаторная семантика (метод компонентного анализа) предлагает описание семантического поля исходя из допущения о том, что значение языковой единицы представляет собой совокупность (набор) семантических элементов, называемых обычно *семами* или *семантическими компонентами (признаками)* [Geeraerts 2010: 70]. Считается, что совокупность компонентов значения (сем) характеризуется определённой иерархией [Zhouravlev et al. 2018: 477-478].

При исследовании системной организации лексикона метод компонентного анализа наиболее последовательно и точно реализуется в единении с полевым методом [Митричева 2008: 222].

Первые концепции компонентного анализа появились лишь в 50-60 годах XX века. Следует разграничивать американскую и европейскую версии комбинаторной семантики, основанные на разных теоретических положениях и подходах и преследующие разные (часто взаимодополняющие) цели [Willems 2014: 1].

Американская версия выросла из межъязыковых исследований в рамках этнографической и этнологической лингвистики (Ф. Лаунсбери, У.Х. Гуденаф, Х. Конклин, А. Уоллес, К. Фрейк и др.) на материале различных языков. Этот метод вскоре нашёл своё применение в исследованиях семантики слова (У. Вайнрайх, Э. Найда, Э. Бендикс) и предложения (Дж. Кац, Дж. Фодор).

Европейская версия связана с теорией поля у германских лингвистов, таких как Й. Трир, Г. Ипсен, В. Порциг, а также с работами европейских структуралистов в 1930-х годах XX века, таких как Р. Якобсон и Л. Ельмслев. Метод оппозиций, впервые использованный структуралистами для фонологического анализа, также может быть успешно применён в анализе семантики слова. Л. Ельмслев иллюстрирует это анализом английских лексем *ram* и *ewe*: “sheep + male” ↔ “sheep + female”.

Противники метода комбинаторной семантики указывают, что семы отсутствуют в языковой картине мира и могут служить лишь метаязыковыми единицами описания значений [Потапова 2020: 41]. Как отмечает О.Е. Потапова, «другой аспект критики компонентного анализа заключается в том, что некоторые лексические значения нельзя разложить на элементарные единицы, то есть отдельные значения нельзя свести к элементарному набору компонентов» [Потапова 2020: 43]. Однако, по словам Л.М. Васильева, дилемма в данном случае отсутствует, так как основная цель компонентного анализа состоит не в получении семантических примитивов, а в семном описании семантического поля с помощью ядерного, компактного и универсального инвентаря смысловых элементов [Васильев 2006: 467].

Согласно И.А. Стернину, компонентный анализ лексики можно проводить в двух формах – минимальной и полной [Стернин 2011: 14-15].

Минимальный компонентный анализ ставит своей целью разграничение значений небольшой группы семантически близких лексических единиц и осуществляется, как правило, без обращения к словарям, путём интуитивного разбора значений. Примером такого анализа может служить работа Н.Т. Захрадин с анализом процессуальных наименований плача в английском языке (таблица №2) [Zahradeen 2020].

Компонентный анализ глаголов плача в английском языке

Глагол	Слёзы	От боли или ярости	От радости	От страха	От горя	От истощения	Со звуками	С движениями
Cry	+	+	+	+	+	-	+/-	+/-
Weep	+	+	+	+	+	-	+/-	-
Sob	+	-	-	-	+	+	+	+
Wail	-	-	-	-	+	-	+	+

Полный компонентный анализ ставит своей целью выявление всех компонентов значений сопоставляемых лексических единиц и проводится в больших массивах лексикона, в частности, в семантических полях. Данный метод даёт возможность исследователю установить сходства и различия, свойственные семантике каждого языка сравнения.

1.3.4 Основные единицы компонентного анализа

Принципы компонентного анализа можно выразить через следующие постулаты: 1) семантическая область языка дискретна; 2) количество сем выступает в качестве «ограниченного множества», однако число их комбинаций представляет собой «неограниченное множество»; 3) семема (смысл) – это сумма сем; 4) будучи условно универсальной языковой чертой, совокупность сем формирует концептуальную (когнитивную) модель мира [Шафиков 2007: 4-5].

Таким образом, основными единицами, используемыми в компонентной семантике, являются: семема, сема, семантический компонент и ноэма.

Семема обозначает план содержания лексемы в виде отдельного денотативного значения наименования [Маклакова, Стернин 2013: 37], а

сема образует один из компонентов (признаков) семемы и носит, так же как семема, экстралингвистический характер [Попова, Стернин 2009: 65].

Например, семема английской лексемы *trashed* (“very drunk” «сильно пьяный» – Longman) представляет собой комбинацию следующих сем: «опьянение» + «свойство» + «сильная степень опьянения». Подобная вербальная репрезентация семемы называется *ноэмой*.

Основная функция семы лежит в унификации или дифференциации отдельных семем по отдельным признакам, лежащим в семантике наименований [Маклакова 2014: 61].

Л.М. Васильеву принадлежит наиболее полная классификация сем, представленная в виде оппозиций 8 типов: 1) по манере проявления в плане выражения выделяются *эксплицитные* и *имплицитные* семы; 2) по характеру отношений в семантическом поле выделяются *парадигматические* и *синтагматические* семы; 3) по характеру отношений внутри семемы выделяются *доминирующие* и *зависимые* семы; 4) по характеру отношения к идентифицирующему значению определённого семантического класса выделяются *ядерные* и *периферийные* семы; 5) по функциям в разряде лексической и грамматической парадигмы выделяются *интегральные* (идентифицирующие) и *дифференциальные* (дифференцирующие) семы; 6) по степени повторяемости, регулярности и абстрактности выделяются *категориальные*, *субкатегориальные* и *идеосинкретические* семы; 7) по степени закреплённости за определёнными значениями выделяются *обязательные* и *факультативные* семы; 8) по соответствию структурным компонентам словоформы выделяются *лексические*, которые соответствуют корневым и словообразовательным морфемам, и *грамматические*, соответствующие словоизменительным морфемам, семы [Васильев 2006: 21].

Сема есть инвариант (семантический признак), который в семеме предстает как вариант семы. Такой вариант, называемый *семантическим*

компонентом, представляет собой рефлексию конкретного признака денотата, объективную или придаваемую ему в картине мира носителя языка (языкового сообщества). Например, сему «степень алкогольного опьянения» можно представить в виде трёх семантических компонентов: СК «сильная степень опьянения» ↔ СК «средняя степень опьянения» ↔ СК «лёгкая степень опьянения» [Уразаев 2022: 106].

Выводы к главе I

Учитывая вышеизложенное, следует сделать некоторые выводы.

1. Становление типологического языкознания объясняется рядом причин, таких как 1) введение в научный обиход типологического метода с целью описания системы одного языка на основе сравнения с системой другого языка; 2) появление универсальных грамматик с целью установления общих логико-лингвистических корреляций между языками; 3) появление научных методов сравнения языков с целью выявления языковых типов; 4) развитие типологической теории для сравнения с единых позиций языкового материала разных систем.

2. Под *лингвистической типологией* понимается раздел теории языка, в основе которого лежит использование типологического метода, то есть строгое научное описание языковых систем по обобщённым моделям (типам) с опорой на единый метаязык и язык-эталон.

3. *Лексическая типология* является разделом лингвистической типологии, в рамках которой сопоставляются лексико-семантические системы различных языков для выявления межъязыковых сходств и различий.

4. *Языковые универсалии и уникалии* суть основные понятия в концептуальном аппарате лингвистической типологии; при этом *языковые универсалии* суть категории, закономерности и структурные свойства языка, которые характеризуют все или большинство языков, а *языковые*

уникалии суть категории, закономерности и структурные свойства индивидуального языка, которые придают идиоматичность системе данного языка в рамках того или иного языкового явления (типа в языке).

5. Объяснение универсалий и уникалий в языках объясняется наличием у человечества *общей логико-когнитивной системы*, обусловленной основными параметрами реальности, единым устройством органов чувств и характером восприятия человеком действительности.

6. *Концепт* представляет собой базовую операционную единицу мыслительного кода человека, отражая опыт, знания и результат его практической деятельности в процессе познания мира.

7. *Категория* представляет собой искусственную систему мысленных образов, формируемых из понятийных, образных и оценочных компонентов индивидуума или группы людей, объединённых общей тематикой.

8. Понятие «картина мира» обозначает совокупность концептов об окружающей реальности, как языковых, так и внеязыковых, образующих соответственно языковую и концептуальную модели мира. При этом *концептуальная модель мира* образует основу для понимания мира, а *языковая модель* обеспечивает способы ее выражения. Связь картины мира с существованием универсалий и уникалий в различных языках проявляется, во-первых, в наличии определённой логико-понятийной системы, разделяемой всеми носителями данного языка; во-вторых, в формах концептуализации (категоризации) действительности, которые отчасти универсальны и отчасти специфичны.

9. Концепты и категории вербализируются в языке через сложную взаимосвязь значений под названием «семантическое поле», которое представляет собой систему взаимосвязанных и взаимозависимых элементов (сем).

10. Системное изучение лексического инвентаря языка целесообразно проводить с помощью интеграции полевой теории с методом компонентного анализа, основными единицами которого являются семема, сема, семантический компонент и ноэма.

ГЛАВА II. ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭБРИЕТИВНОЙ ЛЕКСИКИ

2.1. Структура эквивалентного семантического поля в анализируемых языках

В данном исследовании используется комбинированный лексико-типологический подход к пониманию структуры семантического поля и его двустороннего соответствия в виде лексического поля (см. выше, ГЛАВА I). Как известно, структура семантического поля включает ядро, представленное однословными лексическими единицами, и периферию, представленную фразеологическими единицами. Соотношение ядра и периферии может меняться от языка к языку. В частности, в русском языке ядро включает 80 лексем (69%), периферия – 35 фразеологизмов (31%), в английском языке ядро включает 58 лексем (58%), периферия – 42 фразеологизма (42%), в немецком языке ядро включает 80 лексем (75%), а периферия – 27 фразеологизмов (25%).

2.1.1 Цель, метаязык и объект эмпирического исследования

Целью межъязыкового сравнения является поиск универсальных и уникальных характеристик в анализируемых языках. В данной главе эта цель конкретизируется анализом эбриетивной лексики, представленной номинациями языков сравнения, для установления лексико-семантических универсалий и уникалий.

Феномен сравнения имеет большое значение для осмысления мира не только последователями науки, но и обывателями, что проявляется в богатой системе средств выражения сравнения во всех естественных человеческих языках [Morton, Karjalainen 2008: 271-272]. Типологическое

исследование начинается всегда с описания методики сравнения (метаязыка) и самого объекта типологического исследования [Шафиков 2017: 96].

Метаязык является универсальным измерителем, используемыми при сравнении языков, то есть «шаблоном», который не зависит от языков сравнения [Шафиков 2020: 440]. Зависимость обнаруживается лишь касательно определённой подсистемы языка. Данное исследование исходит из полевой концепции языка, что объясняет использование таких метаязыковых единиц, как *семантическое поле*, *семема*, *сема*, *семантический компонент* и т.д.

Параметры семантического поля условно делятся на *имманентные*, зависящие от характера анализируемого материала, и *заданные*, зависящие от цели исследования [Шафиков 2018: 118]. Заданные параметры определяются задачами исследования 1) для выявления общего и различного в межсловных и внутрисловных связях лексем; 2) для выявления общего и различного в значениях лексических и фразеологических единиц; 3) для установления корреляций между лексическим значением и структурой внутренней формы.

Эталонное семантическое поле «алкогольное опьянение» представляет собой комплексное (межчастеречное) поле, которое включает в себя 3 субполя с адъективными, процессуальными и субстантивными смыслами, представленными номинациями, выражающими соответствующий концепт.

В данном семантическом поле номинация может выражаться как словом (лексемой), так и устойчивым словосочетанием (фразеологизмом). Представляется очевидным, что термин *номинация* удобнее, чем *слово*, так как 1) само понятие слова является размытым; 2) в языке X семема может выражаться одним словом, в то время как в языке Y через лауну или словосочетание; 3) слово в качестве единицы семасиологического уровня

характеризуется значимостью и, следовательно, универсально в меньшей степени [Кузнецов 1992: 26].

Дифференциальные семы каждого субполя образуют оппозиции, представленные различными типами семантических структур:

1) **тождество**: Р.Я. *бражник* ↔ *пьяница*; А.Я. *have a few too many* ↔ *have had one too many*; Н.Я. *Trinkbruder* ↔ *Saufbruder*;

2) **включение**: Р.Я. *пьяный* ↔ *поддатый*, *пьян как сапожник*; А.Я. *drunk* ↔ *tipsy*, *trashed*, *pissed*; Н.Я. *betrinken* ↔ *berauschen*, *beschwippen*;

3) **пересечение**: Р.Я. *пьянка* (1) «пирушка с обильным употреблением спиртного» ↔ *пьянка* (2) «пьянство»; А.Я. *drunk* (1) “someone who is drunk” ↔ *drunk* (2) “someone who often gets drunk”; Н.Я. *Suff* (1) “Betrunkenheit” ↔ *Suff* (2) “Trunksucht”;

4) **дизъюнкция**: Р.Я. *надрызгаться* ↔ *подвыпить*; А.Я. *pissed as a newt* ↔ *tipsy*; Н.Я. *zu tief ins Glas (in die Flasche) schauen* ↔ *beschwippen*.

Как разделы семантического поля «алкогольного опьянения» субполя отражают эпидигматическое варьирование смыслов; ср. в английском языке: 1) «вербализация» *booze* (N) → *booze* (V); 2) «агентизация» *drunk* (A) → *drunk* (N); 3) «субстантивация качества» *drunken* (A) → *drunkenness* (N); 4) «адъективация» *booze* (V) → *booze* (A).

Как уже отмечалось, семема образуется определённым числом дискретных элементов с помощью сем и семантических компонентов [Маклакова 2013: 94], а ее вербализованное выражение в метаязыковой записи представляет нозма; ср. следующие семемы, представленные комбинациями закавыченных нозм, в русском языке: *(быть) под градусом* = «опьянение» + «состояние» + «слабое опьянение»; *(быть) под парами* = «опьянение» + «состояние» + «чрезмерное опьянение»; *хмельной* = «опьянение» + «признак» + «умеренное опьянение».

Метаязык описания включает как метаязыковые единицы, так и метаязыковой синтаксис, который представляет собой грамматику операторов: 1) знак «=» обозначает оператор разложения инварианта (семь) на варианты (семантические компоненты); 2) знак «↔» обозначает оператор оппозиции вариантов (семантических компонентов) инварианта (семь); 3) знак «Ө» обозначает нейтрализацию маркированного члена оппозиции; 4) знак (+) указывает на наличие признака в бинарной оппозиции, а знак (–) на отсутствие признака; 5) знак «+» обозначает оператор сложения сем в комплекс; 6) «(<)» знак указывает на убывание интенсивности признака в градуальной оппозиции, а «(>)» знак увеличения интенсивности признака, например, сема «временные рамки» = семантический компонент «время (>)» ↔ семантический компонент «время (<)»; 7) знак «^l» указывает на наличие типических признаков, то есть прототипический объект соответствующей категории; 8) метаязыковой синтаксис состоит из следующих графических выделений: номинации выделяются курсивом, выделяемые в оппозиции семы и семантические компоненты («СК» в метаязыковой записи) заключаются в кавычки, ноэмы ставятся в квадратные скобки.

2.1.2 Типизация семантического поля «алкогольное опьянение»

Под типизацией понимается идеализация объекта, посредством получения предварительных сведений о нём [Шафиков 2018: 123]. В данной работе таким объектом служит концепт «алкогольное опьянение», идеализация которого требует поэтапного действия.

Прежде всего из корпуса словаря производится отбор лексического материала [Кюсева 2019] методом сплошной выборки номинаций, вербализирующих рассматриваемый концепт. Затем устанавливается имя поля (слова-идентификатора) [Бабушкин, Стернин 2018: 41] через

прототипическое (ключевое) слово для данного концепта. Ядро поля (ядерная зона) устанавливается выбором монологемных номинаций, определяемых словом-идентификатором [Баженова, Шенкман 2013: 92], а его периферийная зона выбором полилексемных номинаций (фразеологических единиц) [Хоменко 2013: 597-598]. Наконец, предполагается анализ отношений между элементами поля в парадигматическом плане [Потапова 2020: 25] через сопоставление эквивалентных смыслов друг с другом для выделения лексикализованных семных комбинаций, представленных в языках сравнения и образующих поле инвариантов [Кацнельсон 2009: 68].

В данном исследовании «смысл» понимается как репрезентация семемы. Таким образом, семема есть смысл, представленный номинацией, поэтому понятие, выраженное не номинативным способом, а с помощью свободного сочетания слов, то есть описанием, семеме не представляет.

В Большом толковом словаре русского языка С.А. Кузнецова *алкогольное опьянение* определяется через глагол *опьянеть*, который опирается на ключевое слово *пьяный* («становиться пьяным»): «находящийся под воздействием выпитого спиртного». В толковом словаре немецкого языка Duden данное определение (“*Trunkenheit*”) опирается на ключевое слово *trunken* “*sich durch die Wirkung alkoholischer Getränke in einem Rauschzustand befindend*” (буквально «нахождение в состоянии опьянения из-за воздействия алкогольных напитков»). Сходным образом в английском языке опьянение (*drunkenness*) определяется через ключевое слово *drunk* в толковом словаре Longman: “unable to control your behaviour, speech etc because you *have drunk* too much *alcohol*” (буквально «не в состоянии контролировать свое поведение, речь и т. д., потому что выпил слишком много алкоголя»). Таким образом, семантическое поле «алкогольное опьянение» опирается на слово-идентификатор «пьяный».

Концепт «алкогольное опьянение» находится в отношениях тождества и пересечения с концептами «спиртные напитки», «емкость для хранения спиртного», «весёлое настроение» и «болезненное состояние» [Долгова 2009: 42]. Связь концепта «алкогольное опьянение» с вышеназванными концептами наблюдается в словарных дефинициях адъективных, процессуальных и субстантивных номинаций, к примеру: 1) концепт «спиртные напитки»: А.Я. *booze* («выпивка») → *boozer* («пьяница»), Р.Я. *лимоновка* («водка, настоянная на корках лимона») → *налимониться* («напиться пьяным»), Н.Я. *Wermut* («вермут») → *Wermutbruder* (буквально «часто пьющий бродяга»); 2) концепт «ёмкость для хранения спиртного»: Р.Я. *заглядывать в бутылку* («выпивать спиртное»), А.Я. *hit the bottle* (буквально «ударить по бутылке»), Н.Я. *zu tief ins Glas schauen* (буквально «смотреть слишком глубоко в стакан»); 3) концепт «смятение»: А.Я. *to be out of (off) one's head* (буквально «не в своём уме»); 4) концепт «весёлое настроение»: Р.Я. *весёлый* («пьяный»), А.Я. *merry* (буквально «весёлый»), Н.Я. *feuchtfrohlich* (буквально «мокрый и весёлый»).

Основная проблема типизации семантического поля связана с определением границ поля, что предполагает редукцию части номинаций изначального списка, подвергшихся последующей выбраковке. В качестве критериев отбора можно выделить два условия.

Первое условие проявляется в отборе коммуникативно-значимых номинаций, психологически существенных для носителей языка, с помощью ряда лексикографических источников:

1. В русском языке использовался цифровой словарь-справочник синонимов В.Н. Тришина (основной источник для отбора единиц исследования). Для проверки толкований и редукции номинаций использовался Большой Толковый Словарь под редакцией С.А. Кузнецова.

2. В английском языке использовался тезаурус и инструмент для работы с лексикой WordHippo (основной источник для отбора единиц исследования). Для проверки толкований и редукции номинаций использовался Longman Dictionary of Contemporary English.

3. В немецком языке использовался онлайн-тезаурус немецкого языка OpenThesaurus (основной источник для отбора единиц исследования). Для проверки толкований и редукции номинаций служил Duden - Deutsches Universalwörterbuch.

Второе условие проявляется в редукции ряда номинаций исходя из толкований номинаций по следующим оппозициям:

1. Оппозиция концепта «алкогольное опьянение» и смежного концепта «трезвость»: если дефиниция указывает на трезвость, соответствующая номинация исключается из анализа; ср.: Р.Я. *трезвый* «не пьяный» (Кузнецов); А.Я. *as sober as a judge* “someone who is as sober as a judge is not drunk at all” (Longman); Н.Я. *nüchtern* “nicht betrunken; keinen Alkohol getrunken habend” (Duden) и т.д.

2. Оппозиция концепта «алкогольное опьянение» и смежного концепта «похмелье»: если дефиниция указывает на последствия употребления спиртного, соответствующая номинация исключается из анализа; ср.: Р.Я. *алкогольная интоксикация* «о сильном похмелье» (Кузнецов); А.Я. *fragile* “if someone feels fragile they feel ill, especially because they have drunk too much alcohol” (Longman); Н.Я. *Kater* “schlechte körperliche und seelische Verfassung nach [über]reichlichem Alkoholgenuss” (Duden) и т.д.

3. Оппозиция концепта «алкогольное опьянение» и смежного концепта «побуждение к употреблению спиртного»: если дефиниция указывает на тост в виде краткой речи перед собравшимися, соответствующая номинация исключается из анализа; ср.: Р.Я. *накатим!* А.Я. *Bottoms up!* Н.Я. *Prost!*

4. Оппозиция концепта «алкогольное опьянение» и смежного концепта «алкогольные напитки»: если дефиниция указывает на напиток, вызывающий опьянение, соответствующая номинация исключается из анализа; ср.: Р.Я. *бухло* «спиртные напитки» (Кузнецов); А.Я. *a bevvy* “a drink, especially an alcoholic drink” (Longman); Н.Я. *Alkohol* “Ethanol enthaltendes Getränk” (Duden) и т.д.

5. Оппозиция концепта «алкогольное опьянение» и смежного концепта «места для продажи и употребления спиртного»: если дефиниция указывает на место продажи и употребления алкогольных напитков, соответствующая номинация исключается из анализа; ср.: Р.Я. *рюмочная* «торговое заведение, где спиртные напитки продают распивочно» (Кузнецов); А.Я. *to barhop* “to visit and drink at several bars, one after another” (Longman); Н.Я. *Kneipe* “kleines, einfaches, aber auch gemütliches Lokal, das man vor allem aufsucht, um dort etwas Alkoholisches zu trinken” (Duden) и т.д.

6. Оппозиция концепта «алкогольное опьянение» и смежного концепта «побуждение к употреблению спиртного»: если дефиниция указывает на каузацию алкогольного опьянения, соответствующая номинация исключается из анализа; ср.: Р.Я. *спаивать* «приучить к пьянству, сделать пьяницей» (Кузнецов); А.Я. *to drive somebody to drink* “make someone so annoyed or upset that they depend on alcohol” (Longman); Н.Я. *berauschen* “in einen Rauschzustand versetzen; betrunken machen” (Duden) и т.д.

7. Оппозиция концепта «алкогольное опьянение» и смежного концепта «алкоголизм»: если дефиниция указывает на болезнь, вызванную употреблением спиртного, соответствующая номинация исключается из анализа; ср.: Р.Я. *алкоголизм* «заболевание, вызываемое частым употреблением спиртных напитков, сопровождающееся глубокими психическими и физическими расстройствами» (Кузнецов); А.Я. *alcoholism*

“the medical condition of being an alcoholic” (Longman); Н.Я. *Alkoholismus* “durch Alkoholmissbrauch hervorgerufene Schäden, chronische Alkoholvergiftung” (Duden).

8. Оппозиция концепта «алкогольное опьянение» и смежного концепта «ассоциальные действия под действием алкогольного опьянения»: если дефиниция указывает на нарушение общественного порядка (закона) вследствие алкогольного опьянения, соответствующая номинация исключается из анализа; ср.: Р.Я. *распутство* «распутный образ жизни; разгул, разврат» (Кузнецов); А.Я. *lager lout* “a young man who drinks too much and then behaves violently or rudely” (Longman); Н.Я. *Alkohol am Steuer* “betrunken die Kontrolle über (ein Auto) haben” (Duden).

9. Оппозиция концепта «алкогольное опьянение» и смежного концепта «наркотическое опьянение»: если дефиниция указывает на состояние человека после употребления наркотических веществ, то соответствующая номинация исключается из анализа; ср.: Р.Я. *кайф* «эйфория от употребления наркотика, приятное опьянение» (Кузнецов); А.Я. *junkie* “someone who takes dangerous drugs and is dependent on them” (Longman); Н.Я. *Kick* “durch Drogen hervorgerufener euphorieähnlicher Zustand” (Duden).

2.1.3 Выделение дифференциальных сем в семантическом поле

«алкогольное опьянение»

Как отмечает А.В. Павлова, «категории и их объекты различаются наборами атрибутивных признаков, отражённых в дифференциальных семах, образующих семемы соответствующих номинаций» [Павлова 2009: 57]. Проблема выделения подобных сем связана с несовершенством словарных дефиниций, в которых зачастую возникает совмещение лингвистической и экстралингвистической информации.

В данном исследовании выделение дифференциальных сем проводится в два этапа. На первом этапе категория [алкогольное опьянение] членится на субкатегории, то есть проводится разбиение «общего множества» на «подмножества» (в терминах Т.П. Ломтева). При этом «данная процедура должна следовать следующим критериям: 1) подмножества не должны пересекаться; 2) сумма подмножеств должна равняться общему множеству; 3) подмножествами общего множества не должны быть само множество и пустое множество» [Ломтев 1976: 399].

На втором этапе принцип научной строгости позволяет составить окончательный список дифференциальных сем, каждый из которых представляет собой атрибутивный признак анализируемой категории. В Таблице №3 приводится процедура разбиения категории [алкогольное опьянение] на соответствующие подмножества.

Таблица № 3

Выделение сем в семантическом поле «алкогольное опьянение»

Число разбиений	Ранг разбиения	Разбиваемое множество (подмножество) М	Результат разбиения множества на подмножества
1	I	Множество (М) ОПЬЯНЕНИЕ	1) опьянение как свойство 2) опьянение как процесс 3) опьянение как признак
2	I	Множество (М) ОПЬЯНЕНИЕ	1) степень опьянения 2) степень аддикции
3	II	М I Степень опьянения	1) реакции 2) \emptyset

Примечание: знак \emptyset показывает отсутствие разбиения подмножества.

Дифференциальные семы пересекающихся множеств обладают свойством сочетаемости только с теми семами, которые характеризуют множества, включающие в себя соответствующие подмножества. Семный анализ включает ряд последовательных логических операций разбиения общего множества (категории [опьянение]) на соответствующие подмножества (категории), такие как [опьянение как процесс], [субъект

опьянения], [опьянение как признак] [Уразаев 2021: 193]. Таким образом, подмножества, получаемые в результате разбиения множества «опьянение», не пересекаются. Разбиение множества «степень опьянения» даёт два подмножества.

Аналогичным образом можно провести выделение сем в категориях [опьянение как процесс] и [опьянение как признак] (см. таблицу № 4), поскольку разбиение множества [опьянение как свойство] в дальнейшем подмножеств не даёт.

Таблица № 4

Выделение сем в категориях [опьянение как процесс] и [опьянение как признак]

Число разбиений	Ранг разбиения	Разбиваемое множество (подмножество) М	Результат разбиения множества на подмножества
1	I	М 1 Опьянение как процесс М 2 Опьянение как признак	1) особый способ употребления спиртного 2) временные рамки употребления спиртного
2	II	М 1 Опьянение как процесс	1) процесс опьянения (опьянеть) 2) состояние опьянения (быть пьяным)
3	III	М 1.1 Процесс опьянения	1) причины 2) последствия
4	IV	М 2 Опьянение как признак	1) лицо 2) явление
5	IV	М 2.1. Лицо	1) принадлежность 2) \emptyset

Примечание: знак \emptyset показывает отсутствие разбиения подмножества.

Разбиение приведенных выше множеств даёт два подмножества. Разбиение множества [опьянение как состояние] подмножеств не даёт; разбиение множества [процесс опьянения] даёт два подмножества. Подмножества, получаемые в результате разбиения множества [опьянение как признак], не пересекаются; разбиение множества [опьянение как

явление] подмножеств не даёт; разбиение множества [лицо] даёт три подмножества.

Атрибутивные признаки можно разделить на 2 вида:

1. **Необходимые и достаточные признаки** суть «диагностические компоненты» значения, то есть признаки, которые отличают данное значение от значения других слов [Шафиков 1999: 17], представляя структуру денотативного значения номинации. Например, значение номинация *tipsy* в английском языке определяется дефиницией “slightly drunk”, таким образом, семема, представленная данной лексемой, включает (кроме интегрального признака «опьянение») также дифференциальный признак «лёгкое опьянение», что отличает ее от других семем, включающих такие признаки как «зависимость» (например, *hard-drinking* “a hard-drinking person drinks a lot of alcohol”), «чрезмерное опьянение» (например, *blind drunk* “extremely drunk”) и т.д.

2. **Типические признаки** суть признаки, соответствующие прототипическим свойствам объекта категории, то есть отражающие «наиболее типические условия существования денотата» [Там же: 49]. Так, семема номинации *to booze* в английском языке (“to drink alcohol, especially a lot of it”) кроме интегрального признака «опьянение» и дифференциального признака «процесс» включает также типический признак, выражающий «обычно большое количество» (в данном случае выпитого спиртного).

2.2. Семный анализ эвристивной лексики в русском, английском и немецком языках

2.2.1 Семный анализ адъективных номинаций

Языки сравнения различаются по числу адъективных моноксемных и полилексемных номинаций в семантическом поле «алкогольное опьянение»: 14 в русском языке, 49 в английском языке, 26 в немецком языке.

Метод взаимных оппозиций позволяет выделить 3 дифференциальные семы: 1) сема «степень опьянения» = СК «умеренное опьянение» ↔ СК «чрезмерное опьянение» ↔ СК лёгкое опьянение; 2) сема «степень аддикции» = СК «склонность» ↔ СК «Θ»; 3) сема «реакции» = СК «веселье» ↔ СК «буйность» ↔ СК «бесчувствие» ↔ СК «дезориентация» ↔ СК «резистентность к спиртному».

В метаязыковой записи интегральные и дифференциальные семы представлены в виде соответствующих нозм в квадратных скобках.

Субполе «СВОЙСТВО СУБЪЕКТА ОПЬЯНЕНИЯ»
[интегральные семы: «опьянение» + «свойство»] включает в себя следующие смыслы (итого 9 смыслов):

1. **[(опьянение + свойство) + чрезмерное опьянение]:** Р.Я. *в стельку пьян (как стелька), пьян как сапожник, пьяный в дымину, пьян как зюзя* (всего 4); А.Я. *bladdered, blind drunk, bombed, boozy, dead drunk, drunk as a lord, drunk as a skunk, hammered, legless, loaded, mashed, paralytic, pie-eyed, pissed as a newt, pissed out of (one's) head, plastered, slaughtered, rat-arsed, shit-faced, smashed, stinking drunk, trashed, wasted* (всего 23); Н.Я. *breit, knallvoll, sternhagelvoll, volltrunken* (всего 4).

2. **[(опьянение + свойство) + умеренное опьянение]:** Р.Я. *бухой, весёлый, готовый, нетрезвый, пьяный, хмельной* (всего 6); А.Я. *bevvied up,*

blotto, crocked, drunk, drunken, half-cut, inebriated, juiced, pickled, pissed, sloshed, sozzled, stewed, stoned, tanked up, tight, trolleyed, wrecked (всего 18); Н.Я. *betrunken, besoffen, blau, dun, fett, knülle, trunken* (всего 7).

3. [(опьянение + свойство) + лёгкое опьянение]: Р.Я. *поддатый* (всего 1); А.Я. *merry, squiffy, tiddly, tipsy* (всего 4); Н.Я. *angeduselt, angeheitert, angesäuselt, angeschickert, angetrunken, beschwipst, schicker* (всего 7).

4. [(опьянение + свойство) + зависимость]: Р.Я. *пропитой, пропойный, пьющий* (всего 3); А.Я. *bibulous, hard-drinking, intemperate* (всего 3); Н.Я. *alkoholabhängig, alkoholsüchtig, trunksüchtig, versoffen* (всего 4).

5. [(опьянение + свойство) + умеренное опьянение + веселье]: Н.Я. *feuchtfröhlich* (всего 1).

6. [(опьянение + свойство) + чрезмерное опьянение + дезориентация]: Н.Я. *sturzesoffen, sturzbetrunken* (всего 2).

7. [(опьянение + свойство) + чрезмерное опьянение + бесчувствие]: Р.Я. *мертвецки пьяный* (всего 1).

8. [(опьянение + свойство) + чрезмерное опьянение + буйность]: А.Я. *roaring drunk* (всего 1).

9. [(опьянение + свойство) + чрезмерное опьянение + резистентность к спиртному]: Н.Я. *trinkfest* (всего 1).

2.2.2 Семный анализ процессуальных номинаций

Языки сравнения различаются по числу процессуальных монолексемных и полилексемных номинаций в семантическом поле «алкогольное опьянение»: 70 в русском языке, 29 в английском языке, 40 в немецком языке.

Метод взаимных оппозиций позволяет выделить 7 дифференциальных сем: 1) сема «степень опьянения» = СК «умеренное опьянение» ↔ СК «чрезмерное опьянение» ↔ СК «лёгкое опьянение»; 2) сема «степень аддикции» = СК «склонность» ↔ СК «зависимость»; 3) сема «реакции» = СК «дезориентация» ↔ СК «бесчувствие» ↔ СК «потеря речи» ↔ СК «смерть» ↔ СК «резистентность к спиртному» ↔ СК «смятение»; 4) сема «причины» = СК «слабость характера» ↔ СК «горесть»; 5) сема «особый способ употребления спиртного» = СК «чем кто-то (>)» ↔ СК «перед уходом» ↔ СК «порция» ↔ СК «мало» ↔ СК «залпом» ↔ СК «в компании»; 6) сема «временные рамки» = СК «время (>)» ↔ СК «Θ»; 7) сема «последствия» = СК «потеря благ» ↔ СК «Θ».

В метаязыковой записи интегральные и дифференциальные семы представлены в виде соответствующих нозм в квадратных скобках.

I) Субполе «ПРОЦЕСС ОПЬЯНЕНИЯ» [интегральные семы: «опьянение» + «процесс»] включает в себя следующие смыслы (комбинации сем) в русском, английском и немецком языках (всего 19):

1. **[(опьянение + процесс) + чрезмерное опьянение]:** Р.Я. *глушить, напиться до положения риз, напиться до чёртиков, напиться до зелёного змия, набратся, надратся, надрызгаться, нажраться, назюзиться, накачаться, накеросиниться, наклюкаться, налакаться, нализаться, налимониться, напиться допьяна, нарезатьаться, наспиртоваться, натрескаться, нахлестаться, перебрать, перепить (1), перепиться, хватить лишнего* (всего 24); А.Я. *to swill down, to drink oneself silly* (всего 2); Н.Я. *bechern, einen zur Brust nehmen, einen über den Durst trinken, kübeln, saufen (1), sich volllaufen lassen, zu tief ins Glas (in die Flasche) schauen, voll sein wie eine Strandhaubitze (Haubitze), volldröhnen, volltanken* (всего 10);

2. **[(опьянение + процесс) + умеренное опьянение]:** Р.Я. *бухать, залить глаза, залить шары, заложить за галстук, квасить[†], керосинить[†],*

напиться, окосеть, принять на грудь, шибать, хмелеть (всего 10); А.Я. *to booze^t, to drink^t, to tie one on, to cop a buzz* (всего 4); Н.Я. *alkoholisieren, betrinken, berauschen, besaufen, bezechen, sich die Gurgel schmieren (ölen), sich die Kehle anfeuchten (ölen/schmieren), sich die Nase begießen, sich einen Rausch antrinken, sich einen Schwips antrinken, sich einen anknallen, sich einen ansaufen, sich einen hinter die Binde gießen, trinken (1), einen auf die Lampe gießen* (всего 15).

3. **[(опьянение + процесс) + зависимость]**: Р.Я. *бражничать, зашибать, пить (2), пьянствовать, пропить (1), спиваться* (всего 6); А.Я. *to drink like a fish, to hit the bottle* (всего 2); Н.Я. *zur Flasche greifen, saufen (2), trinken (2)* (всего 3).

4. **[(опьянение + процесс) + лёгкое опьянение]**: Р.Я. *подвыпить, подгулять* (всего 2); Н.Я. *beschwippen* (всего 1).

5. **[(опьянение + процесс) + порция]**: Р.Я. *пропустить (рюмашку, рюмочку, стаканчик)* (всего 1); Н.Я. *einen abbeißen, sich einen genehmigen* (всего 2).

6. **[(опьянение + процесс) + чем кто-то (>)]**: Р.Я. *перепить (2)* (всего 1); А.Я. *to drink someone under the table* (всего 1).

7. **[(опьянение + процесс) + время (>)]**: Р.Я. *без просыпу пить*, (всего 1); Н.Я. *richeln* (всего 1).

8. **[(опьянение + процесс) + мало]**: Р.Я. *промочить горло (глотку)* (всего 1); Н.Я. *etwas durch die Gurgel jagen* (всего 1).

9. **[(опьянение + процесс) + перед уходом]**: Р.Я. *выпить на посошок* (всего 1); А.Я. *to have one for the road* (всего 1).

10. **[(опьянение + процесс) + склонность]**: Р.Я. *выпивать, пить (1)* (всего 2).

11. **[(опьянение + процесс) + залпом]**: А.Я. *to knock something back, to kill a beer (bottle of wine etc)* (всего 2).

12. **[опьянение + процесс]** + потеря благ]: Р.Я. *пропить* (2) (всего 1).

13. **[(опьянение + процесс)** + чрезмерное опьянение + в компании + буйность]: Р.Я. *кутить* (всего 1); А.Я. *to carouse* (всего 1); Н.Я. *zechen* (всего 1).

14. **[(опьянение + процесс)** + умеренное опьянение + горесть]: Р.Я. *залить тоску (горе), топить горе (в вине)* (всего 2); А.Я. *to drown one's sorrows* (всего 1).

15. **[(опьянение + процесс)** + чрезмерное опьянение + дезориентация]: Р.Я. *выводить вавилоны, вензеля писать, выделявать ногами кренделя* (всего 3).

16. **[(опьянение + процесс)** + зависимость + время (>)]: Р.Я. *забухать, запить* (всего 2).

17. **[(опьянение + процесс)** + чрезмерное опьянение + бесчувствие]: А.Я. *to drink oneself into a stupor* (всего 1).

18. **[(опьянение + процесс)** + чрезмерное опьянение + смерть]: А.Я. *to drink oneself to death* (всего 1).

19. **[(опьянение + процесс)** + зависимость + слабость характера] Р.Я. *заглядывать в бутылку* (всего 1).

II) Субполе «СОСТОЯНИЕ ОПЬЯНЕНИЯ» [интегральные семы: «опьянение» + «состояние»] включает в себя следующие смыслы (комбинации сем) в русском, английском и немецком языках (всего 8):

1. **[(опьянение + состояние)** + умеренное опьянение]: Р.Я. *(быть) под балдой, (быть) под газом, (быть) под градусом, (быть) под мухой, (быть) под хмелем* (всего 5); А.Я. *to be in one's cups, to be the worse for drink, to be the worse for wear, to have had one too many* (всего 4); Н.Я. *einen Affen (sitzen) haben, einen in der Krone haben, einen Zacken weghaben* (всего 3).

2. **[(опьянение + состояние) + чрезмерное опьянение]**: Р.Я. *на бровях (прийти, приползти), (быть) под парами* (всего 2); А.Я. *to be out of one's box, to be on the booze, to be well away, to have a few too many, to have a skinful* (всего 5); Н.Я. *den Kanal voll haben* (всего 1).

3. **[(опьянение + состояние) + зависимость]**: Р.Я. *to be on the bottle* (всего 1); Н.Я. *immer eine trockene Kehle haben* (всего 1).

4. **[(опьянение + состояние) + чрезмерное опьянение + дезориентация]**: Р.Я. *на ногах не стоять* (всего 1); Н.Я. *eine Schlagseite haben* (всего 1).

5. **[(опьянение + состояние) + умеренное опьянение + смятение]**: А.Я. *to be out of (off) one's head, to be out of it* (всего 2).

6. **[(опьянение + состояние) + чрезмерное опьянение + резистентность к спиртному]**: А.Я. *to be able to hold one's drink (liquor, alcohol etc)* (всего 1).

7. **[(опьянение + состояние) + чрезмерное опьянение + потеря речи]**: Р.Я. *лыка не вязать* (всего 1).

8. **[(опьянение + состояние) + чрезмерное опьянение + бесчувствие]**: А.Я. *to be in a drunken stupor* (всего 1).

В дефинициях содержатся указания на следующие типические признаки: 1) размытые границы между типическими признаками степени аддикции, особым способом употребления спиртного и степени опьянения; 2) особый способ употребления спиртного.

В толковании номинации *to drink* “to drink alcohol, especially **regularly or too much**” (Longman) указывается на размытые границы между типическими признаками зависимости и сильной степени опьянения. А в дефиниции номинации *керосинить* «пить спиртное **обычно много или долго**» (Кузнецов) содержатся типические признаки, которые указывают и на долгосрочность, и на сильную степень опьянения, что тоже

свидетельствует о размытой границе между данными типичными признаками.

Употребление спиртного в больших количествах может выступать как компонент семы «степень опьянения», в частности, типический признак, указывающий на *чрезмерное опьянение*, содержится в следующих номинациях: *квасить* «выпивать спиртное *обычно много*» (Кузнецов) и *to booze* “to drink alcohol, *especially a lot of it*” (Longman).

Отсюда следует, что один и тот же признак (сема), например, признак «чрезмерное опьянение» может, в одних случаях, быть диагностическим, а в других – типическим.

2.2.3 Семный анализ субстантивных номинаций

Языки сравнения различаются по числу субстантивных монолексемных и полилексемных номинаций в семантическом поле «алкогольное опьянение»: 31 в русском языке, 22 в английском языке, 41 в немецком языке.

Метод взаимных оппозиций позволяет выделить 7 дифференциальных сем: 1) сема «степень опьянения» = СК «умеренное опьянение» ↔ СК «чрезмерное опьянение» ↔ СК «лёгкое опьянение»; 2) сема «степень аддикции» = СК «склонность» ↔ СК «зависимость»; 3) сема «реакции» = СК «смелость» ↔ СК «буйность» ↔ СК «красный нос»; 4) сема «принадлежность» = СК «товарищ» ↔ СК «группа» ↔ СК «бродяга»; 5) сема «особый способ употребления спиртного» = СК «в компании» ↔ СК « Θ »; 6) сема «продолжительность употребления спиртного» = СК «время (>)» ↔ СК «время (<)»;

В метаязыковой записи интегральные и дифференциальные семы представлены в виде соответствующих нозм в квадратных скобках.

I) Субполе «СУБЪЕКТ ОПЬЯНЕНИЯ» [интегральные семы: «опьянение» + «лицо»] включает в себя следующие смыслы (комбинации сем) в русском, английском и немецком языках (всего 8):

1. **[(опьянение + лицо) + зависимость]:** Р.Я. *алкаш, алконавт, алкоголик, бражник, бухарик, выпивала, выпивоха, питух, пьяница, пьянчуга, пьянчужка, пропойца, синяк* (всего 13); А.Я. *alcoholic, boozier, dipsomaniac, drinker, drunk (2), drunkard, lush, old soak, piss artist, sot, tippler* (всего 11); Н.Я. *Alkoholsüchtiger, Alkoholabhängiger, Alkoholiker, Bacchant, Saufbold, Säufer, Schluckspecht, Suffkopp, Schnapsbruder[†], Schnapsdrossel[‡], Trinker, Trunkenbold, Zechbruder* (1) (всего 13).

2. **[(опьянение + лицо) + зависимость + товарищ]:** Р.Я. *собутельник* (всего 1); Н.Я. *Saufbruder, Saufkumpan, Zechbruder* (2) (всего 3).

3. **[(опьянение + лицо) + умеренное опьянение]:** А.Я. *drunk* (1) (всего 1); Н.Я. *Betrunkener* (всего 1).

4. **[(опьянение + лицо) + чрезмерное опьянение]:** Р.Я. *бездонная бочка[†]* (всего 1); Н.Я. *Schnapsleiche[†]* (всего 1).

5. **[(опьянение + лицо) + склонность]** Р.Я. *не враг бутылки, винолюб* (всего 1).

6. **[(опьянение + лицо) + зависимость + бродяга]:** А.Я. *wino* (всего 1); Н.Я. *Wermutbruder* (всего 1).

7. **[(опьянение + лицо) + зависимость + в компании + буйность]:** Р.Я. *кутила* (всего 1); Н.Я. *Zecher* (всего 1).

8. **[(опьянение + лицо) + зависимость + группа]:** Р.Я. *пьянь* (всего 1).

II) Субполе «ОПЬЯНЕНИЕ КАК ЯВЛЕНИЕ» [интегральные семы: «опьянение» + «явление»] включает в себя следующие смыслы (комбинации сем) в русском, английском и немецком языках (всего 10):

1. **[(опьянение + явление) + умеренное опьянение]:** Р.Я. *опьянение, подпитие* (всего 2); А.Я. *drunkenness* (всего 1); Н.Я. *Alkoholeinfluss, Rausch, Angetrunkenheit, Betrunktheit, Trunkenheit, Sauferei* (1), *Suff* (1), *Trinkerei* (1) (всего 8).
2. **[(опьянение + явление) + зависимость]:** Р.Я. *бражничество, пьянство, пьянка* (2) (всего 3); Н.Я. *Alkoholexzess, Alkoholmissbrauch, Alkoholsucht, Sauferei* (2), *Suff* (2), *Trinkerei* (2), *Trunksucht* (всего 7).
3. **[(опьянение + явление) + чрезмерное опьянение + в компании]:** Р.Я. *выпивон, попойка, пьянка* (1) (всего 3); А.Я. *booze-up, drunken party/orgy/brawl, piss-up* (всего 2); Н.Я. *Saufgelage, Trinkgelage* (всего 2).
4. **[(опьянение + явление) + чрезмерное опьянение + в компании + буйность]:** Р.Я. *разгул, кутёж* (всего 2); А.Я. *carousal* (всего 1).
5. **[(опьянение + явление) + зависимость + время (>)]:** Р.Я. *загул, запой* (всего 2); Н.Я. *Quartalssaufen* (всего 1).
6. **[(опьянение + явление) + лёгкое опьянение]:** А.Я. *tipsiness* (всего 1); в немецком языке: *Schwips* (всего 1).
7. **[(опьянение + явление) + чрезмерное опьянение]:** Н.Я. *Vollrausch* (всего 1)
8. **[(опьянение + явление) + смелость]:** А.Я. *Dutch courage* (всего 1).
9. **[(опьянение + явление) + чрезмерное опьянение + красный нос]:** Н.Я. *Schnapsnase* (всего 1).
10. **[(опьянение + явление) + зависимость + время (<)]:** А.Я. *binge drinking, drinking spree* (всего 2).

В дефинициях содержатся указания на типические признаки – психические реакции и употребляемое спиртное.

Следующие немецкие номинации содержат в своих толкованиях типичный признак «крепкое спиртное»: 1) *Schnapsbruder*

“gewöhnheitsmäßiger Trinker, *der besonders hochprozentige alkoholische Getränke zu sich nimmt*” (Duden); 2) *Schnapsdrossel* “jmd., die gewöhnheitsmäßig trinkt, die *besonders hochprozentige Getränke zu sich nimmt*” (Duden); 3) *Schnapsleiche* “jmd., der durch allzu reichen Genuss von Alkohol, *besonders Schnaps*, sinnlos betrunken ist“ (Duden).

Компонентный (семный) анализ эбриетивной лексики в русском, английском и немецком языках позволяет сделать ряд выводов.

Каждая из сем «свойство», «процесс», «состояние», «лицо», «явление», дифференциальных для семантического поля «алкогольное опьянение», служит интегральной семой для соответствующего субполя. Семантические субполя включают в себя «свойство субъекта опьянения», «процесс опьянения», «состояние опьянения», «субъект опьянения» и «опьянение как явление». В языках сравнения наибольшее число сем актуализируется в субполях «процесс опьянения» (процессуальные смыслы) и «субъект опьянения» (субстантивные смыслы).

Дифференциальные семы реализуются в индуктивных оппозициях, типичных, с одной стороны, для каждой категории (для каждого субполя с общей категориальной или субкатегориальной семой) в анализируемых языках, с другой стороны, одна и та же оппозиция сем может «обслуживать» семантически смежные категории. Смежными категориями являются по существу все выделенные семантические подразделения, поскольку каждая категория отличается от соседней только одной семой, образуя *зоны семантической непрерывности* (термин У. Вайнрайха). Индуктивная оппозиция, как правило, представляет собой бинарную, градуальную или привативную оппозицию; ср.: *бинарная оппозиция* (при противопоставлении сем «процесс» и «состояние»); *градуальная оппозиция* (в частности, сема «степень алкогольного опьянения» = СК «чрезмерное опьянение» ↔ СК «умеренное опьянение» ↔ СК «лёгкое опьянение»), *привативная оппозиция* (например, при включении СК «порция» в сему

«особый способ употребления спиртного»). Следует отметить, что потенциальная жёсткая оппозиция почти никогда не реализуется внутри категории, теряя свою жёсткость в нейтрализации маркированного члена.

Таксономическая глубина семантического поля «алкогольное опьянение», измеряемая числом дифференциальных сем, включает не более 3 сем, а максимально возможная семная комбинация с учетом интегральных сем не превышает 5 единиц.

Метод взаимных оппозиций позволяет выделить 29 семантических компонентов, репрезентирующих 8 дифференциальных сем: 1) сема «степень опьянения» = СК «умеренное опьянение» : СК «чрезмерное опьянение» ↔ СК лёгкое опьянение; 2) сема «степень аддикции» = СК «склонность» ↔ СК «зависимость»; 3) сема «реакции» = СК «веселье» ↔ СК «смятение» ↔ СК «смелость» ↔ СК «буйность» ↔ СК «бесчувствие» ↔ СК «дезориентация» ↔ СК «резистентность к спиртному» ↔ СК «потеря речи» ↔ СК «смерть» ↔ СК «красный нос»; 4) сема «причины» = СК «слабость характера» ↔ СК «горесть»; 5) сема «особый способ употребления спиртного» = СК «чем кто-то(>)» ↔ СК «перед уходом» ↔ СК «порция» ↔ СК «мало» ↔ СК «залпом» ↔ СК «в компании»; 6) сема «временные рамки» = СК «время (>)» ↔ СК «время (<)»; 7) сема «последствия» = СК «потеря благ»; 8) сема «принадлежность» = СК «товарищ» ↔ СК «группа» ↔ СК «бродяга».

Соотношение эталонных семантических компонентов (29) и сем (8) составляет пропорцию $29/8 \approx 3,6$; следовательно, коэффициент 3,6 есть среднее число вариантов одной семы; таким образом, средняя эталонная сема представлена тремя семантическими компонентами. Наиболее продуктивная сема – «реакции» (10 семантических компонентов).

Следующий список представляет семантические компоненты по степени убывания продуктивности независимо (без учета языка сравнения): (24) «чрезмерное опьянение», (12) «зависимость», (8)

«умеренное опьянение», (4) «в компании», (4) «буйность», (3) «лёгкое опьянение», (3) «время (>)», (3) «бесчувствие», (3) «дезориентация», (2) «склонность», (1) «резистентность к спиртному», (1) «смятение», (1) «чем кто-то (>)», (1) «группа», (1) «потеря благ», (1) «товарищ», (1) «красный нос», (1) «мало», (1) «порция», (1) «горесть», (1) «перед уходом», (1) «потеря речи», (1) «слабость характера», (1) «смелость», (1) «веселье», (1) «смерть», (1) «время (<)», (1) «бродяга».

Из 54 эталонных комбинаций интегральных и дифференциальных сем языки реализуют 14 универсальных комбинаций, 15 фреквентальных комбинаций, 25 уникальных комбинаций. Межъязыковое сходство обеспечивается суммой универсалий и фреквенталий ($14 + 15 \approx 53\%$) в отличие от числа уникалий ($25 \approx 47\%$).

Различия между языками главным образом сводятся к лакунарности в означивании определённых смыслов. Категория «свойство субъекта опьянения» представлена главным образом в английском языке, а категория «процесс опьянения» в русском языке. Объяснение некоторых различий следует, возможно, искать в разных объёмах словаря и способе подачи материала в словаре. В то же время другие межъязыковые различия проистекают из своеобразия категоризации в каждом языке. Помимо семем, семантическое поле всякого естественного языка характеризуется наличием лакун, то есть нерелевантных смыслов. Большинство лакун носят случайный характер, поэтому их трудно объяснить. Например, английская номинация *Dutch courage* является лакуной в русском и немецком языках, поэтому означивается описательно – *необычайная смелость, возникшая под действием алкоголя*; русская номинация *перепить* в английском языке представлена фразеологической номинацией *to drink someone under the table*.

Появление одной и той же семы в двух или более категориях указывает на зоны взаимного перехода между категориями, которые

расположены в качестве *кластеров* – областей компактного расположения или пересечения нескольких категорий [Болдырев 2014: 91-94]. По сути, каждая категория имеет общие характеристики с соседними категориями, сохраняя при этом свои отличительные черты [Ungerer 1996: 26]. Согласно С.Г. Шафикову, «такая сложная сеть подобий, которые пересекаются друг с другом, представляет собой постоянный переход универсального в свою противоположность – уникальное» [Шафигов 2018: 11]. В проанализированном семантическом поле «алкогольное опьянение» семы «степень аддикции», «степень «опьянения» и «реакции» встречаются во всех трёх частеречных категориях, семы «временные рамки» и «особый способ употребления спиртного» встречается в процессуальных и субстантивных категориях.

Сравниваемые языки можно расположить по мере близости к эталону, то есть по соответствию лексических репрезентантов каждого языка цепочкам выделенных семем. Из эталонного списка семем (54) в языках сравнения реализуется только их часть: 37 семем русском языке, 27 семем в английском языке, 31 семема в немецком языке. Таким образом, русский язык стоит ближе к эталону, чем немецкий и английский языки.

Типические признаки, указывающие на прототипический смысл, дополняют диагностические семы. Такие признаки позволяют расширить представление о референте номинации, наделяя его соответствующей оценкой. Следует отметить, что ряд признаков в одних случаях, быть диагностическими, а в других – типическими. В качестве типического признака может выступать степень алкогольного опьянения, в частности, признак указывающий на чрезмерное опьянение, который содержится в номинациях *квасить* («выпивать спиртное *обычно много*») и *to booze* (“to drink alcohol, *especially a lot of it*”), а в значении номинации *to drink* (“to drink alcohol, *especially regularly or too much*”) указывается на размытые границы между типическими признаками зависимости и сильной степени

опьянения. В дефиниции русской номинации *керосинить* («пить спиртное *обычно много или долго*») содержатся типические признаки, которые указывают и на долгосрочность, и на сильную степень опьянения, что тоже свидетельствует о размытой границе между данными типичными признаками. Это также указывает на то, что данные явления взаимосвязаны во внеязыковой реальности. В дефиниции русской субстантивной номинации *бездонная бочка* («о человеке, который может выпить много спиртного, *обычно не хмелея*») содержится указание на типический признак «резистентность лица к чрезмерному опьянению». Толкования немецких субстантивных номинаций: *Schnapsleiche* (“jmd., der durch allzu reichen Genuss von Alkohol, besonders **Schnaps, sinnlos betrunken ist**”), *Schnapsbruder* (“gewöhnheitsmäßiger Trinker, der besonders **hochprozentige alkoholische Getränke zu sich nimmt**”) и *Schnapsdrossel* (“jmd., die gewöhnheitsmäßig trinkt, die besonders **hochprozentige Getränke zu sich nimmt**”), содержать в качестве типического признака указание на крепкое спиртное, обычно употребляемое при зависимости от алкоголя и при сильной степени опьянения.

Прототип категории в языковом плане представляет собой номинацию, которая в полной мере соответствует его атрибутам. В подобных номинациях воплощены наиболее характерные признаки категории, что позволяет по прототипу опознавать категорию в целом [Матвеева 2005: 8]. Поскольку прототип избирается из объектов, известных носителю языка лучше остальных, прототипическими номинациями рассмотренных категорий следует считать: Р.Я. *пьяный, пить* и их производные: *пьяница, пьющий, выпивать* и др; А.Я. *drink* и их производные: *drunk, drinker, drunken* и др; Н.Я. *trinken* и их производные: *trunken, betrinken, Trinker* и др.

Проанализированные категории считаются прототипическими, так как они соответствуют 4 критериям прототипической категории:

1) категория не определяется исключительно исходя из набора диагностических сем; 2) категория характеризуется радиальной структурой с образованием кластеров и пересечений; 3) объекты категории варьируются по степени представления категории; 4) существуют «лучшие» и «худшие» экземпляры категорий [Geeraerts 2010: 185-187].

2.3. Значимостные характеристики эвристивной лексики в языках сравнения

2.3.1. Понятие значимости как аспекта лексической системы языка

Под *языковой значимостью* понимается абстрактный статус языковой единицы, возникающий из семантических и синтаксических ролей, который та приобретает в контексте, как результат отношений данной языковой единицы с другими языковыми единицами в рамках языковой системы [Yılmaz 2014: 30].

Поскольку значимость языковой единицы, по словам Ф. Соссюра, «определяется всем тем, что с ним связано, то, соответственно, и содержание его определяется лишь при поддержке того, что существует вне его» [Соссюр 2019: 149], то в рамках языковой системы значение и значимость определяются как реалии разного порядка. Иными словами, в отличие от значения, компонентный анализ значимости невозможен, так как значимость находится за пределами денотата. К примеру, значения русских номинаций *алкоголик* и *бражник* тождественны, они отличаются лишь темпоральной значимостью, поскольку *алкоголик* относится к общеупотребительной лексике, а *бражник* к устаревшей лексике. Ср. пример территориальной значимости: в Великобритании номинация *pissed* обычно используется для описания человека в состоянии опьянения, однако в американском варианте английского языка эта номинация

подразумевает разозлившегося человека. Примеры стилевой и эмотивной значимостей эбриетивного лексикона приводит диалектолог-любитель Павел Никитич Тиханов в своем словаре социальных диалектов разговорной русской речи конца XIX века «Криптогоссарий» (1891), в которой собраны лексические и фразеологические единицы категории «употребление спиртного» [Уразаев 2023: 42]. Академик В.В. Виноградов подчёркивал правильность данных П.Н. Тихановым социально-диалектных значимостей русской эбриетивной лексики: 1) *разговорные номинации*, в частности, *нализаться, куликнуть, хлебнуть лишнее, хватить* и т.д.; 2) *шутливые номинации*, в частности, *фрамбуаз, насандалиться, заложить за шкирман* и т.д.; 3) *фамильярные номинации*, в частности, *нажраться, надрызгаться, дёрнуть, дерябнуть, раздавить мерзавчика* и т.д.; 4) *эвфемизмы*, в частности, *нарезаться в достодолжном порядке, разрешить вино и елей, совершить возлияния Бахусу* и т.д. [Виноградов 1999: 566].

О межъязыковой значимости говорят при сравнении разных языков. Например, в русском языке номинация *дерево* может означать «многолетнее растение с твёрдым стволом и ветвями, образующими крону» и «древесный материал, идущий на изделия, постройки», а в английском языке данным определениям соответствуют две номинации: *wood* и *timber*. Так, английскому *wood* соответствуют две русские номинации *лес* и *дрова*, а русская номинация *лес*, в свою очередь, соотносится не только с английскими *wood* и *timber*, но также и с номинацией *forest* [Лукина 2015: 42-43].

Из всего вышеописанного следует, что выявление значимости языковой единицы возможно лишь при сравнении данной единицы с другими языковыми единицами того же порядка. Следующим условием выявления языковой значимости должно быть наличие общих черт между единицами данного анализа [Костина 2015]. Это условие не менее важно,

чем первое, ведь сравнение номинаций, не имеющих общих компонентов, было бы почти неинформативным (ср. *пьянство – снежный*). Отсюда следует, что анализ языковой значимости представляется наиболее рациональным проводить в рамках семантико-полевого исследования, поскольку критерии проведения подобного исследования отвечают вышеозначенным условиям.

Следующая классификация значимостей соответствует критериям семантико-полевого исследования: 1) *парадигматические значимости* обусловлены зависимостью от аффилированности номинаций с определёнными парадигмами; 2) *синтагматические значимости* обусловлены отношениями номинаций в составе определённых синтагм; 3) *частеречные значимости* обусловлены соотнесённостью номинаций с частями речи; 4) *деривационные (синхронные и диахронные) значимости* обусловлены процессом создания одних языковых единиц на основе словообразовательных единиц; 5) *темпоральные значимости* обусловлены оппозицией историзмов и неологизмов к нейтральной лексике; 6) *стилевые и узуальные значимости* обусловлены сферой употребления номинаций [Васильев 2015: 71]; 7) *территориальная значимость* обусловлена предпочтительным использованием номинации в территориальном варианте языка; 8) *эмотивная значимость* обусловлена эмотивным зарядом номинации или модальностью использования [Шафииков 2018: 103].

2.3.2 Анализ значимостей в сравниваемых языках

Определённое количество номинаций отмечено *нулевой значимостью* (то есть её отсутствием). К *немаркированным номинациям* относятся следующие: 1) адъективные номинации: Р.Я. *мертвецки пьяный, нетрезвый, пьяный, хмельной* (всего 4); А.Я. *boozy, hard-drinking, drunk,*

drunken, dead drunk (всего 5); Н.Я. *alkoholabhängig, alkoholsüchtig, angetrunken, besoffen, betrunken, blau, breit, sturzbesoffen, sturzbetrunken, trinkfest, trunken, trunksüchtig, volltrunken* (всего 13); 2) процессуальные номинации: Р.Я. *выпивать, залить тоску (gore), пить* (1), *пить* (2), *промочить горло (глотку), принять на грудь, пьянствовать, топить горе (в вине), хмелеть* (всего 9); А.Я. *to be able to hold one's drink (liquor/ alcohol etc.), to be in a drunken stupor, to drink, to drink like a fish, to drink oneself into a stupor, to drink oneself silly, to drink oneself to death, to drink someone under the table, to drown one's sorrows, to kill a beer (bottle of wine etc)* (всего 10); Н.Я. *alkoholisieren, bechern, berauschen, betrinken, bezechen, einen Affen (sitzen) haben, sich volllaufen lassen, trinken* (1), *trinken* (2), *volldröhnen, zechen* (всего 11); 3) субстантивные номинации: Р.Я. *алкоголик, запой, кутёж, опьянение, пьянство, разгул* (всего 6); А.Я. *alcoholic, binge drinking, drunk* (1), *drunk* (2), *drinker, drunken party/orgy/brawl, drunkard, drunkenness, Dutch courage, drinking spree* (всего 10); Н.Я. *Alkoholabhängiger, Alkoholeinfluss, Alkoholiker, Alkoholexzess, Alkoholmissbrauch, Rausch, Alkoholsucht, Alkoholsüchtiger, Angetrunkenheit, Bacchant, Betrunkenener, Betrunkenheit, Säufer, Trinkerei* (1), *Trinkerei* (2), *Trinkgelage, Trunkenheit, Trunksucht, Vollrausch* (всего 19).

Процентное соотношение маркированных / немаркированных номинаций в языках сравнения приводится в таблице №5.

Таблица №5

Соотношение маркированных / немаркированных номинаций

Маркированность значимостью	Р.Я.	А.Я.	Н.Я.
Немаркированные	19 (17%)	25 (25%)	40 (34%)
Маркированные	96 (83%)	75 (75%)	67 (66%)
Всего	115 (100%)	100 (100%)	107 (100%)

Таким образом, процентное соотношение маркированных номинаций преобладают в языках сравнения: в русском языке 96 (83%), в английском языке 75 (75%), а в немецком языке 67 (66%).

Парадигматические значимости представляет собой комплексный набор характеристик, определённый асимметрией языкового знака. Асимметрия знака имеет место, если единица плана содержания соответствует нескольким единицам плана выражения (полилекс), или если несколько единиц плана содержания соответствуют одной единице плана выражения (полисемант). Как пример полилекса можно привести следующие фразеологизмы: *to be in one's cups, to be the worse for drink, to be the worse for wear, to have had one too many*. Как пример полисеманта можно привести следующие многозначные лексемы: Р.Я. *nitz* (1, 2), А.Я. *drink* (1, 2); ср. также: *tanked up* 1) «заправленный» → 2) «пьяный»

Синтагматические значимости отражают функционирование номинаций в процессе речи, к примеру, их употребление в словосочетаниях, предложениях или текстах [Уразаев 2021]. Так, в русском языке номинация *глушить* обычно связывается с видом алкогольного напитка (*глушить вино / водку / пиво*); ср. номинацию *einem abbeißen*, которая также встречается в речи в сочетании с алкогольным напитком (водки, вина, коньяка и т.д.), хотя в толковых словарях это не всегда отмечается.

Частеречные значимости характеризуют разные лексико-грамматические классы номинаций: адъективные, процессуальные и субстантивные. Структурные характеристики данных номинаций рассматриваются в третьей главе настоящего исследования; здесь же достаточно указать на числовые данные (см. таблица №6).

Таблица №6

Количественное соотношение адъективных, процессуальных и субстантивных номинаций в языках сравнения

Лексико-грамматический класс	Р.Я.	А.Я.	Н.Я.
Адъективные номинации	14 (12%)	49 (49%)	26 (24%)
Процессуальные номинации	70 (61%)	29 (29%)	40 (37%)
Субстантивные номинации	31 (21%)	22 (22%)	41 (39%)
Всего	115 (100%)	100 (100%)	107 (100%)

Темпоральная значимость характеризует устаревшие и малоупотребительные номинации:

1) адъективные номинации: Р.Я. *напиться до положения риз* (всего 1); А.Я. *half-cut, pickled, pie-eyed, stewed, stoned, tight, squiffy* (всего 7);

2) процессуальные номинации: Р.Я. *напиться до зелёного змия, выводить вавилоны, вензеля писать* (всего 3); А.Я. *to be in one's cups* (всего 1); Н.Я. *beschwipen* (всего 1).

3) субстантивные номинации: Р.Я. *бражник* (всего 1); А.Я. *boozeur, dipsomaniac, sot* (всего 3); Н.Я. *Zechbruder* (1), *Zechbruder* (2), *Zecher* (всего 3).

Таким образом, номинации, отмеченные темпоральной значимостью, составляют: Р.Я. – 5 номинаций ($\approx 4\%$), А.Я. – 11 номинаций ($\approx 11\%$), Н.Я. – 4 номинации ($\approx 3\%$). Примечание: знак * означает, что вследствие маркированности одной номинации несколькими типами значимости общее число номинаций по типам значимости не совпадает с общим числом маркированных номинаций.

Стилевая значимость выражается в оппозиции высокого стиля (литературного, официального, вежливого) и низкого стиля (разговорный, сленг, просторечия, специализированный), а также в оппозиции стилистически маркированного и нейтрального стилей, например: А.Я. *to have a few too many* «иметь слишком много» (разговорный стиль); ср. *to drink* (нейтральный стиль).

К номинациям **низкого стиля** в языках сравнения относятся:

1) адъективные номинации: Р.Я. *бухой, в стельку пьян (как стелька), веселый, готовый, заглядывать в бутылку, поддамый, пропойный, пьющий, пьяный как зюзя, пьян как сапожник, пьяный в дымину* (всего 11); А.Я. *bevvied up, bladdered, blind drunk, boozy, crocked, drunk as a lord, drunk as a skunk, hammered, juiced, legless, loaded, mashed,*

merry, paralytic, pickled, pie-eyed, pissed, pissed as a newt, pissed out of (one's) head, plastered, rat-arsed, roaring drunk, shit-faced, slaughtered, sloshed, smashed, sozzled, stewed, stinking drunk, stoned, tanked up, tiddly, tight, tipsy, trashed, trolleyed, wasted, wrecked (всего 38); Н.Я. *angeduselt, angeheitert, angeschickert, angesäuselt, beschwipst, fett, feuchtfröhlich, knallvoll, knülle, schicker, sternhagelvoll, versoffen* (всего 12);

2) процессуальные номинации: Р.Я. *без просыпу пить, бухать, выпивать, выпить на посошок, глушить, забухать, залить глаза, залить шары, заложить за галстук, запить, зашибать, квасить, керосинить, кутить, лыка не вязать, на бровях (прийти, приползти), на ногах не стоять, набратся, надратся, надрызгаться, нажратся, накачаться, накеросиниться, наклюкаться, налакаться, налимониться, нализаться, назюзиться, натрескаться, напиться, напиться до чёртиков, напиться допьяна, нарезатьаться, наспиртоваться, нахлестаться, окосеть, опрокинуть, перебрать, перепить (1), перепить (2), перепиться, (быть) под балдой, (быть) под газом, (быть) под градусом, (быть) под мухой, (быть) под парами, (быть) под хмелем, подвыпить, подгулять, пропустить (рюмашку/ рюмочку/ стаканчик), спиваться, хватить лишнего, шибать* (всего 54); А.Я. *to be on the bottle, to be on the booze, to be out of it, to be out of one's box, to be out of/off one's head, to be the worse for drink, to be the worse for wear, to be well away, to booze, to cop a buzz, to have a few too many, to have a skinful, to have had one too many, to have one for the road, to hit the bottle, to knock something back, to swill (down), to tie one on* (всего 18); Н.Я. *immer eine trockene Kehle haben, beschwipsen, den Kanal voll haben, eine Schlagseite haben, einen Zacken weghaben, einen in der Krone haben, einen zur Brust nehmen, einen über den Durst trinken, einen auf die Lampe gießen, etwas durch die Gurgel jagen, kübeln, picheln, saufen (1), saufen (2), sich besaufen, sich die Gurgel schmieren (ölen), sich die Kehle anfeuchten (ölen/ schmieren), sich die Nase begießen, sich einen Rausch*

antrinken, sich einen Schwips antrinken, sich einen anknallen, sich einen ansaufen, sich einen genehmigen, sich einen hinter die Binde gießen, voll sein wie eine Strandhaubitze (Haubitze), volltanken, zur Flasche greifen (всего 27);

3) субстантивные номинации: Р.Я. *алкаш, бражничество, выпивала, выпивоха, загул, кутила, пух, подпитие, попойка, пропойца, пьяница, пьянка* (1), *пьянка* (2), *пьянчуга, пьянь, пьянчужка, синяк, собутыльник* (всего 18); А.Я. *boozer, booze-up, lush, piss-up, tipsiness, piss artist, tippler, wino* (всего 7); Н.Я. *Saufbruder, Saufbold, Sauferei* (1), *Sauferei* (2), *Saufgelage, Saufkumpan, Suffkopp, Schluckspecht, Schnapsbruder, Schnapsdrossel, Schnapsnase, Schnapsleiche, Schwips, Suff* (1), *Suff* (2), *Trinker, Trunkenbold, Wermutbruder* (всего 18).

К номинациям **официально-вежливого стиля** в языках сравнения относятся следующие единицы:

1) адъективные номинации: А.Я. *intemperate, inebriated* (всего 2);

2) процессуальные номинации: А.Я. *to carouse* (всего 1); Н.Я. *zu tief ins Glas (in die Flasche) schauen* (всего 1);

3) субстантивные номинации: А.Я. *a carousal* (всего 1); Н.Я. *Quartalssaufen* (всего 1).

В маркированных стилевой значимостью номинациях низкий стиль (разговорный) преобладает над высоким (официально-вежливым) во всех языках сравнения: Р.Я. – 83 номинаций ($\approx 72\%$) характеризуется разговорным стилем; А.Я. – 72 номинации ($\approx 72\%$) разговорного стиля и 4 номинации ($\approx 4\%$) официально-вежливого стиля; Н.Я. – 55 номинаций ($\approx 49\%$) относится к разговорному стилю и 2 номинации ($\approx 2\%$) относятся к официально-вежливому стилю. Примечание: знак * означает, что вследствие маркированности одной номинации несколькими типами значимости одновременно число номинаций по типам значимости не совпадает с общим числом маркированных номинаций.

Территориальная значимость характеризует часть номинаций в языках сравнения.

В русском языке не выявлены номинации, отмеченные территориальной значимостью.

В английском языке достаточно большая часть номинаций характеризуется территориальной значимостью. К **британскому варианту** английского языка относятся следующие номинации: 1) адъективные номинации: *bevviéd up, bladdered, blind drunk, blotto, half-cut, legless, merry, paralytic, pissed, pissed as a newt, pissed out of (one's) head, slaughtered, sozzled, squiffy, tanked up, tiddly, trolleyed, wrecked* (всего 18); 2) процессуальные номинации: *to have a skinful, to be out of one's box, to be well away, to be in one's cups, to be the worse for drink* (всего 5); 3) субстантивные номинации: *booze-up, dipsomaniac, piss artist, tippler* (всего 4). К **американскому варианту** английского языка относятся следующие номинации: 1) адъективные номинации: *crooked, juiced, loaded, trashed* (всего 4); 2) процессуальные номинации: *to tie one on, to cop a buzz* (всего 2).

В немецком языке часть номинаций характеризуется территориальной значимостью: 1) к **берлинскому говору** относятся адъективные номинации *angeschickert, fett* (всего 2) и субстантивная номинация *einen abbeißen* (всего 1); 2) к **австрийскому диалекту** немецкого языка относятся процессуальная номинация *zur Flasche greifen* (всего 1); 3) к **северонемецкому диалекту** относится адъективная номинация *dun* (всего 1); 4) к **западнонемецкому диалекту** относится адъективная номинация *schicker* (всего 1).

Таким образом, отмеченные территориальной значимостью номинации составляют: Р.Я. – 0 номинации (= 0%); А.Я. – 33 номинации (\approx *33%); Н.Я. – 6 номинации (\approx *5%). Примечание: знак * означает, что вследствие маркированности одной номинации несколькими типами

значимости число номинаций по типам значимости не совпадает с общей суммой маркированных номинаций.

Эмотивная значимость выражает отношение носителя языка к употребляемой номинации. При анализе языкового материала выделены два типа эмотивной значимости: шуточные и экспрессивные номинации.

К **шутливым номинациям** в языках сравнения относятся следующие:

1) адъективные номинации: А.Я. *bibulous* (всего 1); Н.Я. *feuchtfröhlich* (всего 1);

2) процессуальные номинации: Р.Я. *бражничать, вензеля писать, выводить вавилоны, выделявать ногами кренделя, напиться до положения риз, заглядывать в бутылку, заложить за галстук, (быть) под газом, (быть) под парами* (всего 9); Н.Я. *eine Schlagseite haben, einen über den Durst trinken, sich einen genehmigen, zu tief ins Glas (in die Flasche) schauen* (всего 4);

3) субстантивные номинации: Р.Я. *алконавт, бездонная бочка, винолюб, выпивон, не враг бутылки* (всего 5); А.Я. *old soak* (всего 1); Н.Я. *Schluckspecht, Schnapsleiche* (всего 2).

К **экспрессивным номинациям** в языках сравнения относятся следующие номинации: 1) процессуальные номинации: Р.Я. *напиться до чёртиков, напиться до зелёного змия, лыка не вязать* (всего 3); 2) субстантивные номинации: Р.Я. *бухарик, пьянчужка* (всего 2); 3) адъективные номинации: Н.Я. *knallvoll* (всего 1).

В маркированных единицах шуточные номинации преобладает над экспрессивными в языках сравнения: Р.Я. – 14 шуточных номинаций (\approx *12%) и 5 экспрессивных номинаций (\approx *4%); А.Я. – 3 шуточные номинации (\approx *3%); Н.Я. – 6 шуточных номинаций (\approx *5%) и 1 экспрессивная номинация (\approx *1%). Примечание: знак * означает, что вследствие маркированности одной номинации несколькими типами

значимости число маркированных номинаций по типам значимости не совпадает с общим числом маркированных номинаций.

Результаты анализа темпоральной, территориальной, стилевой и эмотивной значимостей приводятся в таблице № 7.

Таблица № 7

Соотношение темпоральной, территориальной, стилевой и эмотивной значимостей в языках сравнения

Тип значимости	Подтип значимости	Р.Я.	А.Я.	Н.Я.
Темпоральная	Устаревшие	5 (*4%)	11 (*11%)	4 (*3%)
Стилевая	Разговорные	83 (*72%)	72 (*72%)	55 (*49%)
	Официально-вежливые	-	4 (*4%)	2 (*2%)
Территориальная	Диалектные	-	33 (*33%)	6 (*5%)
Эмотивная	Шутливые	14 (*12%)	3 (*3%)	6 (*5%)
	Экспрессивные	5 (*4%)	-	1 (*1%)
Маркированные (итого)		96 (83%)	75 (75%)	67 (66%)
Общее число номинаций		115 (100%)	100 (100%)	107 (100%)

Примечание: знак * означает, что вследствие маркированности одной номинации несколькими типами значимости одновременно число номинаций по типам значимости не совпадает с общим числом маркированных номинаций.

Выводы к главе II

Резюмируя вышесказанное, можно сделать следующие выводы.

1. Концепт «алкогольное опьянение» позволяет включать целый ряд аффилированных между собой смыслов в общее семантическое поле, образуя отношения тождества и пересечения с концептами «спиртные напитки», «емкость для хранения спиртного», «умопомрачение», «весёлое настроение» и «болезненное состояние».

2. В анализируемом семантическом поле актуализируются интегральные семы «состояние», «процесс», «лицо», «явление» и «признак», каждая из которых объединяет соответствующее субполе, а

именно: «свойство субъекта опьянения», «процесс опьянения», «состояние опьянения», «субъект опьянения» и «опьянение как явление».

3. В анализируемом семантическом поле актуализируются дифференциальные семы в *бинарных оппозициях* (например, «лицо» и «явление»); в *градуальных оппозициях* (например, «степень алкогольного опьянения»; ср. семантические компоненты: «умеренное опьянение», «чрезмерное опьянение» и «лёгкое опьянение»); в *привативных оппозициях* (например, выключение семантического компонента «порция» в сему «особый способ употребления спиртного»).

4. Таксономическая глубина семантического поля «алкогольное опьянение», измеряемая числом дифференциальных сем, включает не более 3 сем, а максимально возможная семная комбинация с учетом интегральных сем не превышает 5 единиц. В языках сравнения наибольшее число сем актуализируется в субполях «процесс опьянения» (процессуальные смыслы) и «субъект опьянения» (субстантивные смыслы). При этом семы «степень аддикции», «степень «опьянения» и «реакции» встречаются во всех трёх частеречных категориях, семы «временные рамки» и «особый способ употребления спиртного» встречается в процессуальных и субстантивных категориях.

5. Соотношение эталонных семантических компонентов (29) и сем (8) составляет пропорцию $29/9 \approx 3,6$; таким образом, средняя эталонная сема, как правило, представлена тремя семантическими компонентами; наиболее продуктивная сема – «реакции» (10 семантических компонентов). Из 54 эталонных комбинаций интегральных и дифференциальных сем языки реализуют 14 универсальных комбинаций, 15 фреквентальных комбинаций, 25 уникальных комбинаций. Межъязыковое сходство обеспечивается суммой универсалий и фреквенталий (53%) в отличие от числа уникалий (47%).

6. Из эталонного списка семем (54) в языках сравнения реализуется только их часть: 37 семем русском языке, 27 семем в английском языке, 31 семема в немецком языке. Таким образом, русский язык стоит ближе к эталону, чем немецкий и английский языки.

7. Типические признаки, указывающие на прототипический смысл, дополняют диагностические дифференциальные семы. В качестве типического признака может выступать степень алкогольного опьянения, в частности, «чрезмерное опьянение» (Р.Я. *квасить*, А.Я. *to booze*). Следует указать на существование размытых границ между типическими признаками «зависимость» и «чрезмерное опьянение» (Р.Я. *керосинить*, А.Я. *to drink*), что указывает на их взаимосвязь во внеязыковой реальности. В качестве типического также выступает резистентность лица к чрезмерному опьянению (Р.Я. *бездонная бочка*). При этом все вышеозначенные типические признаки могут выступать также в качестве диагностических признаков. В толковании ряда номинаций крепкий напиток выступает как типичный признак, указывая на семы «степень аддикции» и «степень опьянения» (Н.Я. *Schnapsleiche*, *Schnapsbruder*, *Schnapsdrossel*).

8. Прототип категории [алкогольное опьянение] в языковом плане представляет собой номинацию, которая в полной мере соответствует его атрибутам, в частности: Р.Я. *пьяный*, *пить* и их производные: *пьяница*, *пьющий*, *выпивать* и др.; А.Я. *drink* с производными *drunk*, *drinker*, *drunken* и др.; Н.Я. *trinken* с производными *trunken*, *betrunken*, *Trinker* и др.

9. Под *языковой значимостью* понимается абстрактный статус языковой единицы вследствие семантических и синтаксических ролей как результат отношений данной языковой единицы с другими единицами в рамках языковой системы. В данном исследовании анализируются следующие типы значимостей: парадигматические, синтагматические, частеречные, деривационные, темпоральные, стилевые и эмотивные. При

этом маркированные номинации преобладают (Р.Я. – 83%, А.Я. – 75%, Н.Я. – 62%).

10. Отмеченные темпоральной значимостью номинации в языках сравнения составляют небольшую долю (Р.Я – 4%, А.Я. – 11%, Н.Я. – 3%). В маркированных стилевой значимостью номинациях низкий стиль (Р.Я. – 72%, А.Я. – 72%, Н.Я. – 49%) преобладает над высоким в трёх языках сравнения (А.Я. – 4%; Н.Я. – 2%). В русском языке не выявлены номинации, отмеченные территориальной значимостью, в английском языке территориальные значимости составляют значительную долю (33%), а в немецком – незначительную долю (5%). Среди эмотивных номинаций преобладают шуточные (Р.Я. – 12%, А.Я. – 3%, Н.Я. – 5%) в отличие от экспрессивных номинаций (Р.Я. – 4%, А.Я. – 0%, Н.Я. – 1%).

ГЛАВА III. МОТИВИРОВАННОСТЬ И ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ЭБРИЕТИВНОЙ ЛЕКСИКИ

3.1. Аспекты мотивированности и внутренней формы лексикона

3.1.1 Понятия внутренней формы и мотивированности

Содержание номинации («контенционал») включает в себя «интенционал» (совокупность диагностических признаков) и «прототип» (совокупность типических признаков объекта соответствующей категории).

Кроме своего содержания номинация может характеризоваться значимостью, поскольку когнитивный аппарат человека не только осуществляет категоризацию реальности, но и определяет отношение к ней человека.

Другим важным элементом номинации является её «смысл» (в концепции Готлоба Фреге), который соответствует «внутренней форме» в понимании А.А. Потебни («отношение содержания мысли к сознанию») [Потебня 2022: 9].

Внутренняя форма номинации указывает на то, как носитель языка высказывает свои мысли, то есть этот феномен есть не сама мысль, а скорее способ ее выражения, ведь слово, «созданное на основе звуковой оболочки, <...> с самого начала богаче по сравнению с содержанием, воплощённом в признаке» [Серебренников 1977: 176].

Е.А. Косых определяет внутреннюю форму слова «как исходный мостик между содержанием и формой» [Косых 2016: 69]. Если быть точнее, это осмысление «связи между содержанием и формой, несущее определённую информативную силу, которая заключается в прогнозируемости содержания семемы через содержание мотивирующего

признака» [Шафиков 2017: 52]. В этом смысле внутренняя форма тождественна понятию «мотивировка»; ср. следующее определение: «восприятие связи между формой и значением номинации является внутренней формой» (мотивировка) [Богданова 2004: 207].

Иногда делается попытка противопоставить эксплицитную (явную) внутреннюю форму и имплицитную (неявную) внутреннюю форму [Баранов 2011: 314-315]. В действительности же «внутренняя форма может быть лишь эксплицитной, поскольку так называемая имплицитная внутренняя форма, по всей видимости, представляет типичный образ объекта, который на него указывает» [Шафиков 2018: 185].

Внутренняя форма может также определяться как ментальный образ, лежащий основе номинации. Такой образ может соответствовать буквальному пониманию фразеологизма, который представляет этот образ. Например, внутреннюю форму английского фразеологизма *to have had one too many* можно представить в виде следующей модели: [<иметь/> + <это / что-то> + больше чем нужно]. Осознание связи дословного восприятия этого образа (модели) с истинным значением фразеологизма («напиться») служит основанием семантического переноса: «набраться» → «напиться».

Расхождения в толковании внутренней формы аффилированы со сложным характером процесса номинации, в котором можно выделить 1) выбор признака, объясняющего семантику номинации (мотивация) и 2) способ выражения данного признака (мотивированность), обусловленный ориентацией человека на различные аспекты объекта или фрагмента действительности [Сидорова 2016: 65].

Мотивировки (внутренняя форма) может противоречить мотивированности. Так, немецкая номинация *breit* «очень пьяный», безусловно, обладает семантическим типом мотивированности («широкий»), но не мотивировкой, так как нет никакой смысловой связи с алкогольным опьянением: «широкий» ⇏ «очень пьяный».

3.1.2 Аспекты мотивации и мотивировки

Вопрос о мотивированности единиц естественного языка старше самого языкознания. Гермоген и Кратил в диалоге Платона («Кратил») просят Сократа выступить в качестве арбитра по решению вопроса «истинности» наименований [Сельян 2014]. Сторонники Кратила («натуралисты») утверждают наличие мотивированности между формой языковых знаков и их содержанием, а сторонники Гермогена («конвенционалисты») считают, что это отношение является чисто условным и произвольным [Panther 2013].

Понятие произвольности как свойства языковых знаков, вероятно, впервые было введено или, по крайней мере, широко распространено швейцарским лингвистом Ф. Соссюром. Основатель структурализма отмечал, что «основной принцип произвольности знака не препятствует различать в каждом языке то, что в корне произвольно, то есть немотивированно, от того, что произвольно лишь относительно; только часть знаков является абсолютно произвольной; у других же знаков обнаруживаются признаки, позволяющие отнести их к произвольным различной степени: знак может быть относительно мотивированным» [Соссюр 2019: 131]. Уточняя понятие произвольности Ф. Соссюра, французский языковед Э. Бенвенист писал, что «с интерлингвистической точки зрения связь между планом выражения и планом содержания вовсе не произвольна, потому как произвольность существует только по отношению к явлению или предмету материального мира и не является фактором внутриязыковой структуры языка» [Бенвенист 2010: 94].

Ф. Соссюр рассматривает мотивированность как отклонение от нормы, то современная когнитивистика, наоборот, считает произвольность отклонением от нормы. В любом случае дихотомия произвольность /

мотивация является свойством каждого языка, то есть представляет собой языковую универсалию [Ghsoon 2016: 98].

Рациональность связи между формой лексической единицы и его значением проявляется в *мотивации*, то есть выборе мотивирующего признака. В разных культурах и языках существуют разные способы мотивации; при этом в одних случаях выбор конкретной словоформы может быть ясным, а в других случаях происхождение слова может быть затеряно в глубине веков.

Как отмечает Р.М. Саттарова, этимология слов свидетельствует об исходной связи содержания слова с мотивирующим признаком, который может быть не столь уж важным, «хотя в функции отражения объективной реальности этот признак всегда объективен» [Саттарова 2004: 148]. Так, английское слово *dog* «собака» происходит от древнеанглийского слова *docga*, которое, как считается, восходит к протоиндоевропейскому корню *dek-*, означающему «ловить и хватать» и указывает на способность собаки хватать добычу. Точно так же английское слово *cat* «кошка» происходит от древнеанглийского слова *catt*; ср. протоиндоевропейский корень *kat-* «резать или рвать», который указывает на острые когти кошки и способность ловить мелкую добычу.

Различие между объективным и субъективным во внутренней форме номинации отчётливо проявляется при межъязыковом сопоставлении равнозначных номинаций; ср.: Р.Я. *переме́на* и Н.Я. *Pause* в значении «перерыв между уроками»; Р.Я. *рукав* и А.Я. *branch* в значении «отдельное русло реки».

Мотивирующие признаки эквивалентных лексем разных языков редко полностью совпадают; гораздо чаще мотивация сопровождается различием в языковом воплощении мотивирующего признака; ср. наименования влагозащитной верхней одежды в русском и английском языках: Р.Я. *дождевик* = А.Я. *raincoat*. В структуре английского

эквивалента содержится идентифицирующий признак “coat”, который указывает на принадлежность слова к категории одежды. Русский эквивалент указывает только на признак «дождь», а идентификация по категории принадлежности отсутствует. Поэтому мотивировка английского эквивалента информативно «сильнее» мотивировки русского эквивалента.

3.1.3 Типология внутренней формы мотивированных номинаций

Мотивация предшествует процессу номинации, будучи обязательным условием номинативного акта, а мотивированность есть следствие этого акта.

Лексические единицы характеризуются степенью и типами мотивированности в зависимости от наличия/отсутствия внутренней формы. Нулевая степень характеризует *мотивированные наименования*, которые противостоят *немотивированным наименованиям*. По типам мотивированности номинации делятся на *структурно-мотивированные* и *семантически-мотивированные*. Первый тип получается в результате изменения планов выражения и содержания (при этом внутренней формой служит морфологическая или синтаксическая структура номинации) [Кубрякова 1977: 243], а второй тип – в результате изменения лишь плана содержания (при этом внутренней формой выступает значение исходной номинации) [Телия 1977: 159]. К структурно-мотивированным номинациям в языках сравнения можно отнести следующие единицы: Р.Я. *пьянка, пьянство, пьянчуга*; А.Я. *alcoholic, drunkard, drunkenness*; Н.Я. *Alkoholsüchtige, Angetrunkenheit, Betrunkener, Betrunktheit*; к семантически мотивированным можно отнести следующие единицы: Р.Я. *весёлый, окосеть, шибать*; А.Я. *pickled, stewed, merry*; Н.Я. *angeduselt, knallvoll, knülle*.

Разница в степени мотивированности структурно-мотивированных номинаций отражается в оппозициях *полной/частичной* и *прямой/косвенной* видов мотивированности.

В первой оппозиции степень мотивированности номинации обусловлена полной или частичной структурно-семантической выделяемостью ее частей. Так, английская номинация *drunkenness* (n.) является полностью мотивированной благодаря структурно-семантической выделяемости всех своих структурных компонентов: *drunk-* + *-en* + *-ness*. Другая английская номинация *tipsy* (adj.) является частично мотивированной номинацией, потому так её корневая морфема *tips-* выделяется лишь вследствие выделяемости аффикса *-y*, то есть формально, минуя семантику лексемы.

Во второй оппозиции степень мотивированности зависит от степени соответствия структурных компонентов номинации свободным морфемам (с учётом грамматического оформления). Так, все структурные компоненты немецкой номинации *Alkoholexzess* (n.) «чрезмерное пристрастие к алкоголю» тождественны свободным морфемам: *Alkohol* «алкоголь» + *Exzess* «превышение дозволенного», что позволяет считать вышеозначенную номинацию прямо мотивированной. Примером косвенно мотивированной номинации может служить немецкая номинация *Alkoholsüchtiger*; связанная морфема *-er* в её структуре встречается только в составе лексем.

В соответствии с концепцией С.Г. Шафикова, «внутренняя форма лексемы может моделироваться в соответствии с мотивирующими признаками двух типов: идентификатор (родовой признак) и модификатор (видовой признак)» [Шафиков 2017: 153]. Идентификатор относит номинацию к анализируемому семантическому полю, в частности, к полю «алкогольное опьянение», указывая на связь формы слова с данным концептом (полем), т.е. опьянение, пьянку, спиртные напитки, лица,

которые их потребляют и т.д. В роли идентификатора может служить: 1) прямое указание на алкогольное опьянение через деривационную основу, в частности: Р.Я. *пьян-* < *пьянка, пьяница, опьянение*; А.Я. *drunk-* < *drunken, drunkard, drunkenness*; Н.Я. *trink-* < *betrinken, Trinkerei, Trinkgelage*; 2) косвенное указание на причину алкогольного опьянения, то есть спиртное в качестве деривационной основы, в частности: Р.Я. *вино-* < *винолюб*; А.Я. *alcohol-* < *alcoholic*; Schnaps- < *Schnapsdrossel, Schnapsnase*.

Модификатор соотносит номинацию одного семантического поля с наименованием любого другого поля [Шафигов 2017: 154]. Например, модификатор может относить номинации в языках сравнения 1) к субстантивам со значением лица или собирательного существительного: Р.Я. *пьяница* (пьян- + *-ица*), *пьянка* (пьян- + *-ка*); А.Я. *boozer* (booze- + *-(e)r*), *drunkenness* (drunken + *-ness*), *drunkard* (drunk- + *-ard*); Н.Я. *Säufer* (Säuf- + *-er*), *Trinker* (Trink- + *-er*), *Trinkerei* (Trinker- + *-ei*); 2) к прилагательным с переносным значением, связанным с душевным состоянием пьяного: Р.Я. *весёлый*, А.Я. *merry* (буквально «весёлый»), Н.Я. *feuchtfröhlich* (буквально «приятный»).

С.Г. Шафигов выделяет четыре группы номинаций в зависимости от различной экспликации мотивирующих признаков в структуре номинаций (см. таблицу № 8) [Шафигов 2018: 194].

Таблица № 8

Структура и типология внутренней формы

Группа	Идентификатор	Модификатор	Примеры из семантического поля «алкогольное опьянение» в английском языке
1	+	+	<i>drunken</i> + <i>-ness</i> → <i>drunkenness</i> <i>drunk-</i> + <i>-ard</i> → <i>drunkard</i>
2	+	-	<i>drunk</i> (adj.) → <i>drunk</i> (n.)
3	-	+	<i>stewed</i> (adj.) “тушёный” → <i>stewed</i> (adj.) → “пьяный”
4	-	-	<i>sot</i> (n.) <i>drink</i> (v.) (немотивированные номинации)

В первой группе внутренняя форма включает оба типа мотивирующих признаков и поэтому является полной; ср.: субстантивная номинация Р.Я. *алкаш* (идентификатор: корневая морфема *алк-* + модификатор: суффикс *-аш*) (ср. имена существительных типа *торгаш*, *мордаш*, *легаш*); субстантивная номинация А.Я. *drunkenness* «пьянство» (идентификатор: основа *drunken-* «пьяный» + модификатор: суффикс абстрактного существительного *-ness*); субстантивная номинация Н.Я. *Saufkumpan* (идентификатор: корневая морфема *sauf-* < *saufen* «пить, пьянствовать» + модификатор: корневая морфема *Kumpan* «сотоварищ»).

Во второй группе внутренняя форма представлена лишь идентификатором и поэтому является неполной: субстантивная номинация Р.Я. *пьянь* содержит только идентификатор – корневую морфему *пьян-*; субстантивная номинация А.Я. *drunk* «пьяный» < адъективная номинация *drunk* «пьяный» (конверсия); глагольная номинация *saufen* (2) «пьянствовать» содержит только идентификатор, семантически связанный со значением этого глагола *saufen* (1) «пить».

В третьей группе внутренняя форма представлена лишь модификатором и поэтому также является неполной; внутренняя форма русской адъективной номинации *окосеть*, указывает на связь алкогольного опьянения и нарушением функций глаз; мотивировка в некоторых номинациях английского языка содержит указание на приготовление пищи: *stewed* «тушёный» → *stewed* «пьяный», *pickled* «маринованный» → *pickled* «пьяный»; внутренняя форма немецкой номинации *volltanken* «сильно пьяный» (дословно «заполниться») связывает состояние сильного опьянения с наполненностью контейнера.

В четвёртой группе внутренняя форма отсутствует, то есть эта группа состоит лишь из немотивированных номинаций, например, субстантив *sot* «пьяница» в английском языке. Эта группа выделяется благодаря генерализированным номинациям, то есть именам

идентификаторов, служащим основой образования мотивированных номинаций. В частности, к подобным номинациям относятся такие симплексы как *nutm*, *to drink* и *trinken* в языках сравнения.

3.1.4 Внутренняя форма номинации как результат семантического переноса

В соответствии с высказанным ранее определением, внутренняя форма мотивированной номинации представляет собой ментальный образ, сигнализирующий о ее значении. Немотивированная номинация не способна вызвать этот образ; ср. Н.Я. *Rausch* – ментальный образ отсутствует; существительное Н.Я. *Schnapsleiche* «напившийся до потери сознания» [Schnaps- + -Leiche] (дословно: «шнапс» + «труп») вызывает соответствующий образ. У носителя английского языка слово *trashed* «очень пьяный» (дословно «испорченный») вызывает образ человека в ненормальном для него/неё состоянии.

Внутренняя форма номинации может быть актуализованной актом аффиксальной деривации (А.Я. *drunk* «пьяный» → *drunkard* «пьяница»), или словосложения (А.Я. *hard-drinking* «много пьющий»), или конверсии (А.Я. *drunk* adj. → *drunk* n.), которая по сути является семантическим переносом наименования.

Основными типами семантического переноса являются метафора и метонимия.

Метафора, как считают сторонники когнитивного языкознания, представляет собой инстинктивное и бессознательное явление, позволяющее носителю языка понять абстрактные концепты через скрытое сравнение [Majeed 2019: 28]. Так, английская фразеологическая единица *off (one's) face* «очень пьяный» (дословно «не своём лице») иллюстрирует сравнение алкогольного опьянения с изменением в лице.

Дж. Лакофф и М. Джонсон считают, что метафоры определяют естественный язык и, таким образом, саму мысль, обосновывая это утверждение тем, что концепты, структурирующие обыденное человеческое мышление, во многом метафоричны, а значит, и сами метафоры структурируют мышление [Lakoff 2008: 18]. При этом, формы метафорического переноса в первую очередь зависят от культуры носителя языка, поскольку явления могут по-разному осмысливаться в разных культурах [Лакофф 2023: 47].

Метонимия представляет собой семантический перенос, основанный на ассоциации по смежности концептов. В процессе концептуализации одни стороны действительности подчёркиваются и актуализируются, а другие размываются и оттеняются на второй план [Резинкин 2012]. Иллюстрацией может служить русский фразеологизм (*быть*) *под градусом*; здесь переносное значение «в пьяном виде» коррелирует с типическим признаком алкогольного напитка – градусом в спиртном (процент содержания спирта в напитке по объёму).

Отличие метафоры от метонимии заключается в том, что метафора содержит систематическую проекцию онтологических, фигурально-схематических и логических структур из одного концепта (категории) в другой (область-источник → область-мишень) по сходству, а метонимия основана на отношениях сопредельности, выраженной через различные ассоциативные связи.

Иногда семантический перенос выражен не прямо, а целой цепочкой переносов; при этом метафора может пересекаться с метонимией [Ramies 2010], или выражаться с помощью сравнения. Например, употребление алкоголя в больших количествах может выражаться в английском языке фразеологической единицей *drink like a fish* при помощи метафорического сравнения («пить много» + «пить как рыба») [Chunyi 2019: 91].

Семантический перенос на основе может быть выражен в виде единых концептуальных моделей через их конкретные реализации. Так, метафорическая модель [УЩЕРБ ~ ОПЬЯНЕНИЕ] содержит указание на то, что опьянение причиняет ущерб состоянию человека, через конкретные модели; ср. А.Я.: 1) [разрушенный ~ пьяный]: *blasted*; 2) [разбомбленный ~ пьяный]: *bombed*; 3) [забитый молотом ~ пьяный]: *hammered*; 4) [раздавленный ~ пьяный]: *mashed, smashed*; 5) [разорванный ~ пьяный]: *ripped*; 6) [закланый ~ пьяный]: *slaughtered* [Уразаев 2022: 158].

3.2. Анализ мотивированности и внутренней формы эбриетивной лексики в языках сравнения

3.2.1 Деривационный анализ структурно мотивированных монологемных номинаций в сравниваемых языках

Деривация представляет собой словообразовательный акт, в результате которого создаются новые лексические единицы. Семантическая структура этих единиц представляет собой синтез семантических признаков производящей основы и категориального семантического признака словообразовательного элемента [Мурясов 2015: 1256].

Как утверждает А.Н. Беляев, «в основе деривации лежит ассоциативный характер человеческого мышления, где устанавливаются ассоциации по смежности между некоторыми свойствами элементов внеязыкового ряда, отображёнными в уже существующем значении имени, и свойствами нового обозначаемого, называемого путём переосмысления этого значения» [Беляев 2016: 254]. Феномен переосмысления лежит в экономичности языка.

Метаязык деривационного анализа включает в себя следующие обозначения: S – словообразовательная основа, R – корневая морфема, (n) – субстантивная основа или корень, (v) – глагольная основа или корень, (adj) – адъективная основа или корень, pref – префиксальная морфема, suf – суффиксальная морфема, Adj – адъективная номинация, V – процессуальная номинация, N – субстантивная номинация.

Адъективные номинации. Деривационные модели адъективных номинаций в русском языке: *модели аффиксации* (всего 6 моделей): 1) [S (n) + suf (-н-)]: *хмельной* (всего 1); 2) [R (v) + suf(-ющ-)]: *пьющий* (всего 1); 3) [pre (не-) + S (adj)]: *нетрезвый* (всего 1); 4) [pre (под-) + S (adj)]: *поддатый* (всего 1); 5) [S (v) + suf]: *пропитой* (всего 1); 6) [S (n) + suf (-н-)]: *пропойный* (всего 1). Продуктивность моделей аффиксации для адъективных номинаций в русском языке = 1 (6/6).

Деривационные модели адъективных номинаций в английском языке:

1. *Модели аффиксации* (всего 10 моделей): 1) [S (n + n) + suf (-ed)]: *pie-eyed, rat-arsed, shit-faced* (всего 3); 2) [S (adj) + suf (-en)]: *drunken* (всего 1); 3) [R (n) + (-tic)]: *paralytic* (всего 1); 4) [S (n) + suf (-ed)]: *bladdered, crocked, plastered, slaughtered* (всего 4); 5) [S (n) + suf (-less)]: *legless* (всего 1); 6) [S (n) + suf (-o)]: *blotto* (всего 1); 7) [S (v) + suf (-ulous)]: *bibulous* (всего 1); 8) [R (n) + suf (-y)]: *boozy, tipsy* (всего 2); 9) [S (v) + suf (-ed)]: *blasted, bombed, inebriated, hammered, juiced, loaded, mashed, pickled, pissed, smashed, sozzled, sloshed, stewed, stoned, trashed, trolleyed, wasted, wrecked* (всего 18); 10) [pre (in-) + S (adj)]: *intemperate* (всего 1). Продуктивность моделей аффиксации для адъективных номинаций в английском языке ≈ 3 (34/10).

2. *Модели словосложения* (всего 1 модель): [S(adj) + S(adj)] *hard-drinking* (всего 1). Продуктивность моделей словосложения для адъективных номинаций в английском языке = 1 (1/1).

Всего в английском языке выделено 12 моделей для 35 моноксемных адъективных номинаций.

Деривационные модели для адъективных номинаций в немецком языке:

1. *Модели аффиксации* (всего 5 моделей): 1) [pre (an-) + S (adj)]: *angeduselt, angeheitert, angesäuselt, angeschickert, angetrunken* (всего 5); 2) [pre (be-) + S (adj)]: *betrunken, beschwipst* (всего 2); 3) [S (n) + suf (-isiert)]: *alkoholisiert* (всего 1); 4) [pre (ver-) + R (v)]: *versoffen* (всего 1); 5) [pre (be-) + R (v)]: *besoffen, bezecht* (всего 2). Продуктивность моделей аффиксации для адъективных номинаций в немецком языке ≈ 2 (11/5).

2. *Модели словосложения* (всего 2 модели): 1) [S (adj) + S (adj)]: *feuchtfrohlich, volltrunken, starkbetrunken* (всего 3); 2) [S (n) + S (adj)]: *alkoholabhängig, alkoholsüchtig, knallvoll, sternhagelvoll, sturzbetrunken, sturzbefoffen, trinkfest, trunksüchtig* (всего 8). Продуктивность моделей словосложения для адъективных номинаций в немецком языке = 5 (11/2).

Всего в немецком языке выделено 7 моделей для 22 моноксемных адъективных номинаций.

Процессуальные номинации. Деривационные модели для процессуальных номинаций в русском языке представлены моделями *аффиксации* (всего 12 моделей): 1) [R (n) + suf (-нич-)]: *бражничать* (всего 1); 2) [S (n) + suf (-ва-)]: *пьянствовать* (всего 1); 3) [pre (пере-) + S (v) + suf (-ся)]: *перепиться* (всего 1); 4) [вы- + R (v) + suf (-ва)]: *выпивать* (всего 1); 5) [pre (за-) + S (v)]: *забухать, зашибать, запить* (всего 3); 6) [pre (на-) + S (v) + suf (-ся)]: *надраться, надрызгаться, наюзиться, накачаться, накеросиниться, наклюкаться, налакаться, нализиться, напиться, нарезатьаться, наспиртоваться, натрескаться, нахлестаться, набрататься, налимониться* (всего 15); 7) [pre (о-) + S (v)]: *окосеть* (всего 1); 8) [pre (пере-) + S (v)]: *перебратать, перепить* (всего 2); 9) [pre (под-) + S (v)]: *подвыпить, подгулять* (всего 2); 10) [pre (про-) + S (v)]: *пропить*

(всего 1); 12) [pre (с-) + R (v) + suf (-ваться)]: *спиваться* (всего 1); 13) [S (n) + suf (-ить)]: *керосинть* (всего 1). Продуктивность моделей аффиксации для процессуальных номинаций в английском языке ≈ 2 (27/13).

Всего в русском языке выделено 13 моделей для 27 монолексемных процессуальных номинаций.

Словообразовательные модели *процессуальных номинаций в английском языке* представляют собой лишь модели конверсии (всего 1 модель): [N \rightarrow V]: *booze* (всего 1). Продуктивность моделей конверсий для процессуальных номинаций в английском языке = 1 (1/1).

Всего в английском языке выделено одна модель для одной процессуальной номинации.

Деривационные модели для процессуальных номинаций в немецком языке:

1. *Модели аффиксации* (всего 3 модели): 1) [pre (be-) + S (v)]: *betrinken, bezechen, beschwippen, berauschen, besaufen* (всего 4); 2) [S (n) + (-n)]: *bechern, picheln* (всего 2); 3) [S (n) + suf (-isieren)]: *alkoholisieren* (всего 1). Продуктивность моделей аффиксации для процессуальных номинаций в немецком языке $\approx 2,6$ (8/3).

2. *Модели словосложения* (всего 1 модель): [S (adj) + S (v)]: *volldröhnen, volltanken* (всего 2). Продуктивность моделей словосложения для процессуальных номинаций в английском языке = 2 (2/1).

Всего в немецком языке выделено 4 модели для 9 процессуальных номинаций.

Субстантивные номинации. Деривационные модели для субстантивных номинаций в русском языке:

1. *Модели аффиксации* (всего 27 моделей): 1) [S (adj) + suf (-чуга)]: *пьянчуга* (всего 1); 2) [S (adj) + suf (-ица)]: *пьяница* (всего 1); 3) [S (adj) + suf (-ка)]: *пьянка* (всего 1); 4) [S (adj) + suf (-ство)]: *пьянство* (всего 1); 5) [S (adj) + suf (-чужк-)]: *пьянчужка* (всего 1); 7) [pre (-вы) + V(n) + suf

(-ала): *выпивала* (всего 1); 8) [R (v) + suf (-арь)]: *бухарь, шибарь* (всего 2); 9) [R (n) + suf (-аш)]: *алкаш* (всего 1); 10) [R (n) + suf (-ик)]: *бухарик* (всего 1); 11) [R (v) + suf (-ёж)]: *кутёж* (всего 1); 12) [S (n) + suf (-ик)]: *алкоголик* (всего 2); 13) [R (v) + suf (-ила)]: *кутила* (всего 1); 14) [R (n) + suf (-ник)]: *бражник* (всего 1); 15) [R (n) + suf (-ничеств-)]: *бражничество* (всего 1); 16) [R (n) + suf (-навт)]: *алконавт* (всего 1); 17) [R (v) + suf (-он)]: *выпивон* (всего 1); 18) [R (v) + suf (-оха)]: *выпивоха* (всего 1); 19) [R (n) + suf (-ух)]: *питух* (всего 1); 20) [R (v) + suf (-ца)]: *пропойца* (всего 1); 21) [pre (под-) + S (n)]: *подпитие* (всего 1); 22) [pre (за-) + R (v)]: *загул, запой* (всего 2); 23) [pre (о-) + S (n)]: *опьянение* (всего 1); 24) [по- + R (v) + -ка]: *попойка* (всего 1); 25) [pre (раз-) + R (v)]: *разгул* (всего 1); 26) [pre (со-) + S (n) + suf (-ник)]: *собутельник* (всего 1); 27) [S (n) + R (adj)]: *винолюб* (всего 1). Продуктивность моделей аффиксации для субстантивных номинаций в английском языке ≈ 1 (29/27).

Всего в русском языке выделено 27 моделей для 29 монолексемных субстантивных номинаций.

Деривационные модели субстантивных номинаций в английском языке:

1. *Модели аффиксации* (всего 8 моделей): 1) [S (n) + suf (-ness)]: *drunkenness, tipsiness* (всего 2); 2) [R (n) + suf (-о)]: *wino* (всего 1); 3) [R (v) + suf (-al)]: *carousal* (всего 1); 4) [S (adj) + suf (-ard)]: *drunkard* (всего 1); 6) [S (v) + suf (-er)]: *boozer, drinker, tippler* (всего 3); 7) [S (v) + suf (-ry)]: *revelry* (всего 1); 8) [S (n) + suf (-с)]: *dipsomaniac* (всего 1). Продуктивность моделей аффиксации для субстантивных номинаций в английском языке $\approx 1,2$ (10/8).

2. *Модели конверсии* (всего 2 модели): 1) [V \rightarrow N]: *booze-up, piss-up* (всего 2); 2) [Adj \rightarrow N]: *drunk, alcoholic* (всего 2). Продуктивность моделей конверсии для процессуальных номинаций в английском языке = 1,5 (3/2).

Всего в английском языке выделено 10 моделей для 13 моноксемных субстантивных номинаций.

Деривационные модели субстантивных номинаций в немецком языке:

1. *Модели аффиксации* (всего 5 моделей): 1) [R (v) + suf (-er)]: *Säufer, Trinker, Zecher* (всего 3); 2) [R (v) + suf (-erei)]: *Trinkerei, Sauferei* (всего 2); 3) [R (n) + suf (-ant)]: *Bacchant* (всего 1); 4) [S (adj) + suf (-er)]: *Alkoholsüchtiger, Alkoholabhängiger, Betrunkener* (всего 3); 5) [S (n) + suf (-iker)]: *Alkoholiker* (всего 1); 6) [R (v) + suf (-bold)]: *Saufbold* (всего 1). Продуктивность моделей аффиксации для субстантивных номинаций в немецком языке = 1,5 (9/6).

2. *Модели словосложения* (всего 4 модели): 1) [S (adj) + S (n)]: *Angetrunkenheit, Trunkenheit, Betrunkeneit, Trunkenbold* (всего 4); 2) [S (n) + S (n)]: *Alkoholeinfluss, Alkoholexzess, Alkoholmissbrauch, Alkoholsucht, Biertrinker, Schluckspecht, Schnapsbruder, Schnapsdrossel, Schnapsleiche, Schnapsnase, Suffkopp, Trunksucht, Wermutbruder* (всего 13); 3) [S (n) + S (v)]: *Quartalssaufen* (всего 1); 4) [S (v) + S (n)]: *Saufbruder, Saufgelage, Saufkumpan, Trinkbruder, Trinkgelage, Zechbruder* (всего 6). Продуктивность моделей словосложения для субстантивных номинаций в немецком языке = 6 (24/4).

Всего в немецком языке выделено 9 моделей для 34 моноксемных субстантивных номинаций.

Количество моноксемных номинаций превалирует в русском (62) и немецком (65) языках по сравнению с английским языком (49), что может быть объяснено особенностями структуры данных языков.

Деривационный анализ материала показывает, что в языках сравнения используются симплексы, то есть структурно простые единицы, и комплексы, производные единицы. Наиболее продуктивные модели относятся к основным способам словообразования в языках сравнения, а

именно к аффиксации (русский, английский) и словосложению (немецкий). Основными словообразовательными средствами являются аффиксация (в русском языке – 100%, в английском языке – 85%, в немецком языке – 68%), словосложение (в немецком языке – 32%) и конверсия (в английском языке – 12%). Межъязыковое варьирование сводится к количественным показателям и моделям словообразования (таблица №9).

Таблица №9

Количественное соотношение деривационных моделей

Деривационные модели	Р.Я.	А.Я.	Н.Я.
Модели аффиксации	46 (100%)	18 (85%)	15 (68%)
Модели конверсии	-	3 (12%)	-
Модели словосложения	-	1 (3%)	7 (32%)
Итого	46 (100%)	22 (100%)	22 (100%)

3.2.2 Анализ степени мотивированности монологических номинаций в языках сравнения

Степень информативной ценности номинации зависит от того, как её внутренняя форма «подсказывает» содержание данной номинации. Параметрическая типология внутренней формы обусловлена параметрами, которые соответствуют универсалиям внутренней формы: степень мотивированности, тип мотивированности, вид структурно-мотивированных номинаций и структура внутренней формы мотивированных номинаций [Шафиков 2000: 155].

В приводимых списках номинаций тематическая полисемия не учитывается; поэтому внутривидовые смыслы представлены лишь одной лексемой, в частности, Р.Я. *пьянка* (1) «вечеринка, пирушка с обильным употреблением спиртного» и *пьянка* (2) «пьянство», А.Я. *to booze* (1) «выпивать» и *to booze* (2) «пьянствовать», Н.Я. *Zechbruder* (1) «пьяница» и *Zechbruder* (2) «собутельник».

Языки сравнения различаются соотношением типов мотивированных номинаций: структурно-мотивированные и семантически-мотивированные.

Структурно-мотивированные моноксемные номинации в языках сравнения включают: 1) адъективные номинации: Р.Я. *пропитой, пропойный, пьющий, нетрезвый* (всего 4); А.Я. *bibulous, boozу, drunken, hard-drinking, inebriated, squiffy* (всего 6); Н.Я. *alkoholabhängig, alkoholsüchtig, angeschickert, angetrunken, beschwipst, besoffen, betrunken, sturzbetrunken, sturzbesoffen, trinkfest, trunken, trunksüchtig, versoffen, volltrunken* (всего 14); 2) процессуальные номинации: Р.Я. *бражничать, выпивать, забухать, запить, зашибать, накеросиниться, напиться, перепить, перепиться, подвыпить, пропить, пьянствовать, спиваться* (всего 13); А.Я. *отсутствует*; Н.Я. *alkoholisieren, berauschen, beschwipsen, betrinken, bezechen* (всего 5). 3) субстантивные номинации: Р.Я. *алкаш, алконавт, алкоголик, бражник, бухарик, винолюб, выпивала, выпивоха, питух, пьяница, пьянчуга, пьянчужка, пропойца, бражничество, пьянство, пьянка, кутила, запой, выпивон, попойка, кутёж, опьянение, подпитие* (всего 23); А.Я. *alcoholic, boozер, dipsomaniac, drinker, drunkard, tippler, wino, carousal, drunkenness, tipsiness* (всего 12); Н.Я. *Alkoholeinfluss, Alkoholexzess, Alkoholiker, Alkoholmissbrauch, Alkoholsucht, Alkoholabhängiger, Alkoholsüchtiger, Angetrunkenheit, Bacchant, Betrunkenеr, Betrunkenheit, Quartalssaufen, Saufbold, Saufbruder, Sauferei, Saufgelage, Saufkumpan, Suffkopp, Säufer, Schnapsbruder, Schnapsdrossel, Schnapsleiche, Schnapsnase, Wermutbruder, Trinker, Trinkerei, Trinkgelage, Trunkenbold, Trunkenheit, Trunksucht, Vollrausch, Zechbruder, Zecher* (всего 33).

Семантически-мотивированные моноксемные номинации в языках сравнения включают:

1) адъективные номинации: Р.Я. *веселый, поддамый, хмельной* (всего 3); А.Я. *bladdered, bombed, crocked, half-cut, hammered, juiced, legless,*

loaded, mashed, merry, paralytic, pickled, pie-eyed, pissed, plastered, slaughtered, sloshed, smashed, sozzled, stewed, stoned, tiddly, trashed, trolleyed, wasted, wrecked (всего 26); Н.Я. *angeduselt, angeheitert, angesäuselt, feuchtfrohlich, knallvoll, knülle, ste nhagelvoll* (всего 7); 2) процессуальные номинации: Р.Я. *глушить, квасить, керосинить, набратъся, надрызгаться, нажратъся, назюзиться, накачатъся, налакаться, нализаться, налимониться, нарезаться, наспиртоваться, натрескаться, нахлестаться, окосеть, перебраться, хмелеть, шибать* (всего 19); А.Я. *to booze* (всего 1); Н.Я. *bechern, kübeln, volltanken* (всего 3); 3) субстантивные номинации: Р.Я. *собутыльник*, (всего 1); А.Я. *booze-up, piss-up* (всего 2); Н.Я. *Schluckspecht* (всего 1).

Количественный анализ соотношения типов структурной и семантической мотивированности в языках сравнения показывает следующее (см. таблицу №10):

1. Семантически-мотивированные адъективные номинации преобладают в английском языке (26/32), по сравнению с русским (4/7) и немецким (7/21) языками; наоборот, структурно-мотивированные номинации преобладают в немецком (14/21) и русском языках (3/7) по сравнению с английским языком (6/32).

2. Семантически-мотивированные процессуальные номинации преобладают в английском языке (1/1), по сравнению с русским (19/32) и немецким (5/8) языками; соответственно, структурно-мотивированные номинации преобладают в немецком (3/8) и русском (13/32) языках по сравнению с английским языком, в котором структурно-мотивированные номинации не представлены.

3. Семантически-мотивированные субстантивные номинации преобладают в английском языке (2/14), по сравнению с русским (1/24) и немецким (1/33) языками; наоборот, структурно-мотивированные

номинации преобладают в немецком (33/34) и русском языках (23/24) по сравнению с английским языком (12/14).

4. В целом имеет место преобладание семантически-мотивированных номинаций в английском языке (29/47) по сравнению с русским (24/) и немецким (17/62) языками. Соответственно, наблюдается преобладание структурно-мотивированных номинаций в немецком (45/62) и русском (39/63) по сравнению с английским языком (18/47).

Таблица №10

Количественное соотношение типов структурной и семантической мотивированности в языках сравнения

Структурно-мотивированные номинации	Р.Я.	А.Я.	Н.Я.
Адъективные номинации	4 (5%)	26 (57%)	7 (11%)
Процессуальные номинации	19 (30%)	1 (2%)	5 (8%)
Субстантивные номинации	1 (2%)	2 (3%)	33 (53%)
Всего	24 (37%)	29 (62%)	45 (72%)
Семантически-мотивированные номинации	Р.Я.	А.Я.	Н.Я.
Адъективные номинации	3 (5%)	6 (13%)	14 (22%)
Процессуальные номинации	13 (22%)	-	3 (4%)
Субстантивные номинации	23 (36%)	12 (25%)	1 (2%)
Всего	39 (63%)	18 (38%)	17 (28%)
ИТОГО	63 (100%)	47 (100%)	62 (100%)

Как отмечалось ранее, различная степень мотивированности структурно-мотивированных номинаций обнаруживается в оппозициях полностью/частично мотивированных и прямо/косвенно мотивированных номинаций.

Полностью мотивированные моноксемные номинации в языках сравнения включают: 1) адъективные номинации: Р.Я. *нетрезвый, пропитой, пропойный, пьющий* (всего 4); А.Я. *bibulous, boozy, drunken, hard-drinking, inebriated* (всего 5); Н.Я. *alkoholabhängig, alkoholsüchtig, angeschickert, angetrunken, besoffen, beschwipst, betrunken, sturzbetrunken, sturzbefoffen, trinkfest, trunken, trunksüchtig, volltrunken, versoffen* (всего 14); 2) процессуальные номинации: Р.Я. *бражничать, выпивать, забухать, запить, зашибать, накеросиниться, напиться, перепить, перепиться,*

подвыпить, пропить, пьянствовать, спиваться (всего 13); А.Я. *отсутствуют*; Н.Я. *alkoholisieren, berauschen, beschwippen, betrinken, bezechen* (всего 5); 3) субстантивные номинации: Р.Я. *алконавт, алкоголик, бражник, бражничество, бухарик, выпивала, выпивоха, выпивон, винолюб, кутила, кутёж, пьяница, пьянчуга, пьянчужка, попойка, пропойца, пьянство, пьянка, опьянение, подпитие* (всего 20); А.Я. *alcoholic, boozier, dipsomaniac, drinker, drunkard, tippler, drunkenness, tipsiness* (всего 8); Н.Я. *Alkoholeinfluss, Alkoholexzess, Alkoholiker, Alkoholmissbrauch, Alkoholsucht, Alkoholabhängiger, Alkoholsüchtiger, Angetrunkenheit, Bacchant, Betrunkener, Betrunktheit, Quartalssaufen, Suffkopp, Trinker, Trinkerei, Trinkgelage, Trunkenbold, Trunkenheit, Trunksucht, Saufbold, Saufbruder, Sauferei, Saufgelage, Saufkumpan, Säufer, Vollrausch, Zechbruder, Zecher* (всего 28).

Частично мотивированные монологемные номинации в языках сравнения включают: 1) адъективные номинации: Р.Я. *отсутствуют*; А.Я. *отсутствуют*; Н.Я. *отсутствуют*; 2) процессуальные номинации: Р.Я. *отсутствуют*; А.Я. *отсутствуют*; Н.Я. *отсутствуют*; 3) субстантивные номинации: Р.Я. *алкаш, нутух, запой* (всего 3); А.Я. *carousal, wino* (всего 2); Н.Я. *отсутствуют*.

Количественный анализ соотношения структурно-мотивированных номинаций по видам полностью/частичной мотивированности показывает следующее (см. таблица №11):

1. В языках сравнения отсутствуют частично мотивированные адъективные номинации; соответственно, все номинации в языках сравнения полностью мотивированы: русский язык (5/5), английский (5/5), немецкий язык (14/14).

2. В языках сравнения отсутствуют частично мотивированные процессуальные номинации. Кроме того, в английском языке отсутствуют и полностью мотивированные процессуальные номинации. В остальных

языках сравнения процессуальные номинации полностью мотивированны: в русском языке (13/13), в немецком языке (5/5).

3. Типология субстантивных номинаций по типам полной / частичной мотивированности позволяет расположить языки сравнения следующим образом: немецкий язык (28/28) ↔ русский язык (20/23) ↔ английский язык (8/10); соответственно, количественное соотношение субстантивных номинаций по виду частичной мотивированности позволяет расположить языки сравнения следующим образом: английский язык (2/10) ↔ русский язык (3/23) ↔ немецкий язык (отсутствуют)

4. Преобладание в числе полностью мотивированных номинаций представлено главным образом в немецком языке (47/47 = 100%), далее по степени количественного убывания следуют русский язык (37/40 ≈ 92%) и английский язык (13/15 ≈ 86%). Наибольшее количество частично мотивированных номинаций представлено в английском языке (2/15 ≈ 14%); далее следует русский язык (3/40 ≈ 8%), а в немецком языке частично мотивированные номинации отсутствуют.

Таблица №11

Количественное соотношение номинаций по видам полностью/частичной мотивированности в языках сравнения

Полностью мотивированные номинации	Р.Я.	А.Я.	Н.Я.
Адъективные номинации	5 (12%)	5 (33%)	14 (30%)
Процессуальные номинации	13 (30%)	-	5 (10%)
Субстантивные номинации	20 (50%)	8 (53%)	28 (60%)
Всего	38 (92%)	13 (86%)	47 (100%)
Частично мотивированные номинации	Р.Я.	А.Я.	Н.Я.
Адъективные номинации	-	-	-
Процессуальные номинации	-	-	-
Субстантивные номинации	3 (8%)	2 (14%)	-
Всего	3 (8%)	2 (14%)	-
ИТОГО	41 (100%)	15 (100%)	47 (100%)

Прямо мотивированные моноксемные номинации в языках сравнения включают: 1) адъективные номинации: Р.Я. *нетрезвый* (всего

1); А.Я. *отсутствуют*; Н.Я. *alkoholabhängig, alkoholsüchtig, trinkfest, sturzbetrunken, sturzbesoffen, trunksüchtig, volltrunken* (всего 7); 2) процессуальные номинации: Р.Я. *отсутствуют*; А.Я. *отсутствуют*; Н.Я. *отсутствуют*; 3) субстантивные номинации: Р.Я. *отсутствуют*; А.Я. *отсутствуют*; Н.Я. *Alkoholsucht, Alkoholeinfluss, Alkoholexzess, Alkoholmissbrauch, Angetrunkenheit, Betrunkeneheit, Quartalssaufen, Saufbold, Saufbruder, Saufgelage, Saufkumpan, Suffkopp, Trunkenbold, Trinkgelage, Trunkenheit, Trunksucht, Vollrausch, Zechbruder* (всего 18).

Косвенно мотивированные моноксемные номинации в языках сравнения включают: 1) адъективные номинации: Р.Я. *пропитой, пропойный, пьющий* (всего 3); А.Я. *bibulous, boozу, drunken, hard-drinking, inebriated* (всего 5); Н.Я. *angeschickert, angetrunken, beschwipst, besoffen, betrunken, trunken, versoffen* (всего 7); 2) процессуальные номинации: Р.Я. *бражничать, выпивать, забухать, запить, зашибать, накеросиниться, напиться, перепить, перепиться, подвыпить, пропить, пьянствовать, стиваться* (всего 13); А.Я. *отсутствуют*; Н.Я. *alkoholisieren, berauschen, beschwipsen, betrinken, bezechen* (всего 5); 3) субстантивные номинации: Р.Я. *алкаш, алконавт, алкоголик, бражник, бухарик, вилолюб, выпивала, выпивоха, питух, пьяница, пьянчуга, пьянчужка, пропойца, бражничество, пьянство, пьянка, кутила, запой, выпивон, попойка, кутёж, опьянение, подпитие* (всего 23); А.Я. *alcoholic, boozер, dipsomaniac, drinker, drunkard, tippler, wino, carousal, drunkenness, tipsiness* (всего 10); Н.Я. *Alkoholiker, Alkoholabhängiger, Alkoholsüchtiger, Bacchant, Betrunkener, Sauferei, Säufer, Trinker, Trinkerei, Zecher* (всего 10).

Количественный анализ структурно-мотивированных номинаций по видам прямой/косвенной мотивированности показывает следующее (см. таблица №12):

1. В типологии адъективных номинаций тип прямо мотивированных номинаций отсутствует в английском языке все номинации косвенно

мотивированны (5/5); в немецком языке прямо и косвенно мотивированные адъективные номинации количественно делятся пополам (7/14); в русском языке прямо мотивированных номинаций четвертая часть (1/4), соответственно, косвенно мотивированных номинаций в русском языке – три четверти (3/4).

2. В типологии процессуальных номинаций тип прямо мотивированных номинаций отсутствует во всех языках; все процессуальные номинации косвенно мотивированны в русском (13/13) и немецком (5/5) языках; в английском языке косвенная мотивированность отсутствует.

3. В типологии субстантивных номинаций тип прямо мотивированных номинаций отсутствует в английском и русском языках; в немецком языке прямо мотивированных номинаций насчитывается одна треть (10/28). Соответственно, в английском (10/10) и русском (23/23) языках все номинации косвенно мотивированны; в немецком языке косвенная мотивированность составляет большую часть всех номинаций данной категории (18/28).

4. Соотношение прямо и косвенно мотивированных номинаций в языках сравнения показывает превосходство немецкого языка в отношении прямой мотивированности (17/47 \approx 36%), далее идёт русский язык (1/42 \approx 2%), и на последнем месте английский язык, в котором прямо мотивированные номинации отсутствуют. Соответственно, обратная картина наблюдается в отношении косвенной мотивированности в языках сравнения: английский язык (15/15 = 100%), русский язык (39/40 \approx 98%) и немецкий язык (30/47 \approx 64%).

Количественное соотношение номинаций по видам полностью/частичной мотивированности в языках сравнения

Прямо мотивированные номинации	Р.Я.	А.Я.	Н.Я.
Адъективные номинации	1 (2%)	-	7 (15%)
Процессуальные номинации	-	-	-
Субстантивные номинации	-	-	10 (21%).
Всего	1 (2%)	-	17 (36%),
Косвенно мотивированные номинации	Р.Я.	А.Я.	Н.Я.
Адъективные номинации	3 (5%)	5 (33%)	7 (15%)
Процессуальные номинации	13 (35%)	-	5 (10%)
Субстантивные номинации	23 (58%)	10 (67%)	18 (29%)
Всего	39 (98%)	15 (100%)	30 (54%)
ИТОГО	40 (100%)	15 (100%)	47 (100%)

3.2.3 Анализ структуры внутренней формы эвристивной лексики в языках сравнения

Информативность внутренней формы также может определяться как соотношение родового и видового компонентов в структуре номинации. Наибольшей ясностью внутренней формы, следовательно, будет отличаться номинация, в структуре которой выражается одновременно оба типа мотивирующих признаков: родовой (идентификатор) и видовой (модификатор).

Первая группа [идентификатор (+) модификатор (+)] – в русском языке: (адъективные смыслы) *бухой, в стельку пьян (как стелька), мертвецки пьяный, нетрезвый, пропитой, пропойный, пьющий, пьян как сапожник, пьяный в дымину, хмельной* (всего 10); (процессуальные смыслы) *без просыпу пить, бражничать, выпивать, выпить на посошок, забухать, запить, наспиртоваться, налимониться, напиться, напиться допьяна, напиться до положения риз, напиться до зелёного змия, напиться до чёртиков, перепить (1), перепиться, подвыпить, пропить (1), пьянствовать, (быть) под хмелем, спиваться* (всего 20); (субстантивные смыслы) *алкаш, алкоголик, алконавт, бражник,*

бражничество, бухарик, винолюб, выпивала, выпивон, выпивоха, запой, кутила, кутёж, опьянение, питух, подпитие, попойка, пропойца, пьяница, пьянка (1), пьянство, пьянчуга, пьянчужка (всего 23); **в английском языке** (адъективные смыслы) *bibulous, bevvied up, blind drunk, boozy, drunk as a lord, drunk as a skunk, drunken, dead drunk, hard-drinking, inebriated, roaring drunk, stinking drunk* (всего 12); (процессуальные смыслы) *to be able to hold drink (liquor/alcohol etc), to be on the booze, to be in a drunken stupor, to be the worse for drink, to drink like a fish, to drink oneself into a stupor, to drink oneself silly, to drink oneself to death, to drink someone under the table, to kill a beer (bottle of wine etc)* (всего 10); (субстантивные смыслы) *alcoholic, binge drinking, boozier, booze-up, carousal, dipsomaniac, drinker, drunken party/orgy/brawl, drinking spree, drunkard, drunkenness, tippler, tipsiness, wino* (всего 14); **в немецком языке:** (адъективные смыслы) *alkoholabhängig, alkoholsüchtig, angeschickert, angetrunken, beschwipst, besoffen, betrunken, sturzbetrunken, sturzbesoffen, trinkfest, trunksüchtig, versoffen, volltrunken* (всего 13); (процессуальные смыслы) *alkoholisieren, berauschen, beschwipsen, betrinken, besaufen, bezechen, einen über den Durst trinken, sich einen Rausch antrinken, sich einen Schwips antrinken, sich einen ansaufen* (всего 10); (субстантивные смыслы) *Alkoholiker, Alkoholeinfluss, Alkoholexzess, Alkoholmissbrauch, Alkoholsucht, Alkoholabhängiger, Alkoholsüchtiger, Angetrunkenheit, Bacchant, Betrunkenener, Betrunkenheit, Quartalssaufen, Saufbold, Saufbruder, Sauferei (1), Saufgelage, Saufkumpan, Schnapsbruder, Schnapsdrossel, Schnapsleiche, Schnapsnase, Suffkopp, Säufer, Trinker, Trinkerei (1), Trinkgelage, Trunkenbold, Trunkenheit, Trunksucht, Vollrausch, Wermutbruder, Zechbruder (1), Zecher* (всего 33).

Вторая группа [идентификатор (+) модификатор (-)] – в русском языке: (адъективные смыслы) *пьяный как зюзя* (всего 1); (процессуальные смыслы) *перепить (2), пропить (2), пить (2)* (всего 3); (субстантивные смыслы) *пьянь, пьянка (2)* (всего 2); **в английском языке:** (адъективные

смыслы) *drunk* (всего 1); (процессуальные смыслы) *отсутствуют*; (субстантивные смыслы): *drunk* (1), *drunk* (2) (всего 2); **в немецком языке:** (адъективные смыслы) *отсутствуют*; (процессуальные смыслы) *saufen* (2), *trinken* (2) (всего 2); (субстантивные смыслы) *Sauferei* (2), *Suff* (1), *Suff* (2), *Trinkerei* (2), *Zechbruder* (2) (всего 5).

Третья группа [идентификатор (-) модификатор (+)] – в русском языке: (адъективные смыслы) *веселый, поддамый* (всего 2); (процессуальные смыслы) *вензеля писать, выводить вавилоны, выделывать ногами кренделя, глушить, хватить лишнего, заглядывать в бутылку, залить глаза, залить тоску (горе), залить шары, зашибать, квасить, керосинить, на бровях (прийти/приползти), на ногах не стоять, набратся, надрызгаться, нажраться, накачаться, накеросиниться, налакаться, нализаться, нарезатьаться, натрескаться, нахлестаться, окосеть, перебрать, (быть) под балдой, (быть) под газом, (быть) под градусом, (быть) под парами, принять на грудь, промочить горло (глотку), пропустить (рюмаишку/рюмочку/стаканчик), топить горе (в вине), шибать, хмелеть (всего 36); (субстантивные смыслы) *бездонная бочка, не враг бутылки, собутыльник* (всего 3); **в английском языке:** (адъективные смыслы) *bladdered, bombed, crocked, half-cut, hammered, juiced, legless, loaded, mashed, merry, paralytic, pickled, pie-eyed, pissed, pissed as a newt, pissed out of (one's) head, plastered, slaughtered, sloshed, smashed, sozzled, stewed, stoned, tanked up, tiddly, trashed, trolleyed, wasted, wrecked* (всего 29); (процессуальные смыслы) *to have a few too many, to have a skinful, to have had one too many, to be in one's cups, to be on the bottle, to be out of (off) one's head, to be out of it, to be out of one's box, to be the worse for wear, to be well away, to drown one's sorrows, to hit the bottle* (всего 12); (субстантивные смыслы) *old soak, piss artist, piss-up* (всего 3); **в немецком языке:** (адъективные смыслы) *angeduselt, angeheitert, feuchtfrohlich, knallvoll, knulle* (всего 5); (процессуальные смыслы) *bechern,**

den Kanal voll haben, eine Schlagseite haben, einen in der Krone haben, einen zur Brust nehmen, etwas durch die Gurgel jagen, immer eine trockene Kehle haben, kübeln, sich die Gurgel schmieren (ölen), sich die Kehle anfeuchten (ölen/schmieren), sich volllaufen lassen, voll sein wie eine Strandhaubitze (Haubitze), volltanken, zu tief ins Glas (in die Flasche) schauen, zur Flasche greifen, einen auf die Lampe gießen (всего 16); (субстантивные смысмы) *Schluckspecht* (всего 1).

Четвёртая группа [идентификатор (-) модификатор (-)] – в русском языке: (адъективные смысмы) *пьяный, готовый* (всего 2); (процессуальные смысмы) *бухать, заложить за галстук, кутить, подгулять, лыка не вязать, назюзиться, наклюкаться, надраться, пить* (1), *(быть) под мухой* (всего 10); (субстантивные смысмы) *загул, разгул, синяк* (всего 3); **в английском языке:** (адъективные смысмы) *blotto, intemperate, rat-arsed, shit-faced, squiffy, tight, tipsy* (всего 7); (процессуальные смысмы) *to booze* (1), *to carouse, to drink, to have one for the road, to cop a buzz, to knock something back, to swill down, to tie one on* (всего 8); (субстантивные смысмы) *Dutch courage, lush, sot* (всего 3); **в немецком языке:** (адъективные смысмы) *angesäuselt, blau, breit, dun, fett, schicker, sternhagelvoll, trunken* (всего 8); (процессуальные смысмы) *einen abbeißen, einen Affen (sitzen) haben, einen Zacken weghaben, picheln, saufen* (1), *sich einen genehmigen, sich einen anknallen, sich einen hinter die Binde gießen, sich die Nase begießen, trinken* (1), *volldröhnen, zechen* (всего 12); (субстантивные смысмы) *Rausch, Schwips* (всего 2).

В следующей таблице представлено численное соотношение номинаций, варьируемых по проявлению идентификатора и модификатора в языках сравнения (см. таблицу №13).

Типы внутренней формы по актуализации мотивирующих признаков в языках сравнения

Языки	Группа I	Группа II	Группа III	Группа IV
Русский	53 (≈ 46%)	6 (≈ 5%)	41 (≈ 36%)	15 (≈ 13%)
Английский	36 (= 36%)	3 (= 3%)	44 (= 44%)	17 (= 17%)
Немецкий	56 (≈ 53%)	7 (≈ 6%)	22 (≈ 20%)	22 (≈ 20%)

Анализ структуры номинаций концепта «алкогольное опьянение» по манифестации мотивирующих признаков позволяет сделать следующий вывод:

В русском и немецком языке преобладает первая группа внутренней формы (Р.Я. – 46%, Н.Я. – 53%), что несколько выше доли номинаций третьей группы (Р.Я. – 36%, Н.Я. – 20%). В английском языке преобладает третья группа (45%), что несколько выше доли номинаций первой группы (35%).

3.2.4 Анализ моделей внутренней формы эбrietивных номинаций

Дальнейшему анализу подвергаются номинации концепта «алкогольное опьянение», внутренняя форма которых включает только модификатор, отражающий связь анализируемых номинаций с экстралингвистической реальностью. Ниже приводится типология моделей внутренних форм (эталонное число моделей не вербализируется ни в одном из языков сравнения), которые представляют варианты модели модификатора в языках сравнения.

I. Субполе «СВОЙСТВО СУБЪЕКТА ОПЬЯНЕНИЯ» включает в себя следующие модели внутренней формы:

[ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ] 1) [весёлый] Р.Я. *weselyj*; А.Я. *merry*; Н.Я. *angeheitert*;

[ПОВРЕЖДЁННЫЙ] 1) [ударенный] Р.Я. *poddatyy*;
 2) [полузarezанный] А.Я. *half-cut*; 3) [разбомбленный] А.Я. *bombed*;
 4) [замолоченный] А.Я. *hammered*; 5) [раздавленный] А.Я. *mashed*;
 6) [разбитый] А.Я. *smashed*; 7) [zarezанный] А.Я. *slaughtered*;
 8) [потерпевший крушение] А.Я. *wrecked*; 9) [разгромленный] А.Я. *trashed*;
 10) [забитый камнями] А.Я. *stoned*; 11) [мятый] Н.Я. *knülle*.

[МОКРЫЙ] 1) [обмочившийся] А.Я. *pissed*; 2) [обмочившийся + из <своей> головы] А.Я. *pissed out of one's head*; 3) [обмочившийся + как тритон] А.Я. *pissed as a newt*; 4) [облитый соком] А.Я. *juiced*;
 5) [заплёсканный] А.Я. *sloshed, sozzled*; 6) [влажно-весёлый] Н.Я. *feuchtfröhlich*.

[УСТАЛЫЙ] 1) [замотанный] А.Я. *crooked*; 2) [истощённый] А.Я. *wasted*; 3) [задремавший] А.Я. *angeduselt*.

[ОБЕЗДВИЖЕННЫЙ] 1) [безногий] А.Я. *legless*;
 2) [парализованный] А.Я. *paralytic*; 3) [загипсованный] А.Я. *plastered*;
 4) [перевозимый на тележке] А.Я. *trolleyed*.

[ЗАПОЛНЕННЫЙ] 1) [загруженный] А.Я. *loaded*; 2) [заправленный] А.Я. *tanked up*; 3) [переполненный] Н.Я. *knallvoll*; 4) [надутый] А.Я. *bladdered*.

[ПРИГОТОВЛЕННЫЙ] 1) [маринованный] А.Я. *pickled*;
 2) [тушёный] А.Я. *stewed*.

[с вытаращенными глазами] А.Я. *pie-eyed*.

Субполе «свойство субъекта опьянения» содержит общим числом 33 эталонные модели внутренней формы; из них реализуется в русском языке 2, в английском языке 29, в немецком языке 4 модели. Таким образом, по степени близости к эталону языка сравнения можно расположить следующим образом: английский ↔ немецкий ↔ русский.

II. Субполе «ПРОЦЕСС ОПЬЯНЕНИЯ» включает в себя следующие модели внутренней формы в русском, английском и немецком языках:

[ИЗОБРАЖАТЬ] 1) [изображать + фигуры] Р.Я. *вензеля писать, выводить вавилоны*; 2) [изображать + <чем> (ногами) + фигуры] Р.Я. *выделывать ногами кренделя*.

[(ПОЛУЧИТЬ) + <что> ИЗБЫТОК] 1) [(взять) + лишнее] Р.Я. *хватить лишнего, набраться, перебрать*; А.Я. *to have a few too many, to have had one too many*; 2) [иметь + полный мех] А.Я. *to have a skinful*.

[(ПОЛУЧИТЬ) + <чего-то> ВДОВОЛЬ] 1) [порез] Р.Я. *нарезаться*; 2) [еда] Р.Я. *нажраться, натрескаться*; 3) [брызги] Р.Я. *надрызгаться*; 4) [полнота] Р.Я. *накачаться*; 5) [керосин] Р.Я. *накеросиниться*.

[(ПОЛУЧИТЬ) + ЧРЕЗМЕРНО <что-то>]: 1) [лизать] Р.Я. *нализаться*; 2) [лакать] Р.Я. *налакаться*; 3) [хлестать] Р.Я. *нахлестаться*;

[УДАРЯТЬ] 1) [потрясать] Р.Я. *глушить*; 2) [интенсивно бить] Р.Я. *шибать*; 3) [бить] Р.Я. *зашибать*;

[ЗАЛИТЬ + <что-то>] 1) [залить + глаза] Р.Я. *залить глаза, залить шары*; 2) [залить + (свое) несчастье] Р.Я. *залить тоску (горе)*; А.Я. *to drown one's sorrows*; 3) [топить + несчастье] Р.Я. *топить горе (в вине)*; 4) [залить + <что-то> + в лампу] Н.Я. *einen auf die Lampe gießen*.

[УПОТРЕБЛЯТЬ <ЧТО-ТО>] 1) [квас] Р.Я. *квасить*; 2) [керосин] Р.Я. *керосинить*.

[ПОСУДА] 1) [дать пройти + <чему> посуда для питья] Р.Я. *пропустить (рюмашку/рюмочку/стаканчик)*; 2) [ударить + <что> бутылка] А.Я. *to hit the bottle*; 3) [использовать посуду для питья] Н.Я. *bechern*; 4) [использовать чан] Н.Я. *kübeln*; 5) [тянуться + <куда> бутылка] Н.Я. *zur Flasche greifen*; 6) [глубоко + упасть + <куда> стакан (бутылка)] Н.Я. *zu tief ins Glas (in die Flasche) schauen*.

[на грудь + <что-то> взять] Р.Я. *принять на грудь*; Н.Я. *einen zur Brust nehmen*.

[ГОРЛО] 1) [намочить + горло] Р.Я. *промочить горло (глотку)*; Н.Я. *sich die Kehle anfeuchten (ölen/schmieren)*; 2) [смазать + (своя) глотка] Н.Я. *sich die Gurgel schmieren (ölen)*; 3) [провести <что-то> + через + горло] Н.Я. *etwas durch die Gurgel jagen*.

[НАПОЛНИТЬ] 1) [заправить полный бак] Н.Я. *volltanken*; 2) [позволить + себя + наполнить] Н.Я. *sich volllaufen lassen*; 3) [наполнить + <кого> себя + <как> гаубица] Н.Я. *voll sein wie eine Strandhaubitze (Haubitze)*.

[стать косым] Р.Я. *окосеть*.

[ощущать действие хмеля] Р.Я. *хмелеть*.

Субполе «процесс опьянения» содержит общим числом 36 эталонных моделей внутренней формы; из них реализуется в русском языке 24, в английском языке 4, в немецком языке 12 моделей. Таким образом, по степени близости к эталону языка сравнения можно расположить следующим образом: русский ↔ немецкий ↔ английский.

III. Субполе «СОСТОЯНИЕ ОПЬЯНЕНИЯ» включает в себя следующие модели внутренней формы в русском, английском и немецком языках:

[(БЫТЬ) + ПОД <чем-то>] 1) [нелепое поведение] Р.Я. *(быть) под балдой*; 2) [газы] Р.Я. *(быть) под газом*; 3) [пары] Р.Я. *(быть) под парами*; 4) [градус] Р.Я. *(быть) под градусом*.

[БЫТЬ + <где-то>] 1) [быть + <где> очень далеко] А.Я. *to be well away*; 2) [быть + <где> внутри+ <чего> кружка] А.Я. *to be in one's cups*.

[ноги + <что> не держать] Р.Я. *на ногах не стоять*.

[быть + <каким> хуже + <чего> носка] А.Я. *to be the worse for wear*.

[быть + <чём> бутылка] А.Я. *to be on the bottle*.

[БЫТЬ + <ГДЕ> ВНЕ + <чего-то>] 1) [это] А.Я. *to be out of it*; 2) [своя голова] А.Я. *to be out of (off) one's head*; 3) [своя коробка] А.Я. *to be out of one's box*.

[иметь + <что> полный канал] Н.Я. *den Kanal voll haben*.

[иметь + <что-то> + <где> корона] Н.Я. *einen in der Krone haben*.

[иметь + <что> крен] Н.Я. *eine Schlagseite haben*.

[двигаться + <чём> бровях] Р.Я. *на бровях (прийти, приползти)*.

[иметь + <когда> всегда + <что> сухое горло] Н.Я. *immer eine trockene Kehle haben*.

Субполе «состояние опьянения» содержит общим числом 17 эталонных моделей внутренней формы; из них реализуется в русском языке 6, в английском языке 7, в немецком языке 4 модели. Таким образом, по степени близости к эталону языка сравнения можно расположить следующим образом: английский ↔ русский ↔ немецкий.

IV. Субполе «СУБЪЕКТ ОПЬЯНЕНИЯ» включает в себя следующие модели внутренней формы в русском, английском и немецком языках:

[БУТЫЛКА] 1) [не враг + <чего> бутылка] Р.Я. *не враг бутылки*;
2) [кто-то совместно <чем> бутылка] Р.Я. *собутыльник*.

[бездонная + <что> бочка] Р.Я. *бездонная бочка*.

[старый + <что> мочка] А.Я. *old soak*.

[моча + художник] А.Я. *piss artist*.

[глотающий дятел] Н.Я. *Schluckspecht*.

Субполе «состояние опьянения» содержит общим числом 6 эталонных моделей внутренней формы; из них реализуется в русском языке 3, в английском языке 2, в немецком языке 1 модели. Таким образом, по степени близости к эталону языка сравнения можно расположить следующим образом: русский ↔ английский ↔ немецкий.

Всего семантическое поле «алкогольное опьянение» содержит общим числом 91 эталонная модель внутренней формы; из них реализуется в русском языке – 35 моделей, в английском языке – 41 модель, в немецком языке 21 модели. Таким образом, по степени близости к эталону языка сравнения можно расположить следующим образом: английский ↔ русский ↔ немецкий.

Определённая модель, тождественная во всех языках сравнения, называется *универсальной моделью (универсалия)*. В частности, в языках сравнения выявлена 1 универсалия внутренней формы. Модель, тождественная лишь в двух языках сравнения, называется *фреквентальной моделью (фреквенталия)*. Следовательно, в языках сравнения выявлены 2 фреквенталии в русском и английском языках, а также 2 фреквенталии в русском и немецком языках. Модель, представленная только в одном языке, носит имя *уникальной модели (уникалия)*. При этом большая часть моделей представлена уникалиями: 30 в русском языке, 38 в английском языке, 17 в немецком языке.

В целом, сравнительное исследование внутренней формы анализируемых номинаций показывает преобладание межъязыкового различия над сходством.

3.2.5 Анализ моделей семантического переноса в языках сравнения

Представляется целесообразным проведение отдельного исследования семантического переноса наименования в анализируемых языках. Внутренняя форма здесь рассматривается как компонент семантической (метафорической / метонимической) модели, который в концепции Дж. Лакоффа и М. Джонсона называется *источником*, а переносное значение называется *мишенью*.

Модели переноса значения выделяются на основе анализа соотношения внутренней формой единицы с её языковым значением.

В метаязыковом синтаксисе знак «[^]» указывает на метонимию, а знак «[~]» – на метафору. Каждая модель семантического переноса имеет форму двучлена, в левой части которого (слева от знака «[^]» или «[~]») находится языковое значение номинации, а в правой – её редуцированная внутренняя форма в отличие от своей полной структуры, представленной комбинацией мотивирующих признаков.

В идеальном виде метафора и метонимия встречается достаточно редко, как и «чистые» концепты и категории, поскольку в когнитивном аппарате человека границы между концептами (категориями) размыты.

В исследовании выделяются фундаментальные категории, лежащие в основе семантического переноса, в частности фундаментальные метафорические категории, а именно *кинетические метафоры, метафоры вреда, метафоры ментальной сферы, метафоры соматического характера, метафоры влаги, метафоры контейнера, метафоры кулинарного приготовления.*

В метаязыковой записи метафорических моделей различается метафорический *инвариант* (выделяемый заглавными буквами) как родовое понятие и *вариант* как видовое понятие, представляющее данную модель.

Кинетические метафоры основаны на пространственных нарушениях, вызванных причинно-следственной связью между чрезмерным употреблением алкоголя и потерей сенсомоторного самоконтроля (проблема равновесия и поиска пути домой).

Инвариант [ОПЬЯНЕНИЕ ~ ДВИЖЕНИЕ] представлен следующими вариантными моделями: 1) [опьянеть ~ изображать ногами узоры] Р.Я. *выделывать ногами кренделя (вензеля)* (всего 1); 2) [опьянеть ~ изображать узоры] Р.Я. *вензеля писать, выводить вавилоны* (всего 2).

Инвариант [ОПЬЯНЕНИЕ ~ НЕПОДВИЖНОСТЬ] представлен следующими вариантными моделями: 1) [быть пьяным ~ лежать] Р.Я. *na noгах не стоять* (всего 1); 2) [пьяный ~ безногий] А.Я. *legless* (всего 1); 3) [пьяный ~ парализованный] А.Я. *paralytic* (всего 1); 4) [пьяный ~ обездвиженный] А.Я. *plastered* (всего 1); 5) [пьяный ~ перевозимый на тележке] А.Я. *trolleyed* (всего 1).

Инвариант [ОПЬЯНЕНИЕ ~ ИЗМЕНЕНИЕ ОРИЕНТАЦИИ] представлен следующими вариантными моделями: 1) [опьянение ~ крен] Н.Я. *Schlagseite haben* (всего 1); 2) [быть пьяным ~ двигаться на бровях] Р.Я. *на бровях (прийти, приползти)* (всего 1).

Метафоры вреда основаны на причинении определенного физического или морального ущерба человеку (вред здоровью и т.д.).

Инвариант [ОПЬЯНЕНИЕ ~ УЩЕРБ] представлен следующими вариантными моделями: 1) [пьяный ~ легко ударенный] Р.Я. *поддатый* (всего 1); 2) [пьяный ~ полузarezанный] А.Я. *half-cut* (всего 1); 3) [пьяный ~ разбомбленный] А.Я. *bombed* (всего 1); 4) [пьяный ~ замолоченный] А.Я. *hammered* (всего 1); 5) [пьяный ~ раздавленный] А.Я. *mashed* (всего 1); 6) [пьяный ~ разбитый] А.Я. *smashed* (всего 1); 7) [пьяный ~ зарезанный] А.Я. *slaughtered* (всего 1); 8) [пьяный ~ потерпевший крушение] А.Я. *wrecked* (всего 1); 9) [пьяный ~ разгромленный] А.Я. *trashed* (всего 1); 10) [пьяный ~ забитый камнями] А.Я. *stoned* (всего 1); 11) [пьяный ~ мятый] Н.Я. *knülle* (всего 1); 12) [пить ~ бить] Р.Я. *шибать, зашибать* (всего 2); 13) [пить ~ резать] Р.Я. *нарезаться* (всего 1); 14) [пить ~ потрясать] Р.Я. *глушить* (всего 1); 15) [пьяный ~ испорченный] А.Я. *to be the worse for wear* (всего 1).

Метафоры ментальной сферы основаны на изменении ментального состояния человека вследствие опьянения.

Инвариант [ОПЬЯНЕНИЕ ~ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ] представлен следующими вариантными моделями: 1) [пьяный ~ весёлый] Р.Я. *веселый*;

А.Я. *merry*; Н.Я. *angeheitert* (всего 3); 2) [опьянение ~ отрешённость] А.Я. *to be well away* (всего 1).

Инвариант [ОПЬЯНЕНИЕ ~ ОГЛУПЛЕНИЕ] указывает на определённое отклонение в поведении человека: [опьянеть ~ оглупеть] Р.Я. *(быть) под балдой* (всего 1).

Инвариант [ОПЬЯНЕНИЕ ~ УСТАЛОСТЬ] представлен следующими вариантными моделями, указывая на инертное состояние чрезмерно пьющего любителя алкоголя: 1) [пьяный ~ замотанный] А.Я. *crooked* (всего 1); 2) [пьяный ~ истощённый] А.Я. *wasted* (всего 1); 3) [пьяный ~ задремавший] А.Я. *angeduselt* (всего 1).

Метафоры соматического характера основаны на ассоциации включают модели, каждая из которых может быть представлена вариантами:

Инвариант [ОПЬЯНЕНИЕ ~ ГОРЛО] представлен следующими вариантными моделями: 1) [выпить ~ намочить горло] Р.Я. *промочить горло (глотку)*; Н.Я. *sich die Kehle anfeuchten (ölen/schmieren)* (всего 2); 2) [выпить ~ смазать горло] Н.Я. *sich die Gurgel schmieren (ölen)* (всего 1); 3) [выпить ~ провести через горло] Н.Я. *etwas durch die Gurgel jagen* (всего 1); 4) [пьянствовать ~ иметь всегда сухое горло] Н.Я. *immer eine trockene Kehle haben* (всего 1).

Инвариант [ОПЬЯНЕНИЕ ~ ГРУДЬ] сравнивает опьянение с «принятием на грудь»: Р.Я. *принять на грудь*; Н.Я. *einen zur Brust nehmen* (всего 2);

Инвариант [ОПЬЯНЕНИЕ ~ ГОЛОВА] представлен следующими вариантными моделями: 1) [быть пьяным ~ быть вне головы] А.Я. *to be out of (off) one's head* (всего 1); 2) [быть пьяным ~ иметь что-то в голове] Н.Я. *einen in der Krone haben* (всего 1).

Инвариант [ОПЬЯНЕНИЕ ~ ГЛАЗА] представлен следующими вариантными моделями: 1) [опьянеть ~ залить глаза] Р.Я. *залить глаза*,

залить шары (всего 2); 2) [пьяный ~ с вытаращенными глазами] А.Я. *pie-eyed* (всего 1); 3) [опьянеть ~ скосить глаза] Р.Я. *окосеть* (всего 1).

Метафоры влаги [ОПЬЯНЕНИЕ ~ ВЛАГА] основаны на сравнении опьянения с увлажнением; ср. следующие модели метафорического переноса: 1) [пьяный ~ заплёсканный] А.Я. *sloshed, sozzled* (всего 2); 2) [выпить ~ брызгать] Р.Я. *надрызгаться* (всего 1); 3) [опьянеть ~ залить несчастье] Р.Я. *залить тоску (gore), топить горе (в вине)*; А.Я. *to drown one's sorrows* (всего 3); 4) [выпить ~ залить в лампу] Н.Я. *einen auf die Lampe gießen* (всего 1); 5) [выпить ~ пропитаться] А.Я. *old soak* (всего 1).

Семантический перенос [пьяный ~ мокрый и весёлый] Н.Я. *feuchtfröhlich* (всего 1) образован на пересечении двух концептуальных метафор [ОПЬЯНЕНИЕ ~ РАДОСТЬ] и [ОПЬЯНЕНИЕ ~ ВЛАГА].

Инвариант [ОПЬЯНЕНИЕ ~ ЕМКОСТЬ ДЛЯ ПИТЬЯ] представлен следующими вариантными моделями: 1) [пить ~ пропустить порцию] Р.Я. *пропустить (рюмашку / рюмочку / стаканчик)* (всего 1); 2) [пить ~ использовать порционную емкость] Н.Я. *bechern* (всего 1); 3) [пить много ~ использовать чан] Н.Я. *kübeln* (всего 1); 4) [пьяный ~ внутри кружки] А.Я. *to be in one's cups* (всего 1).

Инвариант [ОПЬЯНЕНИЕ ~ БУТЫЛКА] представлен следующими вариантными моделями: 1) [пьянствовать ~ ударять бутылку] А.Я. *to hit the bottle* (всего 1); 2) [пьянствовать ~ тянуться к бутылке] Н.Я. *zur Flasche greifen* (всего 1); 3) [напиться ~ упасть в стакан (бутылку)] Н.Я. *zu tief ins Glas (in die Flasche) schauen* (всего 1); 4) [пьянствовать ~ быть на бутылке] А.Я. *to be on the bottle* (всего 1); 5) [любитель выпить ~ любитель бутылки] Р.Я. *не враг бутылки* (всего 1); 6) [товарищ по пьянству ~ товарищ по бутылке] Р.Я. *собутыльник* (всего 1)

Метафоры контейнера основаны на сравнении пьющего человека с вместилищем, способным удерживать выпитое внутри себя.

Инвариант [ОПЬЯНЕНИЕ ~ СНАРУЖИ КОНТЕЙНЕРА], представленный следующей моделью семантического переноса: [пьяный ~ снаружи контейнера] А.Я. *to be out of it, to be out of one's box* (всего 2).

Инвариант [ОПЬЯНЕНИЕ ~ НАПОЛНЕННОСТЬ КОНТЕЙНЕРА] представлен следующими вариантными моделями: 1) [пьяный ~ загруженный] А.Я. *loaded* (всего 1); 2) [пьяный ~ заправленный] А.Я. *tanked up* (всего 1); 3) [пьяный ~ переполненный] Н.Я. *knallvoll* (всего 1); 4) [пьяный ~ надутый] А.Я. *bladdered* (всего 1); 5) [напиться ~ заправиться] Н.Я. *volltanken* (всего 1); 6) [напиться ~ переполниться] Р.Я. *хватить лишнего, набратся, перебрать*; А.Я. *to have a few too many, to have had one too many*; Н.Я. *sich volllaufen lassen* (всего 3); 7) [пьяный ~ полный] А.Я. *to have a skinful*; Н.Я. *den Kanal voll haben, voll sein wie eine Strandhaubitze (Haubitze)* (всего 3); 8) [пьянство ~ бездонность] Р.Я. *бездонная бочка* (всего 1); 9) [напиться ~ наполниться] Р.Я. *накачаться* (всего 1).

Метафоры кулинарного приготовления основаны на сравнении опьянения с готовкой кулинарного блюда.

Инвариант [ОПЬЯНЕНИЕ ~ ГОТОВКА] представлен следующими вариантными моделями: 1) [пьяный ~ маринованный] А.Я. *pickled* (всего 1); 2) [пьяный ~ тушёный] А.Я. *stewed* (всего 1).

Метонимии основаны на выражении концепта «алкогольное опьянение» через смежные концепты. Инвариант [ВЫПИВКА ^ ЖИДКОСТЬ] представлен следующими вариантными моделями: 1) [выпивка ^ моча] А.Я. *pissed, pissed out of (one's) head, pissed as a newt, piss artist* (всего 4); 2) [выпивка ^ сок] А.Я. *juiced* (всего 1); 3) [выпивка ^ керосин] Р.Я. *накеросиниться, керосинить* (всего 2); 4) [выпивка ^ квас] Р.Я. *квасить* (всего 1).

Инвариант [ВЫПИВКА ^ СВОЙСТВА ВЫПИВКИ] представлен следующими вариантными моделями, которые указывают на

характеристики алкогольного напитка (пары / газы алкоголя или сырьё изготовления): 1) [выпивка ^ пары алкоголя] Р.Я. (*быть*) *под газом*, (*быть*) *под парами* (всего 2); 2) [выпивка ^ градус алкоголя] Р.Я. (*быть*) *под градусом* (всего 1); 3) [выпивка ^ хмель] Р.Я. *хмелеть* (всего 1).

Инвариант [ПИТЬ ^ ПОГЛОЩАТЬ] представлен следующими вариантными моделями: 1) [пить ^ есть] Р.Я. *нажраться*, *натрескаться* (всего 2); 2) [пить ^ облизывать] Р.Я. *нализаться* (всего 1); 3) [пить ^ лакать] Р.Я. *налакаться* (всего 1); 4) [пить ~ хлестать] Р.Я. *нахлестаться* (всего 1); 5) [пить ^ глотать] Н.Я. *Schluckspecht*.

Ниже приводится полный перечень общих моделей (числа в фигурных скобках указывают на количество единиц, представляющих эту модель в каждом из языков сравнения).

Универсальные модели семантического переноса: 1) [опьянение ~ ущерб] продуктивность моделей: в русском языке = 1,2 (5/4), в английском языке = 1 (10/10), в немецком языке = 1 (1/1); 2) [опьянение ~ эмоциональность] продуктивность моделей: в русском языке = 1 (1/1), в английском языке \approx 2,5 (5/2), в немецком языке = 1 (1/1); 3) [опьянение ~ влага] продуктивность моделей: в русском языке = 1,5 (3/2), в английском языке \approx 1,3 (4/3), в немецком языке = 1 (2/2); 4) [опьянение ~ ёмкость для питья] продуктивность моделей: в русском языке = 1 (1/1), в английском языке = 1 (1/1), 2 в немецком языке = 1 (2/2); 5) [опьянение ~ бутылка] продуктивность моделей: в русском языке = 1 (2/2), в английском языке = 1 (2/2), в немецком языке = 1 (2/2); 6) [опьянение ~ наполненность контейнера] продуктивность моделей: в русском языке \approx 1,6 (5/3), в английском языке = 1 (5/5), в немецком языке \approx 1,2 (5/4) (всего моделей: в русском языке 13 = 17 единиц, в английском языке 23 = 25 единиц, в немецком языке 12 = 13 единиц).

Фреквентальные модели семантического переноса в русском и английском языках: 1) [опьянение ~ неподвижность] продуктивность

моделей: в русском языке = 1 (1/1), в английском языке = 1 (4/4); 2) [опьянение ~ глаза] продуктивность моделей: в русском языке = 1,5 (3/2), в английском языке = 1 (1/1); 3) [выпивка ^ жидкость] продуктивность моделей: в русском языке = 1,5 (3/2), в английском языке = 2,5 (5/2) (всего моделей: в русском языке – 5 = 7 единиц, в английском языке 10 = 7 единиц).

Фреквентальные модели семантического переноса в русском и немецком языках: 1) [опьянение ~ горло] продуктивность моделей: в русском языке = 1 (1/1), в немецком языке = 1 (4/4); 2) [опьянение ~ грудь] продуктивность моделей: русском языке = 1 (1/1), в немецком языке = 1 (1/1); 3) [опьянение ~ изменение ориентации] продуктивность моделей: в русском языке = 1 (1/1), в немецком языке = 1 (1/1); 4) [пить ^ поглощать] продуктивность моделей: в русском языке $\approx 1,2$ (5/4), в немецком языке = 1 (1/1) (всего моделей: в русском языке 8 = 7 единиц, в немецком языке 4 = 7 единиц).

Фреквентальные модели семантического переноса английском и немецком языках: 1) [опьянение ~ усталость] продуктивность моделей: в английском языке = 1 (2/2), в немецком языке = 1 (1/1); 2) [опьянение ~ голова] продуктивность моделей: в английском языке = 1 (1/1), в немецком языке = 1 (1/1) (всего моделей: в английском языке 3 = 3 единицы, в немецком языке 2 = 2 единицы).

Ниже приводится список *уникалий*, то есть уникальных моделей семантического переноса, характеризующих только один из языков сравнения.

Уникальные модели семантического переноса в русском языке: 1) [опьянение ~ движение] продуктивность моделей = 1,5 (3/2); 2) [опьянение ~ оглушение] продуктивность моделей = 1 (1/1); 3) [выпивка ^ свойства выпивки] продуктивность моделей $\approx 1,3$ (4/3) (всего 5 моделей = 8 единиц).

Уникальные модели семантического переноса в английском языке: 1) [опьянение ~ снаружи контейнера] продуктивность моделей = 3 (3/1), 2) [опьянение ~ приготовление пищи] продуктивность моделей = 1 (2/2) (всего 3 модели = 5 единиц).

Уникальные модели семантического переноса в немецком языке: [опьянение ~ влажность и радость] продуктивность моделей = 1/1 (1) (всего 1 модель = 1 единица).

Таблица №14

Количественное соотношение моделей семантического переноса в языках сравнения

УНИВЕРСАЛИИ (универсальные модели семантического переноса)			
МОДЕЛИ	Р.Я.	А.Я.	Н.Я.
[опьянение ~ ущерб]	4	10	1
[опьянение ~ эмоциональность]	1	2	1
[опьянение ~ влага]	2	3	2
[опьянение ~ ёмкость для питья]	1	1	2
[опьянение ~ бутылка]	2	2	2
[опьянение ~ наполненность контейнера]	3	5	4
Всего	13	23	12
ФРЕКВЕНТАЛИИ (фреквентальные модели семантического переноса)			
МОДЕЛИ	Р.Я.	А.Я.	Н.Я.
[опьянение ~ неподвижность]	1	4	-
[опьянение ~ глаза]	2	1	-
[выпивка ^ жидкость]	2	2	-
[опьянение ~ горло]	1	-	4
[опьянение ~ грудь]	1	-	1
[опьянение ~ изменение ориентации]	1	-	1
[пить ^ поглощать]	4	-	1
[опьянение ~ усталость]	-	2	1
[опьянение ~ голова]	-	1	1
Всего	12	10	9
УНИКАЛИИ (Уникальные модели семантического переноса)			
МОДЕЛИ	Р.Я.	А.Я.	Н.Я.
[опьянение ~ движение]	2	-	-
[опьянение ~ оглушение]	1	-	-
[выпивка ^ свойства выпивки]	3	-	-
[опьянение ~ снаружи контейнера]	-	1	-
[опьянение ~ приготовление пищи]	-	2	-
[опьянение ~ влажность и радость]	-	-	1
Всего	6	3	1

Языки сравнения можно расположить по степени проявления в общих моделях семантического переноса следующим образом: английский язык (33 < 79) ↔ русский язык (25 < 79) ↔ немецкий язык (21 < 79).

Несмотря на различия во внутренней форме, установленные концептуальные метафоры и метонимии обнаруживают высокую степень сходства между языками сравнения. Таким образом, независимо от культуры, которая проявляется в языковых структурах, независимо от степени генетического родства или структурного сходства между языками, люди видят связи между категориями внеязыковой реальности сходным образом, то есть категоризируют реальность сходным образом.

Выводы к главе III

Резюмируя содержание главы, можно сделать следующие выводы.

1. Внутренняя форма номинации представляет собой связь между лексемой и семемой как результат деривации или семантического переноса, который характеризуется определенной информативной силой.

2. Деривация представляет собой словообразовательный акт как следствие определенного способа, такого как аффиксация (Р.Я. – 100%, А.Я. – 83%, Н.Я. – 47%), словосложение (А.Я. – 4%, Н.Я. – 32%) или конверсия (А.Я. – 13%).

3. Информативная сила внутренней формы определяется прогнозируемостью семантики номинации благодаря содержанию и структуре мотивирующих признаков, образующих внутреннюю форму, благодаря наличию мотивированности, её типу и виду.

4. Тип мотивированности связан с делением мотивированных номинаций на структурно- и семантически-мотивированные. Количественный анализ показывает преобладание семантически-мотивированных номинаций в английском языке (63%) по сравнению с русским (38%) и немецким (28%) языками. Соответственно, наблюдается

преобладание структурно-мотивированных номинаций в немецком (72%) и русском (62%) по сравнению с английским языком (37%).

5. Вид мотивированности связан с различием структурно-мотивированных номинаций в оппозициях *полной/частичной* и *прямой/косвенной* мотивированности. Наблюдается преобладание полностью мотивированных номинаций, представленных прежде всего в немецком языке (100%), далее в русском языке (92%) и, наконец, в английском языке (86%). Наблюдается также преобладание косвенно мотивированных номинаций, представленных прежде всего в английском языке (100%), далее в русском языке (98%) и, наконец, в немецком языке (54%).

5. Структура внутренней формы содержит два типа мотивирующих признаков: идентификатор (соотнесение номинации с определенным семантическим полем) и модификатор (соотнесение номинации с полем другого именованного). Номинация с полной структурой (идентификатор + модификатор), а именно в русском языке (46%) и немецком языке (53%) количественно превышают долю наименований с одним признаком (модификатором): в русском языке (36%) и в немецком языке (20%); наоборот, в английском языке число наименований с модификатором (45%) превышает число наименований с полной структурой внутренней формы (35%).

6. Наименования с неполной структурой внутренней формы (модификатор) показывает преобладание межъязыкового различия над сходством. В семантическом поле «алкогольное опьянение» из 91 эталонной модели внутренней формы реализуется: в русском языке 35 моделей, в английском языке 41 модель, в немецком языке 21 модель. Таким образом, по степени близости к эталону языки сравнения можно расположить следующим образом: английский ↔ русский ↔ немецкий.

7. Внутренняя форма может рассматриваться как результат переноса значения номинации, основанного на метафоре или метонимии. Исследование показывает многообразие специфических моделей семантического переноса в языках сравнения, варьирующих более крупные инвариантные структуры переноса значения.

8. Языки сравнения можно расположить по степени проявления семантического переноса: английский язык ($33 < 79$) ↔ русский язык ($25 < 79$) ↔ немецкий язык ($21 < 79$). Анализ подтверждает, что независимо от внешнего языкового различия, на глубинном (содержательном) уровне реальность транслируется в языковых формах сходным образом. Это утверждение доказательно подтверждается как исследованием структуры денотативного значения номинации, так и исследованием структуры ее внутренней формы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Языковые структуры, представляющие внеязыковой мир, частично универсальны и частично специфичны. Источником большей части межъязыковых различий служит различие в способах концептуализации / категоризации действительности, что отражается в многообразных формах языковой модели мира.

Концепт относится к сфере мышления, обозначая оперативную единицу памяти, ментального лексикона и концептуальной системы. Категория также относится к сфере мышления, однако представляет собой не единицу, а разряд, рубрику опыта, множество объектов.

Различие между концептом и категорией не является абсолютным, поскольку и то, и другое суть ментальные структуры. Различие определяется наличием / отсутствием экстенционала (экстенсионалом обладает только категория) и типом интенционала: для концепта интенционал представляет собой сумму диагностических признаков (семему), для категории интенционал представляет собой сумму всех более или менее существенных признаков объекта, включая типические признаки.

Семантическое поле представляет собой метаязыковую парадигму, то есть систему взаимосвязанных и взаимозависимых содержательных единиц – семем, отношения между которыми вскрываются через анализ характеризующих их противопоставлений.

Вышеозначенное можно в полной мере отнести к эвристивной лексике. Семантическое поле «алкогольное опьянение» является метаязыковым ментальным пространством, объединяющим целый ряд взаимосвязанных смыслов, определяемых ключевым словом (словом-идентификатором) типа «пьяный», или «пьянство», или «опьянение», или «пьянеть» и т.д.

Семемы алкогольного опьянения структурируются из сем, таких как «состояние», «процесс», «лицо», «явление» и «признак», каждый из которых интегрирует соответствующее субполе, например субполе «свойство субъекта опьянения», или «процесс опьянения», или «состояние опьянения», или «субъект опьянения», или «опьянение как явление».

Таксономическая глубина эбриетивного семантического поля варьируется от 1 до 3 сем. Таким образом, максимально возможная семная комбинация, вместе с интегральной семой, не превышает 5 компонентов. В языках сравнения наибольшее число сем актуализируется в субполях «процесс опьянения» (процессуальные смыслы) и «субъект опьянения» (субстантивные смыслы). При этом семы «степень аддикции», «степень «опьянения», «реакции» встречаются во всех трёх частеречных субполях, в то время как семы «сопутствующие обстоятельства» и «особый способ употребления спиртного» встречается только в составе процессуальных и субстантивных смыслов.

Из эталонного списка семем (54) в языках сравнения реализуется только их часть: 37 семем русском языке, 27 семем в английском языке, 31 семема в немецком языке. Таким образом, русский язык стоит ближе к эталону, чем немецкий и английский языки. Из 54 эталонных комбинаций интегральных и дифференциальных сем языки реализуют 14 универсальных комбинаций, 15 фреквентальных комбинаций, 25 уникальных комбинаций. Межъязыковое сходство обеспечивается суммой универсалий и фреквенталий (53%) в отличие от числа уникалий (47%).

Типические признаки соответствующей категории, указывающие на прототипический смысл, дополняют диагностические семы. В качестве типического признака может выступать «степень алкогольного опьянения», «резистентность лица к чрезмерному опьянению» и т.д. При этом все типические признаки могут выступать также в качестве диагностических признаков, что говорит не только об отсутствии жестких

границ между категориями, но и о размытости границ такого ментального образования как концепт и его языковой репрезентации в виде семемы. В толковании ряда номинаций крепкий напиток выступает как типичной признак, который может указывать на семы «степень аддикции» и «степень опьянения».

Поскольку прототип избирается из объектов, известных носителю языка лучше остальных, прототипами языковой категории [алкогольное опьянение] следует считать следующие номинации: *пьяный, пить, пьяница, пьющий, выпивать* в русском языке; *drink, drunk, drinker, drunken* в английском языке; *trinken, trunken, Trinker, betrunken* в немецком языке и т.д.

Помимо интенционала и прототипа содержание номинации характеризуется значимостью, то есть эмотивно-стилевым функционированием соответствующих лексических единиц. Большинство номинаций составляют маркированные различными типами значимости лексические единицы (Р.Я. – 83%, А.Я. – 75%, Н.Я. – 61%); из них небольшую долю составляют номинации с темпоральной значимостью (Р.Я. – 4%, А.Я. – 11%, А.Я. – 3%). Во всех языках сравнения доля номинаций сниженного стиля (Р.Я. – 72%, А.Я. – 72%, Н.Я. – 49%) преобладает над долей высокого стиля (Р.Я. – 0%, А.Я. – 4%; Н.Я. – 2%). Номинации, отмеченные территориальной значимостью, в русском языке не выявлены, зато в английском языке они составляют значительную долю (33%), в отличие от незначительной доли в немецком языке (5%). Маркированные эмотивной значимостью шуточные номинации во всех языках сравнения (Р.Я. – 12%, А.Я. – 3 %, Н.Я. – 5%) преобладает над экспрессивными номинациями (Р.Я. – 4%, А.Я. – 0%, Н.Я. – 1%).

Установление специфики внутренней формы и мотивированности наименований эбrietивной лексики требует проведения деривационного анализа. Основными средствами деривации в языках сравнения являются:

аффиксация (Р.Я. – 100%, А.Я. – 83%, Н.Я. – 47%), словосложение (А.Я. – 4%, Н.Я. – 32%) и конверсия (А.Я. – 13%).

Количественный анализ показывает преобладание семантически-мотивированных номинаций в английском языке (63%) по сравнению с русским (38%) и немецким (28%) языками. Соответственно, наблюдается преобладание структурно-мотивированных номинаций в немецком (72%) и русском (62%) по сравнению с английским языком (37%).

Количественное соотношение полной и частичной мотивированности в языках сравнения показывает преобладание полностью мотивированных номинаций главным образом в немецком языке (100%), в меньшей степени в русском языке (92%), и, наконец, в английском языке (86%). Соответственно, наблюдается преобладание частично мотивированных номинаций в английском (14%) и русском (8%) по сравнению с английским языком (0%).

Количественное соотношение прямо и косвенно мотивированных номинаций в языках сравнения показывает абсолютное превосходство английского языка (100%) в отношении косвенной мотивированности, далее идёт русский язык (98%), и на последнем месте немецкий язык (56%). Соответственно, наблюдается преобладание прямо мотивированных номинаций в немецком языке (44%) по сравнению с русским (2%) и английским (0%) языками.

В русском и немецком языке преобладает тип с полной структурой внутренней формы (идентификатор + модификатор) (Р.Я. – 46%, Н.Я. – 53%); это несколько выше доли номинаций, внутренняя форма которых реализуется только модификатором (36% и 20%). В английском языке преобладает тип внутренней формы, представленный лишь модификатором (46%), что несколько выше доли номинаций, внутренняя форма которых реализует комбинацию обоих мотивирующих признаков (33%).

Количественное сравнение мотивированных номинаций в языках сравнения показывает преобладание номинаций с неполной структурой внутренней формы, представленной модификатором. Семантическое поле «алкогольное опьянение» включает 91 эталонная модель внутренней формы; из которых в языках реализуется только часть: 35 моделей в русском языке, 41 модель в английском языке, 21 в немецком языке модели. Таким образом, по степени близости к эталону языки сравнения можно расположить следующим образом: английский ↔ русский ↔ немецкий.

По степени проявления семантического переноса языки сравнения можно расположить следующим образом: английский язык (33 < 79) ↔ русский язык (25 < 79) ↔ немецкий язык (21 < 79). Установленные модели переноса обнаруживают высокую степень сходства между языками сравнения несмотря на различия в специфике проявления внутренней формы. Отсюда следует, что независимо от внешних межъязыковых различий на глубинном (содержательном) уровне реальность передается в языковых формах сходным образом. Это утверждение доказательно подтверждается как исследованием структуры денотативного значения номинации, так и исследованием структуры ее внутренней формы. Таким образом, гипотеза подтвердилась в ходе исследования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдрахманова, Р. Дж. Лингвистическая типология : учебное пособие / Р. Дж. Абдрахманова — Бишкек : КРСУ, 2014 — 108 с.
2. Абдурахманова, Н. Г. Гипотеза "Лингвистической относительности" / Н. Г. Абдурахманова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2015. — № 9-2. — С. 8-11.
3. Абишева, К. М. Категоризация и ее основные принципы / К. М. Абишева // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2013. — № 2 (035). — С. 21-30.
4. Антонова, А. Б. Репрезентация концепта DRINKING в современном английском языке : автореф. дис.... канд. филол. : 10.02.04 / Антонова Алла Борисовна — Иркутск, 2012. — 19 с.
5. Александров, О. А. Универсальные концепты в когнитивной системе человека / О. А. Александров, О. А. Андреева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2010. — № 3(7). — С. 26-29.
6. Алпатов, В. М. История лингвистических учений: Учеб. пособие. — 4-е изд., исп. и доп. — М. : Языки славянской культуры, 2005. — 368 с.
7. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. — 1995. — № 1. — С. 37-67.
8. Апресян, Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии (том 1. Парадигмика) / Ю. Д. Апресян. — М. : Языки славянских культур, 2009. — 586 с.
9. Аракин, В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков / В. Д. Аракин — 4-е изд. — М. : ФИЗМАТЛИТ, 2010 — 232 с.

10. Бабушкин, А. П. Когнитивная лингвистика и семасиология: монография / А. П. Бабушкин, И. А. Стернин — Воронеж : Ритм, 2018 — 229 с.
11. Баженова, Е. А. Номинативное поле концепта «школа» / Е. А. Баженова, В. И. Шенкман // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2013. — № 4(24). — С. 91-97.
12. Базел, Ч. А. Лингвистическая типология / Ч. А. Базел // Принципы типологического анализа языков разного строя. — М. : Проект, 1972. — С. 15-30.
13. Баранов, А. Н. Скрытое (имплицитное) утверждение в лингвистической экспертизе текста / А. Н. Баранов // Юрислингвистика. — 2011. — № 1(11). — С. 314-326.
14. Барляева, Е. А. В поисках семантических универсалий / Е. А. Барляева // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. — 2015. — Т. 1, № 2. — С. 112-118.
15. Беляев, А. Н. Формирование и развитие топонимической системы немецкого языка : дис. ... д-ра фил. наук : 10.02.04 / Беляев Андрей Николаевич. — Уфа, 2016. — 426 с.
16. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Бенвенист Э. — 4-е изд. — М. : URSS, 2010 — 448 с.
17. Бердникова, Д. В. Языковая картина мира как часть концептуальной картины мира / Д. В. Бердникова // Актуальные проблемы преподавания иностранных языков в неязыковых вузах (материалы Межфакультетской научно-методической конференции). — СПб : НИУ ВШЭ, 2010. — С. 271-278.
18. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций для студентов высших учебных

заведений / Н. Н. Болдырев. — Тамбов : ТГУ имени Г.Р. Державина, 2014. — 236 с.

19. Бородай, С. Ю. Современное понимание проблемы лингвистической относительности: работы по пространственной концептуализации / С. Ю. Бородай // Вопросы языкознания. — 2013. — № 4. — С. 17-54.

20. Бутакова, Л. О. Ассоциативно-семантический словарь как основа для моделирования ценностных фрагментов языкового сознания носителей языка / Л. О. Бутакова, Е. Н. Гуц // Вопросы психолингвистики. — 2013. — № 18. — С. 158-173.

21. Ван, Ц. Комплементация и слияние когнитивной лингвистики и лингвистической типологии / Ц. Ван // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2018. — № 2(125). — С. 112-116.

22. Варуха, И. В. Предикаты страха в английском, русском и французском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Варуха Ирина Викторовна. — Уфа, 2012. — 21 с.

23. Васильев, Л. М. Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики: сборник избранных статей / Л. М. Васильев — Уфа : РИО БашГУ, 2006 — 524 с.

24. Васильев, Л. М. Современная лингвистическая семантика / Л. М. Васильев — изд. стереотип. — М. : URSS, 2015 — 192 с.

25. Виноградов, В. А. Типология лингвистическая / В. А. Виноградов // Лингвистический энциклопедический словарь. — М. : Советская энциклопедия, 1990. — С. 512-514.

26. Виноградов, В. В. История слов / В. В. Виноградов — М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1999 — 1142 с.

27. Власова, Е. А. Соотношение понятий «язык», «культура» и «картина мира» / Е. А. Власова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2012. — № 7-1(18). — С. 61-65.
28. Волконская, М. А. «Ормулум» и «Первый грамматический трактат»: об особенностях «островных» реформ орфографии в Англии и Исландии / М. А. Волконская // Атлантика: Записки по исторической поэтике. — 2015. — № 12. — С. 77-98.
29. Волошина, О. А. «Митридат» Аделунга и теория происхождения языка / О. А. Волошина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2014. — № 3-1. — С. 320-326.
30. Гак, В. Г. Сопоставительная лексикология: на материале французского и русского языков / В. Г. Гак — Изд. стереотип. — М. : URSS, 2018 — 264 с.
31. Германова, Н. Н. На подступах к типологической классификации языков: Г. Жирар, Н. Бозе, А. Смит / Н. Н. Германова // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. — 2020. — № 4(833). — С. 9-20.
32. Глушкова, Т. С. Винопитие как фрагмент русской языковой картины мира : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Глушкова Татьяна Сергеевна. — Омск, 2009. — 22 с.
33. Гончарова, А. А. Вклад Данте Алигьери в формирование современной лингвистической философии / А. А. Гончарова // Вестник ЧГУ. — 2016. — № 1(70). — С. 40-42.
34. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт — 2-е изд. — М. : Прогресс, 2000 — 400 с.
35. Данчевская, О. Е. Исследование цветовых архетипов: на материале русского и португальского языков / О. Е. Данчевская // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики: Сборник научных трудов (16). — М. : Национальный книжный центр, 2018. — С. 31-36.

36. Демьяненко, М. А. Концепция языка Франца Николауса Финка (1867-1910) / М. А. Демьяненко // Вестник СамГУ. — 2006. — № 5-2(45). — С. 191-197.
37. Денисенко, В. Н. Синтагматика и парадигматика семантического поля / В. Н. Денисенко // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2011. — № 2. — С. 18-24.
38. Долгова, Е. Ю. Лексика и фразеология, связанная со сферой употребления спиртных напитков, в русском языке : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Долгова Елена Юрьевна. — Самара, 2009. — 179 с.
39. Евтушевская, А. Е. Фиксация базовых цветоименований и их лексикографическое описание в словарях различных типов / А. Е. Евтушевская // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2015. — № 7. — С. 64-70.
40. Жеребило, Т. В. История языкознания: словарь-справочник / Т. В. Жеребило — 2-е изд исп. и доп. — Назрань: ООО «Пилигрим», 2010 — 486 с.
41. Зеленецкий, А. Л. Контрастивная лингвистика и типология / А. Л. Зеленецкий // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2010. — № 1. — С. 27-31.
42. Каспрук, Д. И. Антропологические аспекты сопоставительного исследования лексики на примере семантического поля «fitness»: дисс. ... кан. филол. наук : 10.02.20 / Каспрук Дарья Ильинична. — Москва, 2018. — 213 с.
43. Кацнельсон, С. Д. Общее и типологическое языкознание / С. Д. Кацнельсон — 2-е изд., доп. — М. : Либроком, 2009 — 343 с.
44. Книга, А. В. Денотативная общность и национальная специфика семантики слова : на материале наименований явлений

природы в русском и английском языках : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Книга Анна Владимировна. — Воронеж, 2015. — 195 с.

45. Конопелько, И. П. Сопоставительный анализ в исследовании и преподавании языка (из опыта Воронежской школы сопоставительных исследований): монография / И. П. Конопелько — Воронеж : РИТМ, 2019 — 226 с.

46. Копач, О. И. Общее языкознание: учебно-методический комплекс для специальности 1-21 06 01-01 «Современные иностранные языки (преподавание)» / О. И. Копач — Минск: БГУ, 2017 — 239 с.

47. Костина И. А. Глаголы физического восприятия в русском и английском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Костина Ирина Александровна. —Уфа, 2017. — 21 с.

48. Костина, И. А. Значение и значимость слова / И. А. Костина // Современные проблемы науки и образования в техническом вузе: Материалы II Международной научно-практической конференции, Стерлитамак, 25-27 июня 2015 года. Том 2. — Стерлитамак: ГОУ ВПО УГАТУ, 2015. — С. 86-88.

49. Косых, Е. А. Русская ономазиология [Электронный ресурс]: учебное пособие. / Е.А. Косых — Барнаул: АлтГПУ, 2016. — 1 электрон. опт. диск (CD-ROM): цв., зв. (дата обращения: 25.02.2022).

50. Кретов, А. А. Теоретические проблемы лексико-семантической типологии (на примере кавказских языков) / А. А. Кретов, А. Д. Черечеча // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2020. — № 1. — С. 6-15.

51. Куслий, П. С. Язык как динамическая система: наследие Вильгельма фон Гумбольдта и современное языкознание / П. С. Куслий, Е. В. Вострикова // Эпистемология и философия науки. — 2020. — Т. 57, № 1. — С. 110-130.

52. Кузнецов, А. М. Проблемы компонентной семасиологии (от компонентного анализа к компонентному синтезу) : автореф. дисс. ... доктора филол. наук: 10.02.19 / Кузнецов Анатолий Михайлович. — 1992. — 86 с.
53. Кузнецова, Л. Э. Сравнительная типология английского и русского языков: учебно-методическое пособие / Л. Э. Кузнецова — Армавир : АГПУ, 2021 — 219 с.
54. Кюсева, М. В. Физические свойства в русском жестовом языке в типологическом освещении : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Кюсева Мария Викторовна. — Москва, 2019. — 222 с.
55. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон — Изд. стереотип. — М. : URSS, 2023 — 223 с.
56. Ланге-Соболева, Т. А. Проблема раскрытия термина «концептуализация» в современной лингвистике / Т. А. Ланге-Соболева // Наука и образование сегодня — 2021. — № 6(65). — С. 27-32.
57. Лисенкова, И. М. Современный русский язык. Лексическая семантика. Синтагматика лексических единиц : монография / И. М. Лисенкова — М. : Ruscience, 2015 — 136 с.
58. Лукина, Л. В. Изучение лексических межъязыковых соответствий на материале русского и английского языков / Л. В. Лукина // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. — 2015. — № 4(18). — С. 42-47.
59. Ломтев, Т. П. Принципы выделения дифференциальных семантических элементов / Т.П. Ломтев // Общее языкознание: Хрестоматия. Минск : Вышэйшая школа, 1976. — С. 398–414.
60. Маклакова, Е. А. Семная семасиология: история становления / Е. А. Маклакова // Евразийский союз ученых. — 2014. — № 7-7(7). — С. 59-61.

61. Маклакова, Е. А. Теоретические проблемы семной семасиологии: монография / Е. А. Маклакова, И. А. Стернин — Воронеж : Истоки, 2013. — 272 с.
62. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие / В.А. Маслова. — 7-е изд., стер. — М. : ФЛИНТА, 2016. — 296 с.
63. Массальская, Ю. В. Семантическое поле "человек" в немецкой паремиологии (на материале немецких пословиц) / Ю. В. Массальская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 9-3(63). — С. 121-123.
64. Мечковская, Н. Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков: учебное пособие для студентов филологических и лингвистических специальностей / Н. Б. Мечковская. — 10-е изд., стер. — М. : ФЛИНТА, 2020. — 312 с.
65. Милашевская, И. В. Концептуальная метафора ГОЛОВА - ВМЕСТИЛИЩЕ: объективация в русском языке : автореф. дис. ... кан. филол. наук : 10.02.01 / Милашевская Ирина Владимировна. — Нижний Новгород, 2017. — 21 с.
66. Митричева, Т. И. Семнокомпонентный анализ лексико-семантической группы "соусы" во французском языке / Т. И. Митричева // Известия РПГУ им. А.И. Герцена. — 2008. — № 85. — С. 221-226.
67. Морозкина, Е. А. Концепция Э. Сепира о соотношении языка и культуры / Е. А. Морозкина, Ш. Чжу // Языки в диалоге культур: проблемы многоязычия в полиэтническом пространстве: материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Уфа, 05 мая 2022 года. — Уфа: БашГУ, 2022. — С. 121-124.
68. Мурясов, Р. З. Актуальные проблемы грамматической типологии / Р. З. Мурясов // Вестник Башкирского университета. — 2009. — Т. 14, № 3-1. — С. 1161-1166.

69. Мурысов, Р. З. Деривационно-семантические категории производных от топонимов / Р. З. Мурысов // Вестник Башкирского университета. — 2015. — Т. 20. — № 4. — С. 1255-1260.

70. Мурысов, Р. З. Словообразование и функционально-семантические категории / Р. З. Мурысов. — Уфа : Издательство БашГУ, 1993 — 225 с.

71. Наний, Л. О. Прилагательные простейших форм и размеров китайского и русского языков в типологическом аспекте : автореф. дисс. канд. филол. наук : 10.02.20 / Наний Людмила Олеговна. — Москва, 2016. — 22 с.

72. Павлова, А. В. Предикаты болезненного состояния в английском и русском языках : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Павлова Анна Владимировна. — Уфа, 2009. — 22 с.

73. Песина, С. А. Языковая картина мира и обыденное мышление / С. А. Песина, А. В. Юрченко // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2014. — № 4(46). — С. 311-315.

74. Письменная, Ю. А. Современные тенденции в развитии лексико-семантической типологии / Ю. А. Письменная // Актуальные проблемы филологии и переводоведения. 2016. — 10. — С. 272-276.

75. Покровский, М. М. Семасиологические исследования в области древних языков. Серия «Школа классической филологии» / М. М. Покровский — 2-е изд. — Москва: URSS, 2006 — 136 с.

76. Попова, З. Д. Лексическая система языка: монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин — 2-е изд., испр. и доп. — М.: URSS, 2009 — 172 с.

77. Попова, Н. Б. Характерологический подход в типологических исследованиях лингвистики XX века / Н. Б. Попова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. — 2016. — Т.2, № 1. — С. 42-50.

78. Потапова, О. Е. Вербальная репрезентация концепта. Лексико-семантическое поле как фрагмент языковой картины мира (на материале ЛСП «море»): монография / О.Е. Потапова. — Чебоксары : ИД «Среда», 2020. — 164 с.

79. Потebня, А. А. Мысль и язык. Избранные работы / А. А. Потebня. — М. : Юрайт, 2022. — 238 с.

80. Резинкин, А. Ю. Метонимия с когнитивной точки зрения / А. Ю. Резинкин // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал : материалы I международной научной конференции, Барнаул, 05–07 октября 2011 года / Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов», Алтайское региональное отделение; Алтайская государственная педагогическая академия, Лингвистический институт. — Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2012. — С. 294-296.

81. Рогалёв, А. Ф. Теория языкознания и философия языка: монография / А. Ф. Рогалёв — Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2012 — 312 с.

82. Рыжова, Д. А. Типология лексики. Компьютерные методы и инструменты / Д. А. Рыжова. — СПб : Алетейя, 2020. — 202 с.

83. Сагитдинова, Т. К. Понятие картины мира в контексте различных наук / Т. К. Сагитдинова // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. — 2017. — № 4(17). — С. 36-38

84. Сафина, Э. Ф. Семантика эмотивов печали в английском, немецком и русском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Сафина Элина Фаилевна. — Уфа, 2012. — 21 с.

85. Селиванова, Е. А. Концептуальный анализ: проблема модели / Е. А. Селиванова // Новое в славянской филологии — 2009. — №1 — С. 103-110.
86. Серебренников, Б. А. Номинация и проблема выбора / Б. А. Серебренников // Языковая номинация: Общие вопросы. — М., 1977. — С. 147-187.
87. Сидельников, В. П. Некоторые особенности метаязыка современной лингвистики / В. П. Сидельников, Е. А. Марченко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. — 2014. — № 27. — С. 25-29.
88. Сидешова, З. Р. Репрезентация лексико-семантического поля «Степь» в казахских, русских и английских языковых картинах мира : на материале переводов художественной литературы : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Сидешова Зарина Галиевна — Уфа, 2021. — 24 с.
89. Сидорова, Т. А. Типология мотивированности слова в когнитивном аспекте / Т. А. Сидорова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2016. — № 4(24). — С. 65-72.
90. Сильян, М. С. Прокл о характеристиках предметов именованя в "Комментарии на "Кратил" (In Crat. XXXVII-XLI) / М. С. Сильян // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. — 2014. — Т. 2, № 1. — С. 8-17.
91. Слива, Т. В. Ассоциативно-семантическая группа: к вопросу о дефиниции парадигмы / Т. В. Слива // Вестник СамГУ. История, педагогика, филология. — 2016. — № 3 (2). — С. 101-106.
92. Соколова, К. А. Структурно-семантические особенности фразеологизмов с цветовым компонентом в западно-романских языках (на материале испанского, французского и итальянского языков) : автореф. канд. ... филол. наук : 10.02.05 / Соколова Ксения Андреевна. — СПб, 2016. — 24 с.

93. Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр; переводчик А. М. Сухотин; под редакцией Р. О. Шор. — М. : Юрайт, 2019. — 303 с.
94. Стернин, И. А. Лексическое значение слова в речи: монография / И. А. Стернин — изд. 2-е., стер. — М.-Берлин : Директ-Медиа, 2015. — 239 с.
95. Стернин, И. А. Ложные значения в языковом сознании: реальность или фикция? / И. А. Стернин // Вопросы психолингвистики. — 2021. — № 1. — С. 98-109.
96. Тиллоева, С. М. Семантический анализ лексики в системе разноструктурных языков : на материале семантического поля «Человек» : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Тиллоева Саодат Махмадкуловна. — Екатеринбург, 2017. — 57 с.
97. Уразаев, М. Д. Исследования лексики употребления спиртного в лингвистике / М. Д. Уразаев // Libri Magistri. — 2023. — № 2(24). — С. 41-49.
98. Уразаев, М. Д. Компонентный анализ лексики, обозначающей алкогольное опьянение в немецком языке / М. Д. Уразаев // Современный ученый. — 2022. — № 1. — С. 105-109.
99. Уразаев, М. Д. Обзор основных методов лексической типологии / М. Д. Уразаев // Современные лингвистические парадигмы: традиции и новации : Труды межвузовского лингвистического семинара молодых ученых / Отв. редактор О.П. Касымова. — Уфа: БашГУ, 2020. — С. 288-295.
100. Уразаев, М. Д. Обзор методов синтагматического анализа лексических единиц / М. Д. Уразаев // Коррекционно-педагогическое образование: электронный журнал. — 2021. — № 1-2(25). — С. 51-56.

101. Уразаев, М. Д. Структура семантического поля "алкогольное опьянение" на материале английского языка / М. Д. Уразаев // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. — 2021. — № 8. — С. 191-196.

102. Уразаев, М. Д. Сравнительный анализ фразеологических единиц, характеризующих "алкогольное опьянение", в английском и русском языках / М. Д. Уразаев // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. — 2022. — № 4. — С. 157-161.

103. Уразаев, М. Д. Метафорический перенос адъективных моделей лексики алкогольного опьянения (на материале английского и русского языков) / М. Д. Уразаев // Успехи гуманитарных наук. — 2022. — № 7. — С. 155-158.

104. Успенский, Б. А. Языковые универсалии и актуальные проблемы типологического описания языка / Б.А. Успенский // Языковые универсалии и лингвистическая типология. — М. : Наука, 1969. — С. 22-24.

105. Филлмор, Ч. Дж. Об организации семантической информации в словаре / Ч. Дж. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. — 1983. — №14. — С. 23-66.

106. Хашимов, Р. И. Семантическое поле слов и его элементы / Р. И. Хашимов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 4-2(46). — С. 209-213.

107. Хоменко, А. Ю. Интеграция оттекстового и отсистемного подходов при рассмотрении структуры концепта / А. Ю. Хоменко // Когнитивные исследования языка. — 2013. — № 14. — С. 596-600.

108. Цепунова, О. А. Предикаты умственного состояния в английском и французском языках : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Цепунова Ольга Алексеевна; Башкир. — Уфа, 2007. — 227 с.

109. Чирич И. В. Лексика застолья в русской языковой картине мира : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Чирич Ирина Викторовна — М., 2004. — 17 с.
110. Шафиков, И. С. Предикаты смерти в английском, немецком и французском языках : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.20, 10.02.04 / Шафиков Искандер Сагитович. — Уфа, 2007. — 23 с.
111. Шафиков, С. Г. Изучение языковых универсалий с помощью метода семантического поля / С. Г. Шафиков // Педагогический журнал Башкортостана. — 2017. — № 5(72). — С. 148-154.
112. Шафиков, С. Г. Категории и концепты в лингвистике / С. Г. Шафиков // Вопросы языкознания. — 2007. — № 2. — С. 3-17.
113. Шафиков, С. Г. Лингвистическая типология в комментариях и извлечениях: учебное пособие / С. Г. Шафиков. — 2-е изд., стер. — М. : ФЛИНТА, 2018. — 150 с.
114. Шафиков, С. Г. Птица, женщина и любовь в свете категоризации / С. Г. Шафиков // Вестник Башкирского университета. — 2017. — Т. 22. — № 3. — С. 761-766.
115. Шафиков, С. Г. Сравнительная типология иностранных языков: Монография / С.Г. Шафиков. — Уфа : РИЦ БашГУ, 2014. — 251 с.
116. Шафиков, С. Г. Типология лексических систем и лексико-семантических универсалий: монография / С. Г. Шафиков. — 2-е изд., стер. — М. : ФЛИНТА, 2018. — 191 с.
117. Шафиков, С. Г. Типология языков, метаязык лингвистической типологии и языковые универсалии / С. Г. Шафиков // Доклады Башкирского университета. — 2020. — Т. 5. — № 6. — С. 439-443.
118. Шафиков, С. Г. Теория семантического поля и компонентной семантики его единиц / С. Г. Шафиков — Уфа : Изд-е Башкирского унт-та. — 1999 — 92 с.

119. Шафиков, С. Г. Универсалии языка и типология деривационных структур в языках сравнения / С. Г. Шафиков // Вестник Башкирского университета. — 2019. — Т. 24. — № 2. — С. 460-469.
120. Шафиков, С. Г. Универсалии языка, семантические универсалии в лексике и универсалии семантического поля / С. Г. Шафиков // Доклады Башкирского университета. — 2016. — Т. 1. — № 1. — С. 81-89.
121. Юсупов, Р. А. Особенности лексико-семантической системы разноструктурных языков / Р. А. Юсупов, Д. Н. Нуреева // Филология и культура. — 2014. — № 1(35). — С. 132-137.
122. Ярцева, В. Н. К определению понятия «языковой тип» / В. Н. Ярцева // Лингвистическая типология / Отв. ред. В. М. Солнцев, И. Ф. Вардуль. — М. : Наука, 1985. — С. 6-12.
123. Ячин, С. Е. Союзы как языковые универсалии / С. Е. Ячин, И. Н. Кохан // Манускрипт. — 2019. — Т. 12, № 2. — С. 66-70.
124. Aikhenvald, A. Yu. The Cambridge Handbook of Linguistic Typology / A. Yu. Aikhenvald, R. M. W. Dixon — Cambridge : Cambridge University Press, 2017 — 1026 p.
125. Allard-Kropp, M. Languages and Worldview / M. Allard-Kropp — St. Louis : University of Missouri, 2020 — 76 p.
126. Babali, A. G. Functional and semantic field of aspectuality in different-systemic languages / A.G. Babali // Amazonia Investiga. — 2022. — № 53 — pp. 166-175.
127. Biachi, F. Culture, corpora and semantics: methodological issues in using elicited and corpus data for cultural comparison / F. Biachi — Lecce : Università del Salento — Coordinamento SIBA, 2012 — 209 p.
128. Bignozzi, C. The Sapir-Whorf's Hypothesis: a comparison on colour definition and colour perception in English and Russian speakers / C.

Bignozzi [Electronic resource] // Research gate : [website]. — URL: <http://dx.doi.org/10.13140/RG.2.2.14794.49602> (accessed:: 02.03.2023).

129. Cavanagh, R. F. Natural Semantic Metalanguage as an approach to measuring meaning / R. F. Cavanagh, Y. Asano-Cavanagh, W. P. Fisher Jr. // *Journal of Physics: Conference Series*. — 2019. — №1379 — pp. 1-6.

130. Christie, S. Language and cognition in development / S. Christie, D. Gentner // *The Cambridge Handbook of Psycholinguistics*. — Cambridge : Cambridge University Press, 2012. — pp. 653-673.

131. Chunyi, L. A comparative study of idioms on drunkenness in Chinese and Spanish / L. Chunyi, A. Pamies // *Yearbook of Phraseology*. — 2019. — № 10 (1). — pp. 89-112

132. Corballis, M. C. *The Recursive Mind: The Origins of Human Language, Thought, and Civilization* / M. C. Corballis. — Princeton : Princeton University Press, 2011. — 312 p.

133. Daniel, M. *Linguistic Typology and the Study of Language* / M. Daniel // *The Oxford Handbook of Linguistic Typology*. — Oxford : Oxford University Press, 2010. — pp. 50-66.

134. Fine, A. B. Language comprehension is sensitive to changes in the reliability of lexical cues / A. B. Fine, T. F. Jaeger // *Proceedings of the Annual Meeting of the Cognitive Science Society*. — 2011. — № 33. — pp. 925-930.

135. Gabelentz, G. *Die Sprachwissenschaft: Ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse* / G. Gabelentz — Berlin : Language Science Press, 2016 — 601 p.

136. Gambarova, A. G. Origins and causes of the cognitive linguistics / A.G. Gambarova // *Journal of Language and Linguistic Studies*. — 2021. — № 17(Special Issue 2). — pp. 1410-1422.

137. Gao, C. The Application of Semantic Field Theory to English Vocabulary Learning / C. Gao, B. Xu // *Theory and Practice in Language Studies*. — 2013. — № 3. — pp. 2030-2035.
138. Gast, V. The areal factor in lexical typology: some evidence from lexical databases / V. Gast, M. Koptjevskaja-Tamm // *Aspects of linguistic variation*. — Berlin : De Gruyter, 2018. — pp. 43-81.
139. Gasser, M. *How Language Works* / M. Gasser — 3rd edition — Bloomington : Indiana University, 2011 — 244 p.
140. Geeraerts, D. *Theories of Lexical Semantics* / D. Geeraerts — New York : Oxford University Press, 2010 — 362 p.
141. Gelman, S. A. How language shapes the cultural inheritance of categories / S. A. Gelman, S.O. Roberts // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. — 2017. — № 114 (30). — pp. 7900-7907.
142. Georgakopoulos, T. A two-dimensional analysis of falling in Modern Greek: a typological and corpus-based approach / T. Georgakopoulos // *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*. — 2020. — № 16. — pp. 188-224.
143. Ghsoon, R. Ferdinand De Saussure in the Era of Cognitive Linguistics / R. Ghsoon // *Language and Semiotic Studies*. — 2016. — № 2 (2). — pp. 89-100.
144. Gladkova, A. Anna Wierzbicka, Words and the World / A. Gladkova, T. Larina // *Russian Journal of Linguistics*. — 2018. — Vol. 22. — № 3. — pp. 499-520.
145. Goddard, C. Semantic fieldwork and lexical universals / C. Goddard, A. M. Wierzbicka // *Studies in Language*. — 2014. — № 38. — pp. 80-127.

146. Graffi, G. The Pioneers of Linguistic Typology: From Gabelentz to Greenberg / G. Graffi // *The Oxford Handbook of Linguistic Typology*. — Oxford : Oxford University Press, 2010. — pp. 25-42.
147. Hanks, P. *Lexical Analysis: Norms and Exploitations* / P. Hanks — Cambridge : MIT Press, 2013 — 462 p.
148. Hespos, S. J. Language: Life without numbers / S. J. Hespos // *Current Biology*. — 2004. — № 14 (21). — pp. 927-928.
149. Hussein, B. A. *The Sapir-Whorf Hypothesis Today* / B. A. Hussein // *Theory and Practice in Language Studies*. — 2012. — № 2 (3). — pp. 642-646.
150. Ibrahimov, R. System-Forming unit of a language-Lexico-Semantic Field (On the Basis of the Azerbaijani Language) / R. Ibrahimov // *International Journal of Science and Research (IJSR)*. — 2018. — № 7 (2). — pp. 317-319.
151. Incurvati, L. Update rules and semantic universals / L. Incurvati, G. Sbardolin // *Linguistics and Philosophy*. — 2022. — № 4. — pp. 1-31.
152. Janusheva, V. Conceptual formulation of neologisms in various dictionaries and primary school Macedonian language course textbooks / V. Janusheva, J. Jurukovska // *Journal of language and linguistic studies*. — 2015. — № 11. — pp. 99-116.
153. Jackson, J. C. Emotion semantics show both cultural variation and universal structure / J. C. Jackson, J. Watts, T. R. Henry, J. M. List, R. Forkel, P. J. Mucha, S. J. Greenhill, R. D. Gray, K. A. Lindquist // *Science*. — 2019. — №366. — pp. 1517-1522.
154. Johnson, L. M. *Landscape Ethnoecology: Concepts of Biotic and Physical Space* / L. M. Johnson, E. S. Hunn — NED-New edition. — New York : Berghahn Books, 2010 — 332 p.

155. Kihlstrom, J. F. *Cognitive Psychology: Overview* / J. F. Kihlstrom, L. Park // *Reference Module in Neuroscience and Biobehavioral Psychology*. — Amsterdam: Elsevier, 2018. — pp. 1-14.
156. Kiseleva, S. V. *The Problems of Conceptualization and Categorization in English Terminology* / S. V. Kiseleva, M. Yu. Mironova, N. A. Trofimova // *Discourse*. — 2020. — № 6 (2). — pp. 115-124.
157. Koptjevskaja-Tamm, M. *The semantics of lexical typology* / M. Koptjevskaja-Tamm, E. Rakhilina, M. Vanhove // *The Routledge Handbook of Semantics* / N. Riemer (Ed.). — 2016. — pp. 434-454.
158. Körtvélyessy, L. *Essentials of Language Typology* / L. Körtvélyessy — Košice : Univerzita Pavla Jozefa Šafárika v Košiciach, 2017 — 157 p.
159. Lakoff, G. *The neural theory of metaphor* / G. Lakoff // *The Cambridge handbook of metaphor and thought*. — Cambridge : Cambridge University Press, 2008. — pp. 17-38.
160. Maciejewski, G. *The cost of learning new meanings for familiar words* / G. Maciejewski, J.M. Rodd, M. Mon-Williams, E. Klepousniotou // *Language, Cognition and Neuroscience*. — 2020. — № 35 (2). — pp. 188-210.
161. Majeed, S. H. *A Cognitive Analysis of Metaphor and Metonymy in Selected Passages from Oscar Wilde's Short Stories* / S.H. Majeed, L.A. Dabbagh // *International Conference on English Language and Culture*. — Koy Sanjaq : Koya University, 2019. — pp. 27-33.
162. Matthewson, L. *Semantics in Indigenous American Languages: 1917-2017 and Beyond* / L. Matthewson // *International Journal of American Linguistics*. — 2017. — № 83 (1). — pp. 141-172.
163. McElvenny, J. *Gabelentz and the Science of Language* / J. McElvenny — Amsterdam: Amsterdam University Press, 2019 — 316 p.

164. Monakhov, S. English and Russian Genitive Alternations: A Study in Construction Typology / S. Monakhov // *Russian Journal of Linguistics*. — 2020. — №1 (24). — pp. 96-116.
165. Moravcsik, E. A. Explaining Language Universals / E. A. Moravcsik // *The Oxford Handbook of Linguistic Typology*. — Oxford : Oxford University Press, 2010. — pp. 66-83.
166. Morton, A. Contrastivity and Indistinguishability / A. Morton, A. Karjalainen // *Social Epistemology*. — 2008. — №3 (22). — pp. 271–280.
167. Pamies, A. Idioms on drunkenness and drunkenness on idioms (Spanish, English, French) / A. Pamies, B. Cortina // *Phraseologie disziplinär und interdisziplinär*. — Tübingen : G. Narr, 2010. — pp. 223-236.
168. Panther, K. Motivation in Language / K. Panther // *Cognition and Motivation: Forging an Interdisciplinary Perspective*. — New York : Cambridge University Press, 2013. — pp. 407-432.
169. Paperno, D. Automatic construction of lexical typological questionnaires / D. Paperno, D. Ryzhova // *Language Documentation & Conservation Special Publication*. — 2019. — № 16. — pp. 45-61.
170. Paradis, C. Lexical Semantics / C. Paradis // *the Encyclopedia of Applied Linguistics*. — Oxford: Wiley Blackwell, 2012. — pp. 3356-3357.
171. Piantadosi, S. T. Quantitative Standards for Absolute Linguistic Universals / S.T. Piantadosi, E. Gibson // *Cognitive Science*. — 2014. — № 38. — pp. 736-756.
172. Pilling, M. Linguistic relativism and colour cognition / M. Pilling, I. Davies // *British journal of psychology*. — 2004. — № 95. — pp. 429-455.
173. Pinker, S. Language as an Adaptation to the Cognitive Niche / S. Pinker // *Studies in the Evolution of Language*. — 2003. — № 3. — pp. 16-37.

174. Pinker, S. *Language Instinct: How the Mind Creates Language* / S. Pinker — Modern classic edition. — New York : HarperCollins, 2007 — 576 p.
175. Pradeep, Ch. *Worldviews* / Ch. Pradeep // *The Encyclopedia of Cross-Cultural Psychology*. — Hoboken : Wiley-Blackwell, 2013. — pp. 1-3.
176. Rabiah, S. *Language as a Tool for Communication and Cultural Reality Discloser* / S. Rabiah [Electronic resource] // Center for Open Science: [website]. — URL: osf.io/g56vf/ (accessed: 01.03.2023).
177. Rakhilina, E. V. *Doing Lexical Typology with Frames and Semantic Maps* / E.V. Rakhilina, T.I. Reznikova // *WP BRP Series: Linguistics / LNG*. — 2014. — № 18. — pp. 1-13.
178. Ramat, P. *The (Early) History of Linguistic Typology* / P. Ramat // *The Oxford Handbook of Linguistic Typology*. — Oxford : Oxford University Press, 2010. — pp. 14-24.
179. Ratliff, K. *Is language necessary for human spatial reorientation? Reconsidering evidence from dual task paradigms.* / K. Ratliff, N. Newcombe // *Cognitive Psychology*. — 2008. — № 56 (2). — pp. 142-163.
180. Rodrigues, F. *Language/culture: two inseparable faces of a second language teaching* / F. Rodrigues, C. Ravasco // *12th International Conference on Education and New Learning Technologies*. — Online Conference: IATED, 2020. — pp. 2219-2226.
181. Schmid, H. J. *Linguistic Theories, Approaches, and Methods* / H. J. Schmid // *English and American Studies*. — Stuttgart : J.B. Metzler, 2012. — pp. 371-394.
182. Siemund, P. *Linguistic Universals and Language Variation* / P. Siemund — Berlin: Mouton de Gruyter, 2011 — 481 c.
183. Stevenson, S. *Beyond the Benchmarks: Toward Human-Like Lexical Representations* / S. Stevenson, P. Merlo // *Frontiers in Artificial Intelligence*. — 2022. — № 5. — pp. 1-10.

184. Toevski, S. Comparisons of some grammatical and lexical characteristics of the Macedonian language and other world languages through the prism of the Sapir-Whorf hypothesis / S. Toevski // *Philological Studies*. — 2018. — № 16 (2). — pp. 72-95.

185. Ungerer, F. An introduction to cognitive linguistics / F. Ungerer, H.J. Schmidt — Harlow: Longman, 1996 — 306 p.

186. Velupillai, V. An Introduction to Linguistic Typology / V. Velupillai — Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2012 — 541 p.

187. Weinreich, U. Languages in Contact: Findings and Problems / U. Weinreich — 9th edition, reprint. — Berlin : Walter de Gruyter, 2010 — 160 p.

188. Wierzbicka, A. “Semantic Primitives”, fifty years later / A. Wierzbicka // *Russian Journal of Linguistics*. — 2021. — №2 (25). — pp. 317-342

189. Wierzbicka, A. I and Thou: Universal human concepts present as words in all human languages / A. Wierzbicka // *Russian Journal of Linguistics*. — 2022. — №26 (4). — pp. 908-936.

190. Willems, K. Componential Analysis / K. Willems // *Wörterbücher Zur Sprach- Und Kommunikationswissenschaft (WSK) Online, Volume 11: Theories and Methods in Linguistics*. — Berlin : De Gruyter, 2014. — pp. 1-2.

191. Wilson, A. Developing Conceptual Glossaries for the Latin Vulgate Bible / A. Wilson // *Literary and Linguistic Computing*. — 2003. — № 17 (4). — pp. 413-426.

192. Wilson, Ch. M. L. Variation and Text Type in Old Occitan Texts / Ch. M. L. Wilson — Ohio : Ohio State University, 2012 — 234 p.

193. Yılmaz, E. Temel Dil Bilgisi Terimleri Sözlüğü / E. Yılmaz E. — Ankara : Pegem Akademi Yayıncılık, 2014 — 144 s.

194. Youne, H. On the universal structure of human lexical semantics / H. Youne, L. Suttond, E. Smith, C. Moore, J. F. Wilkins, I. Maddieson, W. Croft, T. Bhattacharya // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. — 2016. — № 113. — pp. 1766-1771.

195. Zahradeen, N. T. Componential analysis of English 'crying' terms / N.T. Zahradeen // *International Journal of Advanced Academic Research (Arts, Humanities and Education)*. — 2020. — №6 (2). — pp. 1-7.

196. Zalizniak, A. A. The Catalogue of Semantic Shifts: 20 Years Later / A. A. Zalizniak // *Russian Journal of Linguistics*. — 2018. — №22 (4). — P. 770-787.

197. Zhouravlev, A. On Some Basic Methods of Analysis of Content and Structure of Lexical-Semantic Fields / A. Zhouravlev, V. Dobrova, L. Nurtdinova // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research (ASSEHR)*. — 2018. — № 312. — pp. 476-481.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

1. Новейший большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб., М. : Норинт; Рипол классик, 2008. — 1534 с.

2. Тришин, В. Н. Словарь синонимов русского языка ASIS v8.2 Версия (обработки): 7.0 [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_synonims. (дата обращения — 28.11.2020).

3. Duden Deutsches Universalwörterbuch / W. Scholze-Stubenrecht, I. Pescheck — 8., überarbeitete und erweiterte Auflage Herausgegeben von der Dudenredaktion. — Berlin : Dudenverlag, 2015 — 2132 S.

4. Longman Dictionary of Contemporary English — 5th edition. — Harlow: Pearson Education Limited, 2009 — 2082 p.

5. OpenThesaurus: ein offenes deutsches Wortnetz [Electronic resource] — URL: <https://www.openthesaurus.de>. (Abrufdatum: 25.11.2020)
6. Word Hippo [Electronic resource] — URL: <https://www.wordhippo.com>. (accessed: 25.11.2020).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список №1 Номинации концепта «алкогольное опьянение» в русском языке

Адъективные номинации: *бухой, в стельку пьян (как стелька), веселый, готовый, мертвецки пьяный, нетрезвый, поддавый, пропитой, пропойный, пьющий, пьян как сапожник, пьяный, пьяный как зюзя, хмельной* (всего 14).

Процессуальные номинации: *без просыпу пить, бражничать, бухать, пьяный в дымину, вензеля писать, выводить вавилоны, выделявать ногами кренделя, выпивать, выпить на посошок, глушить, до положения риз, забухать, заглядывать в бутылку, залить глаза, залить тоску (горе), залить шары, заложить за галстук, запить, зашибать, квасить, керосинить, кутить, лыка не вяжет, на бровях (прийти/приползти), на ногах не стоять, набратся, надраться, надрызгаться, нажраться, назюзиться, накачаться, накеросиниться, наклюкаться, налакаться, нализаться, налимониться, напиться, напиться до зелёного змия, напиться до чёртиков, напиться допьяна, нарезатьься, наспиртоваться, натрескаться, нахлестаться, окосеть, перебрать, перепить (1), перепить (2), перепиться, пить (1), пить (2), (быть) под балдой, (быть) под газом, (быть) под градусом, (быть) под мухой, (быть) под парами, (быть) под хмелем, подвыпить, подгулять, принять на грудь, промочить горло (глотку), пропить (1), пропить (2), пропустить (рюмашку/рюмочку/стаканчик), пьянствовать, спиваться, топить горе (в вине), хватить лишнего, хмельть, шибать* (всего 70).

Субстантивные номинации: *алкаш, алкоголик, алконавт, бездонная бочка, бражник, бражничество, бухарик, винолюб, выпивала, выпивон, выпивоха, загул, запой, кутила, кутёж, не враг бутылки, опьянение, питух, подпитие, попойка, пропойца, пьяница, пьянка (1), пьянка (2), пьянство, пьянчуга, пьянчужка, пьянь, разгул, синяк, собутыльник* (всего 31).

Список №2 Номинации концепта «алкогольное опьянение» в английском языке

Адъективные номинации: *bevvied up, bibulous, bladdered, blind drunk, blotto, bombed, boozy, crocked, dead drunk, drunk, drunk as a lord, drunk as a skunk, drunken, half-cut, hammered, hard-drinking, inebriated, intemperate, juiced, legless, loaded, mashed, merry, paralytic, pickled, pie-eyed, pissed, pissed as a newt, pissed out of (one's) head, plastered, rat-arsed, roaring drunk, shit-faced, slaughtered, sloshed, smashed, sozzled, squiffy, stewed, stinking drunk, stoned, tanked up, tiddly, tight, tipsy, trashed, trolleyed, wasted, wrecked* (всего 49).

Процессуальные номинации: *to be able to hold one's drink (liquor/alcohol etc.), to cop a buzz, to be on the booze, to be in a drunken stupor, to be in one's cups, to be on the bottle, to be out of (off) one's head, to be out of it, to be out of one's box, to be the worse for drink, to be the worse for wear, to be well away, to booze, to carouse, to drink to drink like a fish, to drink oneself into a stupor, to drink oneself silly, to drink oneself to death, to drink someone under the table, to drown one's sorrows, to have a few too many, to have a skinful, to have had one too many, to have one for the road, to hit the bottle, to kill a beer (bottle of wine etc), to knock something back, to swill down, to tie one on* (всего 29)

Субстантивные номинации: *Dutch courage, binge drinking, boozier, booze-up, carousal, dipsomaniac, drinker, drunk (1), drunk (2), drunken party/orgy/brawl, drunkard, drunkenness, lush, piss artist, piss-up, sot, drinking spree, tippler, tipsiness, wino, alcoholic, old soak* (всего 22).

Список №3 Номинации концепта «алкогольное опьянение» в немецком языке

Адъективные номинации: *alkoholabhängig, alkoholsüchtig, angeduselt, angeheitert, angeschickert, angesäuselt, angetrunken, beschwipst, besoffen, betrunken, blau, breit, dun, fett, feuchtfröhlich, knallvoll, knülle, schicker, sternhagelvoll, sturzbesoffen, sturzbetrunken, trinkfest, trunken, trunksüchtig, versoffen, volltrunken* (всего 26).

Процессуальные номинации: *alkoholisieren, bechern, berauschen, beschwipsen, betrinken, bezechen, den Kanal voll haben, einen auf die Lampe gießen, eine Schlagseite haben, einen Affen (sitzen) haben, einen Zacken weghaben, einen abbeißen, einen in der Krone haben, einen zur Brust nehmen, einen über den Durst trinken, etwas durch die Gurgel jagen, immer eine trockene Kehle haben, kübeln, picheln, saufen (1), saufen (2), sich besaufen, sich die Gurgel schmieren (ölen), sich die Kehle anfeuchten (ölen/schmieren), sich die Nase begießen, sich einen Rausch antrinken, sich einen Schwips antrinken, sich einen anknallen, sich einen ansaufen, sich einen genehmigen, sich einen hinter die Binde gießen, sich volllaufen lassen, trinken (1), trinken (2), voll sein wie eine Strandhaubitze (Haubitze), volldröhnen, volltanken, zechen, zu tief ins Glas (in die Flasche) schauen, zur Flasche greifen* (всего 40).

Субстантивные номинации: *Alkoholabhängiger, Alkoholeinfluss, Alkoholexzess, Alkoholiker, Alkoholmissbrauch, Alkoholsucht, Alkoholsüchtiger, Angetrunkenheit, Bacchant, Betrunkener, Betrunkenheit, Quartalssaufen, Rausch, Saufbold, Saufbruder, Sauferei (1), Sauferei (2), Saufgelage, Saufkumpan, Schluckspecht, Schnapsbruder, Schnapsdrossel, Schnapsleiche, Schnapsnase, Schwips, Suff (1), Suff (2), Suffkopp, Säufer, Trinker, Trinkerei (1), Trinkerei (2), Trinkgelage, Trunkenbold, Trunkenheit, Trunksucht, Vollrausch, Wermutbruder, Zechbruder (1), Zechbruder (2), Zecher* (всего 41).

Таблица №1 Значимые характеристики номинаций концепта
«алкогольное опьянение» в русском языке

Номинации в русском языке (всего 101)	Значимости			
	темпоральная	территори- альная	стилевая	эмотивная
алкаш			разг.	
Алконавт				шутл.
Без просыпу пить			разг.	
Бездонная бочка				шутл.
Бражник				шутл.
Бражничать				
бражничество			разг.	
Бухать			разг.	
Бухарик				экспресс.
Бухой			разг.	
Пьяный в дымину			разг.	
В стельку пьян (как стелька)			разг.	
Вензеля писать	устар.			шутл.
Веселый			разг.	
Винолюб				шутл.
Выводить вавилоны	устар.			шутл.
Выделывать ногами кренделя				шутл.
Выпивала			разг.	
Выпивать			разг.	
Выпивон				шутл.
Выпивоха			разг.	
Выпить на посошок			разг.	
Глушить			разг.	
Готовый			разг.	
До положения риз	устар.			шутл.
Забухать			разг.	
Заглядывать в бутылку			разг.	шутл.
Загул			разг.	
Залить глаза			разг.	
Залить шары			разг.	
Заложить за галстук			разг.	шутл.
Запить			разг.	
Зашибать			разг.	
Пьяный как зюзя				фамил.
Квасить			разг.	
Керосинить			разг.	
Кутила			разг.	
Кутить			разг.	
Лька не вяжет			разг.	экспресс.
На бровях (прийти,			разг.	

Номинации в русском языке (всего 101)	Значимости			
	темпоральная	территори- альная	стилевая	эмотивная
приползти)				
На ногах не стоять			разг.	
Набраться			разг.	
Надраться				экспресс.
Надрызгаться			разг.	
Нажраться			разг.	
Назюзиться			разг.	
Накачаться			разг.	
Накеросиниться			разг.	
Наклокаться			разг.	
Налакаться			разг.	
Нализаться			разг.	
Налимониться			разг.	
Напиться			разг.	
Напиться до зелёного змия	устар.			экспресс.
Напиться до чёртиков			разг.	экспресс.
Напиться допьяна			разг.	
Нарезаться			разг.	
Наспиртоваться			разг.	
Натрескаться			разг.	
Нахлестаться			разг.	
Не враг бутылки				шутл.
Окосеть			разг.	
Опрокинуть			разг.	
Перебрать			разг.	
Перепить (1)			разг.	
Перепить (2)			разг.	
Перепиться			разг.	
Питух			разг.	
(быть) под балдой			разг.	
(быть) под газом			разг.	
(быть) под градусом			разг.	
(быть) под мухой			разг.	
(быть) под хмелем			разг.	
Подвыпить			разг.	
Подгулять			разг.	
Поддатый			разг.	
Подпитие			разг.	
Попойка			разг.	
Пропойный			разг.	
Пропойца			разг.	
Пропустить (рюмашку/ рюмочку/ стаканчик)			разг.	
Пьющий			разг.	
Пьян как сапожник			разг.	

Номинации в русском языке (всего 101)	Значимости			
	темпоральная	территори- альная	стилевая	эмотивная
Пьяница			разг.	
Пьянка (1)			разг.	
Пьянка (2)			разг.	
Пьянчуга			разг.	
Пьянчужка			разг.	экспресс.
Пьянь			разг.	
Синяк			разг.	
Собутыльник			разг.	
Спиваться			разг.	
Хватить лишнего			разг.	
Шибать			разг.	

Таблица №2 Значимые характеристики номинаций концепта
«алкогольное опьянение» в английском языке

Номинации в английском языке (всего 79)	Значимости			
	темпоральная	территориальная	стилевая	эмотивная
boozer			разг.	
booze-up	устар.	брит.	разг.	
carousal			высок.	
dipsomaniac	устар.	брит.		
lush			разг.	
piss artist		брит.	разг.	
piss-up			разг.	
sot	устар.			
tippler		брит.	разг.	
tipsiness			разг.	
wino			разг.	
old soak				шутл.
bevviéd up		брит.	разг.	
bibulous				шутл.
bladdered		брит.	разг.	
blind drunk		брит.	разг.	
blotto		брит.		
boozy			разг.	
crooked		амер.	разг.	
drunk as a lord			разг.	
drunk as a skunk			разг.	
half-cut	устар.	брит.		
hammered			разг.	
inebriated			офиц.	
intemperate			офиц.	
juiced		амер.	разг.	
legless		брит.	разг.	
loaded		амер.	разг.	
mashed			разг.	
merry		брит.	разг.	
paralytic		брит.	разг.	
pickled	устар.		разг.	
pie-eyed	устар.		разг.	
pissed			разг.	
pissed as a newt		брит.	разг.	
pissed out of (one's) head		брит.	разг.	
plastered			разг.	
rat-arsed			разг.	
roaring drunk			разг.	
shit-faced			разг.	
slaughtered		брит.	разг.	

Номинации в английском языке (всего 79)	Значимости			
	темпоральная	территориальная	стилевая	эмотивная
sloshed			разг.	
smashed			разг.	
sozzled		брит.	разг.	
squiffy	устар.	брит.		
stewed	устар.		разг.	
stinking drunk			разг.	
stoned	устар.		разг.	
tanked up		брит.	разг.	
tiddly		брит.	разг.	
tight		брит.	разг.	
tipsy			разг.	
to be on the bottle			разг.	
to be in one's cups	устр.	брит.		
to be on the bottle			разг.	
to be out of it			разг.	
to be out of one's box		брит.	разг.	
to be out of/off one's head			разг.	
to be the worse for drink		брит.	разг.	
to be the worse for wear			разг.	
to be well away		брит.	разг.	
to booze			разг.	
to carouse			высок.	
to cop a buzz		амер.	разг.	
to have a few too many			разг.	
to have a skinful		брит.	разг.	
to have had one too many			разг.	
to have one for the road			разг.	
to hit the bottle			разг.	
to knock something back			разг.	
to swill (down)			разг.	
to tie one on		амер.	разг.	
trashed		амер.	разг.	
trolleyed		брит.	разг.	
wasted			разг.	
wrecked		брит.	разг.	

Таблица №3 Значимые характеристики номинаций концепта
«алкогольное опьянение» в немецком языке

Номинации в немецком языке (всего 62)	Значимости			
	темпоральная	территори- альная	стилевая	эмотивная
angeduselt			разг.	
angeheitert			разг.	
angesäuselt			разг.	
angeschickert		берлин.	разг.	
beschwipfen	устар.		разг.	
beschwipst			разг.	
den Kanal voll haben			разг.	
dun		северонемец.		
eine Schlagseite haben			разг.	шутл.
einen abbeißen		берлин.		
einen auf die Lampe gießen			разг.	
einen in der Krone haben			разг.	
einen über den Durst trinken			разг.	шутл.
einen Zacken weghaben			разг.	
einen zur Brust nehmen			разг.	
etwas durch die Gurgel jagen			разг.	
fett		берлин.	разг.	
feuchtfrohlich			разг.	шутл.
immer eine trockene Kehle haben			разг.	
knallvoll			разг.	экспресс.
knülle			разг.	
kübeln			разг.	
picheln			разг.	
Quartalssaufen			офиц.	
Saufbold			разг.	
Saufbruder			разг.	
saufen (1)			разг.	
saufen (2)			разг.	
Sauferei (1)			разг.	
Sauferei (2)			разг.	
Saufgelage			разг.	
Saufkumpan			разг.	
schicker		западннем.	разг.	
Schluckspecht			разг.	шутл.
Schnapsbruder			разг.	
Schnapsdrossel			разг.	
Schnapsleiche			разг.	шутл.
Schnapsnase			разг.	
Schwips			разг.	
besaufen			разг.	

Номинации в немецком языке (всего 62)	Значимости			
	темпоральная	территори- альная	стилевая	эмотивная
sich die Gurgel schmieren (ölen)			разг.	
sich die Kehle anfeuchten (ölen/ schmieren)			разг.	
sich die Nase begießen			разг.	
sich einen anknallen			разг.	
sich einen ansaufen			разг.	
sich einen genehmigen			разг.	шутл.
sich einen hinter die Binde gießen			разг.	
sich einen Rausch antrinken			разг.	
sich einen Schwips antrinken			разг.	
sternhagelvoll			разг.	
Suff (1)			разг.	
Suff (2)			разг.	
Suffkopp			разг.	
Trinker			разг.	
Trunkenbold			разг.	
versoffen			разг.	
voll sein wie eine Strandhaubitze (Haubitze)			разг.	
volltanken			разг.	
Wermutbruder			разг.	
Zechbruder (1)	устар.			
Zechbruder (2)	устар.			
Zecher	устар.			
zu tief ins Glas (in die Flasche) schauen			эвфем.	шутл.
zur Flasche greifen		австрийск.	разг.	